О ПОЛОЖЕНИИ ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО РУССКОГО НАРОДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2026

ЦИПКР

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

КПРФ

Доклад Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР) для фракции КПРФ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации

О ПОЛОЖЕНИИ ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО РУССКОГО НАРОДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 2026

Доклад
Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР)
для фракции КПРФ в Государственной Думе
Федерального Собрания Российской Федерации

Авторы-составители:

С.П. Обухов, доктор политических наук (научный редактор),
И.М. Куприянова, А.М. Михальчук, А.М. Богачев, С.А. Елагин, С.С. Крылов.

По материалам ответов на депутатские запросы С.П. Обухова из ФОИВ, законодательных, представительных органов власти субъектов Российской Федерации, институтов РАН, а также научных публикаций, публикаций СМИ и соцмедиа.

Предварительный вариант доклада. Окончательный будет подготовлен по итогам обсуждений на круглом столе «Законодательное обеспечение развития русского государствообразующего народа: проблемы, перспективы и роль гражданского общества в формировании желаемого образа будущего».

О ПОЛОЖЕНИИ ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО РУССКОГО НАРОДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Доклад ЦИПКР для фракции КПРФ в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий доклад подготовлен экспертами Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР) для фракции КПРФ в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации в рамках подготовки к парламентскому круглому столу *«Законодательное обеспечение развития русского государствообразующего народа: проблемы, перспективы и роль гражданского общества в формировании желаемого образа будущего»*.

Одна из задач доклада – комплексный анализ положения русского народа как основы государствообразующего этноса в контексте реализации соответствующих положений Конституции, различных государственных стратегий и концепций.

С 2020 года в российском конституционно-правовом поле появилась и получила развитие новая категория – «государствообразующий народ» применительно к русскому народу. Её введение повлекло за собой необходимость инкорпорирования в систему стратегического планирования и отраслевое законодательство, однако, как показывают проведённые аналитические обзоры, процесс имплементации идёт неравномерно. Настоящий материал обобщает несколько аналитических срезов: от первичного конституционного закрепления до детального сопоставления двух поколений стратегических документов государственной национальной политики, а также фиксирует, как трансформировалось понимание «проблемы самочувствия» русского народа в официальном дискурсе.

I. Конституционно-правовая основа

Единственной нормой высшей юридической силы, прямо закрепляющей рассматриваемое понятие, является **часть 1 статьи 68 Конституции РФ** (в редакции Закона РФ о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, вступившей в силу 4 июля 2020 г.):

*«Государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык как язык **государствообразующего народа**, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».*

Ключевой момент здесь: на высшем юридическом уровне статус русского народа как государствообразующего закрепляется **исключительно через языковую функцию**. Именно такая формулировка, изначально предложенная президентом РФ, задаёт рамку для последующего нормотворчества – статус жёстко привязан к русскому языку как государственному.

Вместе с тем части 2 и 3 статьи 68 Конституции гарантируют республикам право устанавливать свои государственные языки наряду с русским, а всем народам Российской Федерации – право на сохранение родного языка. Таким образом, статус русского как языка государствообразующего народа вписан в многоязычную федеративную модель и не отменяет лингвистических прав других этносов.

Положение о русском народе не выделено в отдельный конституционный акт, а интегрировано в общие нормы о многонациональном народе Российской Федерации как носителе суверенитета и единственном источнике власти. Дальнейшая непроработанность норм о государствообразующем русском народе не снимает определённого «внутреннего напряжения» в законодательстве и правоприменительной практике. Очевидно, что нужна конкретизация сопряжения между принципом равноправия народов и категорией *«государствообразующий»,* что ставит задачу решения данной проблемы на последующих стадиях правового регулирования.

II. Федеральное законодательство: закон о языках народов РФ

На уровне федерального законодательства основополагающим актом остаётся **Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-I «О языках народов Российской Федерации»**. Он закрепляет русский язык как государственный и основу языкового законодательства, регулирует официальное опубликование правовых актов на русском языке (с возможностью дублирования в республиках) и создаёт правовую базу для защиты языковых прав граждан. При этом понятие **«государствообразующий народ» в данном законе отсутствует**, равно как и корреспондирующие ему новые правовые механизмы. Это наглядно иллюстрирует тезис о фрагментарной имплементации: конституционная новация 2020 года до сих пор не отражена в профильном законодательном акте, который должен был бы первым воспринять обновлённый статус русского языка.

III. Эволюция понятия и его отражение в государственных документах (2012–2025 гг.)

Анализ текстов стратегических актов и федеральных программ выявляет отчётливую эволюцию: от непрямого признания проблемы к формально-юридической категории с измеримыми целевыми показателями.

1. Этап до 2020 года: «системообразующее ядро» и опосредованное признание проблемы

Действовавшая до недавнего времени **стратегия государственной национальной политики на период до 2025 года** (утв. указом президента от 19.12.2012 № 1666) использовала понятия **«системообразующее ядро»** и «системообразующее звено» применительно к русскому народу. Это была характеристика исторически сложившейся роли, вокруг которой объединялись народы, но лишённая прямой конституционной отсылки (поправки 2020 года ещё не были приняты). Русский язык трактовался как государственный и язык межнационального общения, а культурная поддержка формулировалась одинаково для всех народов РФ, без специальных показателей. Конкретные KPI, связанные с русским народом, отсутствовали.

При этом в тот же период проблема **«сложного социокультурного самочувствия русского народа, неудовлетворённости его этнокультурных потребностей»** была чётко артикулирована в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» (утв. постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718). Однако, как показано в научной литературе (например, публикация О.Ю. Яхшияна от 2014 г.), в самой Стратегии национальной политики эта проблема напрямую не обозначалась. Исследователь подчёркивал, что интерпретация самочувствия русского народа как проблемы государственной национальной политики была возможна в тот период «только опосредованно» – через программно-целевые механизмы, не интегрированные в текст главного стратегического документа.

2. Этап после 2020 года: конституционная рамка и дифференциация документов

Указы президента Российской Федерации обязательны для исполнения на всей территории страны, однако не могут противоречить Конституции и федеральным законам; поэтому стратегические документы развивают конституционные положения в установленных правовых пределах.

Проведённый сплошной анализ указов и утверждённых ими концепций/стратегий позволяет разделить действующие документы на три группы по степени использования понятий «русский народ» и «государствообразующий народ».

А. Документы с прямым использованием и развитием понятий

• **Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года** (утв. указом президента от 25.11.2025 № 858). Здесь впервые применено понятие «**русский государствообразующий народ**» как самостоятельная социально-политическая категория, выходящая за рамки языковой привязки. Русский народ позиционируется как консолидирующий стержень государственной и культурной общности.

• **Основы государственной языковой политики Российской Федерации** (утв. указом президента от 11.07.2025 № 474). Понятие строго привязано к конституционной формуле: речь идёт об обеспечении защиты, поддержки и развития русского языка именно как **языка государствообразующего народа**, без расширительной этнополитической трактовки.

Б. Документы со смежными понятиями или косвенными отсылками

• **Концепция внешней политики Российской Федерации** (утв. указом от 31.03.2023 № 229). Термин «**русский народ**» упоминается однократно при описании цивилизационной общности «Русского мира» как ядра народов, объединённых общей историей и культурой. Юридическая дефиниция «**государствообразующий народ**» во внешнеполитический оборот не введена.

• **Концепция государственной миграционной политики на 2019–2025 годы** (утв. указом от 31.10.2018 № 622). Понятия «русский народ» и «государствообразующий народ» **отсутствуют**. Единственная смежная категория – «русский язык» как условие адаптации иностранных граждан, без какой-либо этнокультурной или статусной нагрузки.

• **Новая концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы** (утв. указом от 15.10.2025 г. № 738), в отличие от обновлённой стратегии государственной национальной политики, **не содержит** прямых упоминаний о русском народе как о государствообразующем. Документ сохраняет акцент на **русском языке, истории и культуре** как на фундаментальных основах для адаптации и интеграции мигрантов. Концепция оперирует понятиями «российское общество», «граждане РФ» и «многонациональный народ». Вместе с тем здесь содержатся многочисленные положения о необходимости для мигрантов изучать **русский язык, знать историю России и основы законодательства**. Отдельно подчёркивается задача по сохранению «**русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу её культурного (цивилизационного) кода**». Таким образом, в сфере миграционной политики на данном этапе реализован узкий, «лингвистический» подход: инструментом интеграции выступает русский язык как государственный, в то время как более широкие этнополитические формулировки, закреплённые в Конституции и «профильной» Стратегии национальной политики, в этот документ не перенесены.

В. Документы с полным отсутствием понятий

• **Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей** (утв. указом от 09.11.2022 № 809). Несмотря на то, что документ защищает ценности, исторически присущие в том числе русской культуре, он оперирует исключительно категориями «многонациональный народ РФ» и «граждане России», не выделяя русский народ в качестве отдельного субъекта. Ни одно из анализируемых понятий не используется.

3. Детальное сравнение стратегий национальной политики 2012 и 2025 годов

В контексте изменения государственных подходов к закреплению в правовом поле положения русского народа как государствообразующего весьма характерна эволюция стратегий национальной политики 2021 и 2025 гг. (табл. 1).

Выделим ключевые смысловые переходы и правовые коллизии:

От «системообразующего» к «государствообразующему». Это не просто замена терминов. Понятие «системообразующее ядро» (2012 г.) носило описательный исторический характер. Новое понятие «государствообразующий русский народ» является **конституционно-правовой категорией**, прямой производной от поправок 2020 года, и отражает усиление роли русского народа как базиса всей государственности.

Фиксация нуждаемости в защите. В стратегии до 2036 года впервые прямо утверждается, что русский народ – это «государствообразующий народ, чьи язык, культура и традиции нуждаются в защите и продвижении». Это кардинально отличается от подхода 2012 года, где аналогичная проблематика была вытеснена из текста стратегии в сопутствующую федеральную программу.

От деклараций к измеримым целям. Появление конкретного KPI (доля мероприятий по популяризации русской культуры ≥ 50%) переводит

Таблица 1

Эволюция стратегий национальной политики 2021 и 2025 гг. в отношении русского государствообразующего народа

Аспект	Стратегия до 2025 г. (Указ №1666)	Стратегия до 2036 г. (Указ № 858)
Основной статус	«Системообразующее ядро» / «системообразующее звено»	«Государствообразующий русский народ»
Конституционная основа	Отсутствует	Прямая отсылка к поправкам 2020 года
Роль и функция	Исторически сложившееся ядро объединения народов	Объединяющая роль как стержня государственной и культурной общности
Языковой аспект	Укрепление статуса русского языка как государственного и средства межнационального общения	Статус русского языка как языка государствообразующего народа; отдельный блок задач по сохранению и развитию
Культурная составляющая	Поддержка культур всех народов РФ	Популяризация русской культуры с целевым показателем не менее 50% от всех этнокультурных мероприятий
Исторический аспект	Не выделен	Популяризация знаний об истории государствообразующего русского народа и других народов, противодействие фальсификации истории
Проблемный контекст	Проблема социокультурного самочувствия русского народа признавалась лишь опосредованно, через ФЦП	**Прямое указание**, что язык, культура и традиции русского народа нуждаются в защите и продвижении
Целевые показатели	Отсутствуют	Конкретные измеримые показатели, включая количественный KPI по русской культуре

статус из пассивной характеристики в активный инструмент национальной политики, подлежащий планированию и оценке эффективности.

Фрагментарность и пробелы имплементации. Проведённый анализ показывает, что, несмотря на конституционное закрепление и активное использование в обновлённой национальной и языковой стратегиях, термин **неравномерно распределён** по правовой системе. В документах, регулирующих ценностную сферу (указ № 809) и миграцию (указ № 622), понятие полностью отсутствует. Показательно, что даже профильный закон «О языках народов РФ» до сих пор не инкорпорировал категорию «государствообразующий народ». Отсутствие в миграционной политике отсылок к государствообразующему народу контрастирует с логикой языковой политики, где адаптация мигрантов и знание русского языка как языка государствообразующего народа должны быть связаны теснее. Во внешнеполитической концепции используется лишь культурно-историческое понятие «русский народ», но не конституционно-правовое «государствообразующий».

IV. Роль политических партий в эволюции государственных подходов к закреплению в правовом поле положений о государствообразующей роли русского народа

Первой политической силой, поставившей вопрос о государствообразующей роли русского народа, была Компартия РСФСР, которая в 1991 году провела под руководством секретаря ЦК КП РСФСР Конгресс государственно-патриотических сил России. Это была первая попытка интегрировать в политическую систему различные национал-патриотические группы и объединения, возникшие на волне перестройки.

Тему русских также поднимала Либерально-демократическая партия Советского Союза. Но в данном случае мы анализируем не публичные заявления, а программные партийные документы.

После разрушения СССР в декабре 1991 года **только в официальных документах восстановленной после запрета КПРФ мы находим тему защиты государствообразующего русского народа.**

Коммунистическая партия Российской Федерации **последовательно отстаивала интересы русского народа на протяжении всего постсоветского периода, начиная с самого момента своего создания**. Уже в июле 1993 года в «Тезисах предвыборной платформы КПРФ», опубликованных в газетах «Советская Россия» и «Правда России», партия выступила за *«признание культурно-исторической роли русского народа в создании многонациональной общности россиян» и против «насаждения русофобии»*. Эти положения закладывали фундамент для дальнейшей систематической работы по защите русского народа и его культуры.

В 2000-е годы КПРФ перешла к институционализации защиты русского народа на уровне партийных решений и законодательных инициатив. X съезд КПРФ в 2004 году принял специальную резолюцию по «русскому вопросу» и поручил Центральному Комитету *«продолжить разработку программы действий по защите русского народа, великой русской культуры как основы сохранения и развития страны»*. Кульминацией этого процесса стал IX совместный пленум ЦК и ЦКРК КПРФ 24 марта 2007 года, принявший постановление «О задачах КПРФ по защите русской культуры как основы духовного единства многонациональной России». Документ содержал конкретные задачи: от пропаганды русской культуры и защиты русского языка до поддержки народных промыслов и протестного движения работников культуры.

Переломным моментом стала конституционная реформа 2020 года, когда КПРФ выступила инициатором закрепления за русским народом статуса государствообразующего в Конституции РФ. Партия предложила дополнить часть 1 статьи 68 формулировкой о *«государствообразующем русском народе, объединившем в единый союз на основе исторической преемственности все народы и этнические общности России».* Депутат от КПРФ Д.А. Парфёнов дополнительно предложил внести в статью 70 положение: *«Государствообразующим народом России является русский народ в его неразрывной многовековой дружбе со всеми народами».* Хотя правящие круги приняли инициативу КПРФ в несколько смягченном виде, сам факт конституционного закрепления понятия «государствообразующий народ» стал результатом многолетней борьбы коммунистов.

Идеологическое обоснование защиты русского народа последовательно развивал Председатель ЦК КПРФ Г.А. Зюганов в своих многочисленных работах – от статьи «Русский вопрос» (1993) до книг «О русских и России» (2004), «Русский стержень державы» (2020) и «Русский мир на двух осях». Лидер КПРФ напрямую связывал защиту русского народа с борьбой против олигархического капитала и переходом к социализму, подчёркивая, что «русские – государствообразующая нация», которая «никогда не угнетала другие народы». Г.А. Зюганов констатировал катастрофические демографические потери русского народа: 25 миллионов оказались за границами России после распада СССР, ещё 20 миллионов были потеряны в ходе «либеральных реформ», что представляет «чрезвычайную опасность для всех народов России».

Практическая деятельность КПРФ по защите русского народа включала как законодательные инициативы внутри страны, так и защиту соотечественников за рубежом. Партия добилась объявления 6 июня Днём русского языка (2011), инициировала принятие в 2025 году закона о защите русского языка и запрете доминирования англицизмов в публичном пространстве. Фракция КПРФ была разработчиком базового закона «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» (1999), инициатором признания ДНР и ЛНР (2022), организатором 150 гуманитарных конвоев на Донбасс. Партия последовательно выступала против дискриминации русских в Прибалтике и на Украине, за возвращение Крыма и Севастополя в состав России.

Принципиальная позиция КПРФ заключается в органическом соединении защиты государствообразующего русского народа с интернационализмом и борьбой за социальное освобождение всех трудящихся. Опираясь на ленинскую работу «О национальной гордости великороссов», коммунисты подчёркивают, что подлинное национальное возрождение России возможно только через избавление от диктатуры олигархии, переход к социализму и возрождение дружбы народов. Защита русского народа для КПРФ неотделима от защиты всей многонациональной семьи народов России, которую исторически объединил вокруг себя русский народ, и от борьбы против эксплуатации, социального и культурного угнетения трудящихся всех национальностей.

Ниже представлена единая сводная таблица (табл. 2) и обобщающий аналитический материал, интегрирующие все имеющиеся данные о политических партиях и движениях России, в чьих документах или публичных заявлениях встречается понятие «государствообразующий русский народ» или его прямые аналоги.

Таблица 2

Политические партии и движения, использующие понятие «государствообразующий русский народ»

Партия / Движение	Дата (период) первой фиксации	Основной документ / источник	Ключевая формулировка
КПРФ	22 июля 1993 г. (тезисы платформы); 27 января 2020 г. (официальное предложение поправки в Конституцию)	Тезисы предвыборной платформы КПРФ; Предложение поправки в Конституцию	«признание культурно-исторической роли русского народа» (1993); Конституционная поправка – «государствообразующим народом России является русский народ» (2020)
Конгресс русских общин (КРО)	1993 г. (идеология с основания), уточнения в 2000-е	Манифест возрождения России, поздние редакции программных материалов (rogozin.ru)	Русские как основа государства; в поздних версиях – прямой термин «государствообразующий народ»
ЛДПР	Использует «русскую риторику с момента основания»; 25 февраля 2011 г.	Проект закона «О государственной поддержке русского народа»	«Признать его [русский народ] государственно образующей нацией российского государства»
Российский общенародный союз (РОС)	Программа 1995 г. уже подчеркивала приоритет русских, но без точного термина; ~2010–2013 гг. (обновлённая программа)	Программа РОС, зарегистрирована в Минюсте (minjust.gov.ru); публикации на vsezaros.ru	Ранние упоминания «государствообразующего народа» (без «русский») – с 2010-х в контексте русского этноса как ядра нации. Россия как «государство русских», триединый русский народ (великороссы, белорусы, украинцы). «Возвращение русским… роли государствообразующего народа»
Русское общественное движение (РОД/РНЛ)	2000-е гг., активизировано после 2012 г.	Идеологические материалы и обращения на rusidea.org	«Русский народ как государствообразующий» (со ссылками на выступления В. Путина 2013 г.)
Партия «Родина»	2003–2010-е гг.; публично заявлено 13 сентября 2016 г.	Программа партии (minjust.gov.ru); выступление Ф.В. Бирюкова на дебатах	«сохранение народа Российского» с имплицитным признанием русских государствообразующими; «Партия "РОДИНА" выступает за возвращение в официальный язык понятия "государствообразующий русский народ"» (2016)
«Народный союз» (ранее «Народная воля»)	24 марта 2007 г.	Манифест партии (принят на съезде)	«Русские являются основным государствообразующим народом страны»
Национал-демократическая партия (НДП)	2010–2012 гг.	Манифест Национально-демократического альянса (2010), программа НДП (основана в 2012 г.)	Русские как государствообразующий этнос
«Справедливая Россия»	16 января 2012 г.	Предвыборная программа кандидата в Президенты РФ С.М. Миронова	«Русские – государствообразующий народ»
«Единая Россия»	5 февраля 2020 г.	Предложение депутата К.Ф. Затулина (фракция «ЕР») о поправке в преамбулу Конституции	«Русский народ нуждается в том, чтобы его роль была признана в Конституции»; предложение признать русских государствообразующим народом

Примечание: партии, в документах которых понятие не обнаружено: «Новые люди», «Партия Роста», «Яблоко».

Обобщающий анализ: эволюция и контекст появления термина

1. Этап зарождения (1993 – конец 2000-х)

• **КПРФ** ещё в 1993 г. в тезисах платформы заявляла о необходимости «признания культурно-исторической роли русского народа», что заложило смысловую базу для последующей формулировки.

• Первые сигналы появляются у национал-патриотических сил. ЛДПР с момента основания активно использует «русскую риторику».

• **Конгресс русских общин (КРО)** с момента основания в 1993 г. продвигал идею русских как основы государства, а к 2000-м в его идеологии фиксируется сам термин «государствообразующий народ».

• **Русское общественное движение (РОД/РНЛ)** в 2000-е гг. активно использовало конструкцию «русский народ как государствообразующий» в идеологических публикациях.

2. Формирование публичного дискурса (2007–2012)

• **24 марта 2007 г. «Народный союз»** (ранее «Народная воля») впервые среди зарегистрированных партий прямо закрепил в манифесте: «Русские являются основным государствообразующим народом страны».

• **2010–2013 гг. РОС** в обновлённой программе вводит понятие «государствообразующий статус триединого русского народа» и требует возвращения русским роли государствообразующего народа. Хотя программа РОС уже в 1995 г. подчёркивала приоритет русских, но без точного термина.

• **2010–2012 гг. НДП** через манифест Национально-демократического альянса провозглашает русских государствообразующим этносом.

• **25 февраля 2011 г. ЛДПР** вносит проект закона, предлагая признать русских «государственно образующей нацией».

• **16 января 2012 г. «Справедливая Россия»** в предвыборной программе С.М. Миронова фиксирует: «Русские – государствообразующий народ».

3. Конституционализация термина (2020)

• Пик политической мобилизации вокруг понятия пришёлся на обсуждение поправок в Конституцию. **КПРФ** 27 января 2020 г. предложила поправку: «Государствообразующим народом России является русский народ». **«Единая Россия»** в лице К.Ф. Затулина 5 февраля 2020 г. выступила за отражение этой роли в преамбуле Конституции. Хотя итоговая редакция (ч. 1 ст. 68) связала статус с языком, само понятие было официально введено.

• После 2020 г. **ЛДПР** активно поддерживала конституционную новацию, а в ноябре 2025 г. приветствовала дальнейшее закрепление статуса в Стратегии государственной национальной политики.

4. Современный этап (после 2020 г.)

• Парламентские партии, за исключением **«Новых людей», Партии роста и «Яблока»**, в той или иной форме используют термин. Внепарламентские национал-патриотические объединения сохраняют его как программный.

• Партия **«Родина»** в программах после 2020-х также перешла к прямым отсылкам к государствообразующей роли русских.

Источники (ссылки на документы и публикации)

• **КПРФ:** тезисы платформы 1993 г.; предложение поправки в Конституцию от 27.01.2020.

• **РОС:** программа партии на vsezaros.ru; регистрационные документы minjust.gov.ru.

• **Русское общественное движение (РОД/РНЛ):** материалы сайта rusidea.org (цитаты с отсылкой к выступлению В. Путина 2013 г.).

• **Национал-демократическая партия (НДП):** манифест Национально-демократического альянса (2010), доступен через ru.wikipedia.org (описание программы).

• **КРО:** «Манифест возрождения России» и поздние редакции идеологических материалов rogozin.ru.

• **«Народный союз»:** манифест, принятый на съезде 24.03.2007 (цитируется по базам партийных документов).

• **ЛДПР:** Проект федерального закона «О государственной поддержке русского народа» от 25.02.2011.

• **«Справедливая Россия»:** предвыборная программа кандидата в президенты РФ С.М. Миронова, 2012 г.

• **«Единая Россия»:** заявление К.Ф. Затулина от 05.02.2020 о поправке в преамбулу Конституции.

• **Партия «Родина»:** программа на minjust.gov.ru; стенограмма дебатов с участием Ф.В. Бирюкова, 13.09.2016.

Таким образом, категория «государствообразующего русского народа» прошла путь от зарождения в гуще народно-патриотического движения против либеральных контрреформ начала 1990-х до официального конституционного закрепления в 2020 году и в настоящее время является частью программной риторики основных парламентских и целого ряда внепарламентских партий.

V. Некоторые выводы

1. Стадийность правовой институционализации. Категория «государствообразующий народ» прошла путь от первичного конституционного закрепления (2020 год) исключительно в языковом контексте – через выборочную имплементацию в стратегических указах – до расширительной трактовки в качестве самостоятельной социально-политической категории в стратегии национальной политики 2025 года. При этом на уровне федеральных законов (прежде всего – Закона «О языках народов РФ») понятие до сих пор не отражено, что подчёркивает незавершённость процесса.

2. Смена философии национальной политики. Если стратегия 2012 года была реакцией на постсоветские внутренние вызовы и лишь опосредованно признавала проблему социокультурного самочувствия русских, то стратегия 2036 года представляет собой проактивную доктрину, нацеленную на консолидацию общества перед лицом внешних угроз. В ней русский государствообразующий народ прямо наделяется объединяющей миссией, а его язык, культура и история становятся объектами целенаправленной государственной защиты с измеримыми показателями.

3. Сохраняющаяся фрагментарность. Процесс имплементации далёк от завершения. В значительной части действующих указов стратегического характера (традиционные ценности, миграционная политика) и в профильном законодательстве анализируемые понятия не используются. Конституционная норма интегрирована в общую федеративную модель и не порождает отдельного правового института, что обусловливает как отсутствие единой терминологической линии, так и сохраняющуюся правовую неопределённость относительно содержания и юридических последствий статуса *«государствообразующий народ»*.

4. Переход от пассивной характеристики к активному инструменту. Эволюция формулировок заключается в движении от описательной исторической роли («системообразующее ядро») к формально-юридическому статусу с прямой конституционной отсылкой, что влечёт постановку конкретных задач по защите, развитию и популяризации русского языка и культуры, а также установление измеримых целевых показателей. Это превращает статус из декларации в работающий механизм национальной политики.

5. Анализ эволюции закрепления понятия «государствообразующий русский народ» в правовом поле Российской Федерации убедительно демонстрирует ключевую роль политических партий как катализаторов трансформации общественного запроса в конституционно-правовую норму. **КПРФ сыграла решающую роль** в этом процессе, став первой парламентской силой, которая не только систематически артикулировала проблему защиты русского народа в своих программных документах начиная с 1993 года, но и последовательно продвигала её через все уровни законодательной власти. Хотя «русскую тему» активно продвигали на уровне риторики как ЛДПР Жириновского с момента основания, так и Конгресс русских общин Рогозина и Российский общенародный союз Бабурина. Но именно коммунисты первыми закрепили в своих программных документах требования государственной защиты интересов русского народа, а в 2020 году выступили с конкретной инициативой внесения в Конституцию РФ формулировки о государствообразующем статусе русского народа, предложив наиболее полную редакцию поправки к статье 68, которая включала указание на историческую преемственность и объединяющую роль русского народа. Хотя итоговая конституционная норма была принята в несколько смягчённом виде (через привязку к языковой функции), сам факт её появления стал прямым результатом многолетней идеологической и законодательной работы КПРФ, которая создала необходимую политическую повестку и общественный консенсус вокруг этого вопроса.

6. Вместе с тем успех конституционализации понятия был обеспечен **широкой межпартийной коалицией**, сформировавшейся к 2020 году вокруг национально-патриотической повестки. Если на этапе зарождения (1993–2007) тема государствообразующей роли русского народа была прерогативой преимущественно оппозиционных и национал-патриотических сил (КПРФ, КРО, РОС, Русское общественное движение), то к началу 2010-х годов она проникла в программные документы парламентских партий различной идеологической направленности – от ЛДПР (проект закона 2011 года) до «Справедливой России» (программа С.М. Миронова 2012 года). По сути, растущая общественная поддержка закрепления идеи государствообразующей роли русского народа фактически превратила вопрос из оппозиционного требования в общенациональный консенсус. Этот процесс демонстрирует классический механизм влияния партий на государственную политику: идея, выношенная в недрах оппозиционного движения и систематически продвигаемая через парламентские механизмы, постепенно легитимизируется, проходит стадию общественного обсуждения и в конечном итоге инкорпорируется в базовый правовой документ государства.

7. Таким образом, конституционное закрепление статуса государствообразующего русского народа в 2020 году представляет собой результат почти тридцатилетней эволюции политического дискурса, в котором партии выступили не просто трансляторами общественных настроений, но активными архитекторами новой конституционно-правовой реальности.

РАЗДЕЛ I. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РАССЕЛЕНИЕ

1.1. Демографические потери русского народа в истории России: оценки ЦИПКР, верификация ИРИ РАН и дискуссионные данные по периоду 1990–2025 гг.

На протяжении многотысячелетней истории государствообразующего русского народа всевозможные исторические катаклизмы, борьба за выживание во враждебном окружении, стихийные бедствия, эпидемии и социально-экономические кризисы нанесли глубокие демографические шрамы. Каждый такой период – от монгольского нашествия до Смутного времени, от войн и революций XX века до постсоветской депопуляции, оставлял после себя не только уменьшение численности населения, но и долговременные структурные изменения: гендерный дисбаланс, миграционные потери, кризис семьи… Понимание истинных масштабов этих исторических потерь важно для осознания вызовов, с какими ныне сталкивается русский народ и другие народы России в условиях геополитического противостояния с глобалистским Западом, нарастающих гибридных угроз и попыток внешнего давления на демографические процессы.

В последние годы в публичном пространстве циркулируют самые разные, порой противоречивые цифры демографических потерь России в различные эпохи. Значительный разброс оценок затрудняет выработку взвешенной государственной политики и адекватное восприятие обществом текущей ситуации.

Эксперты Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР) предприняли попытку по различным источникам оценить масштабы демографических потерь русского народа в последнем тысячелетии. Важно, что Институт российской истории РАН дал свою верификацию такого рода оценок *(в ответ на депутатский запрос депутата Госдумы С.П. Обухова)*. Институт представил развёрнутый экспертный ответ, в котором не только скорректировал многие экспертные оценки, но и высказал мнение о методологических ошибках прямого сопоставления разновременных событий.

В настоящем разделе доклада дан сопоставительный анализ собранных ЦИПКР исходных экспертных оценок и экспертной верификации ИРИ РАН. Дополнительно к данным ИРИ РАН приведены оценки демографических потерь русского народа после 1990 года – эпохи перестройки, радикальных реформ, постсоветского кризиса, пандемии COVID-19 и современных конфликтов. ИРИ РАН, ограничиваясь хронологическими рамками своей компетенции, не берётся оценивать события после 2000 года. Вместе с тем три постсоветские десятилетия являются критически важными для понимания текущих демографических процессов. Поэтому им посвящены следующие разделы доклада.

В историческом разделе всё же даётся развёрнутая характеристика постсоветской демографической катастрофы как явления, уникального по своим причинам и последствиям. Это позволит более обоснованно подойти к оценке нынешних рисков, включая угрозы народозамещения вследствие неконтролируемой миграции, и определить приоритеты демографической политики, направленной на выживание и развитие русского народа в XXI веке.

Исторические оценки демографических потерь русского народа: исходные экспертные оценки и позиция ИРИ РАН

Эксперты ЦИПКР на основании косвенных данных в различного рода научных и научно-популярных источниках провели агрегирование и реконструкцию размеров потерь на основании разного рода данных по численности населения России в течение прошедшего тысячелетия русской истории.

Например, косвенные расчёты экспертов на портале posredi.ru, которые опираются на известные данные о городском населении (около 298 тысяч человек в 340 городах) и средней доле городского населения в европейских городах (до 4%), предполагают, что население Древней Руси до монгольского нашествия составляло 7–8 млн. чел., хотя диапазон оценок более широк – от 1,5 до 15 млн. При этом потери от нашествия оцениваются до 2 млн. человек. Такого рода оценки и были агрегированы в таблицу экспертами ЦИПКР.

Понятно, что такого рода данные отражают широко распространённые в публицистике и даже в части исторической литературы цифры, которые не всегда имеют строгое научное обоснование, о чём и говорится в верификационном ответе на депутатский запрос от ИРИ РАН.

Таким же образом получена спорная оценка численности населения России в период Смуты XVII века.

В конце XVI века Россия пережила тяжёлый экономический кризис, получивший название *«поруха 70 – 80-х годов XVI в.»*. В этот период более 50% пашни (а местами до 90%) оставались необработанными, и одна часть населения разбежалась, другая – погибла в годы опричнины и Ливонской войны. К началу Смутного времени произошла «голодная катастрофа»: в 1601–1603 годах в несколько раз выросли цены, начались спекуляции хлебом. В 1602 году цены выросли более чем в 100 раз. Начались массовые эпидемии. В Москве были отмечены случаи людоедства. Данных о численности населения нет. Есть только оценки численности населения России спустя два десятилетия после Смуты (примерно 1630–1640-е годы), основанные на данных переписей 1620-х и 1646 годов, которые учитывали крестьянские и посадские дворы.

Перепись 1646 года зафиксировала 551 тысячу крестьянских дворов и 31 тысячу посадских дворов. При средней численности 6 человек на двор общая численность составляла около 3,5 млн человек, а с учётом недоучёта (25%) – 4,5–5 млн человек. Есть указания, что, например, в Новгородской земле в 1620 году население было вдвое меньше, чем в 1582 г., т.е. до кризиса, голода и Смуты.

Понятно, что позиция ИРИ РАН основана на архивных данных, демографическом моделировании и критическом пересмотре источников. Институт прямо указал на методологическую некорректность механического сопоставления процентов потерь в разные эпохи. Поэтому в табл. 1 добавлен отдельный столбец **«Население до конфликта (оценки ИРИ РАН)»**, чтобы можно было наглядно сравнить численность населения, принимаемую академической наукой, с цифрами из разного рода неакадемических источников.

Таблица демонстрирует три важных вывода.

Первый: экспертные оценки по ряду периодов (Смута, Первая мировая война, монгольское нашествие) оцениваются ИРИ РАН как в определенной степени завышенные. Хотя по другим *«историческим катаклизмам»* оценки экспертов и ИРИ РАН близки.

Второй: в ряде случаев ИРИ РАН не предоставляет своих оценок, но указывает на завышенность потерь в экспертных расчётах (например, от монголо-татарского ига).

Третий: для постсоветского периода академический институт не даёт оценки, но из открытых источников следует, что убыль в 13–15 млн человек за 12 лет (1989–2000) сопоставима с потерями в Гражданской войне, а если учесть всё 35-летие 1991–2025 гг. с ковидом и эмиграцией, то общий демографический ущерб приближается к масштабу Великой Отечественной войны, однако имеет совершенно иную, *невоенную природу.*

Таблица построена таким образом, чтобы читатель доклада мог наглядно сравнить: а) что предполагалось экспертами ЦИПКР изначально; б) что подтвердила или опровергла академическая наука; в) какие дополнительные факты и цифры известны о самом длительном и невоенном демографическом катаклизме в истории России – периоде 1991–2025 гг.

Анализ демографических потерь русского народа различных периодов

Ниже представлена академическая оценка демографических потерь русского народа в различные исторические периоды *(из ответа ИРИ РАН на депутатский запрос С.П.Обухова).*

Монгольское нашествие – отсутствие достоверных данных

Из-за скудости источников (летописи, археология), по мнению ИРИ РАН, **невозможно дать на-**

Таблица 1

Сводная таблица оценки исторических демографических потерь русского народа

Период	Население до конфликта		Потери	Доля потерь	Данные и позиция ИРИ РАН
	оценки ЦИПКР	оценки ИРИ РАН	оценки ЦИПКР		
Монгольское нашествие (1237–1240)	7–8 млн	нет данных	2,5–4 млн	30–50%	Достоверные оценки невозможны из-за недостатка данных. Процент потерь явно завышен.
Смутное время (1598–1618)	~10 млн	~6 млн	4–5 млн	30–50%	Потери ~1,2 млн (около 20%).
Северная война / Пётр I (1700–1721)	нет данных	нет данных	От переписи 1678-го до переписи 1710 года численность податных хозяйств сократилась на 19,5%.	нет данных	Добавлено: 110 тыс. потерь (~1% населения). Данных о населении нет.
Эпидемия чумы (1770 г.)	нет	нет	нет	нет	Добавлено: в Москве 120 тыс. умерших (при населении столицы до 200 тыс.). Общероссийская статистика отсутствует.
Отечественная война 1812 + Заграничные походы (1812–1814)	~41 млн	42–44 млн	0,42 млн	~1%	Частично подтверждено: военные потери ~420 тыс. (1%). Гражданские потери неизвестны.
Первая мировая война (1914 – начало 1918)	~178,9 млн	до 180 млн (включая Финляндию и Польшу)	5–8 млн	2,7–4,4%	Скорректировано: потери 3,49 млн (армия 2,34 + гражданские 1,15). Территориальная убыль ~38% до почти полного территориального восстановления в 1939–1940 гг. и после 1945.
Гражданская война (1918–1922)	~154 млн (бывшая РИ)	144–148 млн (границы СССР до 01.09.1939)	8–17 млн	6,5–11%	Скорректировано: потери в т.ч. от голода, эпидемии «испанки» и других эпидемий и т.п. 10–14 млн (7–10%).
Великая Отечественная война (1941–1945)	~196 млн	~196 млн (с присоединёнными территориями)	26,6 млн	13,6%	Подтверждено: потери 27 млн (14%).
Перестройка и реформы (1989–2000)	148,3 млн (1991)	148,3 млн (1991) – данные РСФСР	13–15 млн	9–10%	Цифры признаны, но оговорка о методологии (нельзя суммировать убыль за 12 лет в процент).
Период 1991–2025 (расширенный)	148,3 млн (1991)	Период выходит за рамки компетенции ИРИ РАН	см. примечание	см. примечание	–

Примечание: Основные потери и факторы (1991–2025):

- 1991–2021: сокращение с 148,3 до 143,4 млн (без учёта миграции). Пик убыли – 997 тыс. (2020–2021).
- Сверхсмертность до 16,2‰ (2003).
- Рождаемость упала с 2,01 до 1,16 (1999).
- Ковид: 0,7–1 млн избыточных смертей.
- Эмиграция: 1990-е – 2,5 млн; 2010-е – 1,5 млн; 2022–2024 – 1 млн+.
- Структурные сдвиги: старение (доля 65+ с 8% до 22%), гендерный дисбаланс (46% мужчин 30–40 лет
- Прогноз ООН к 2050 при сохранении тенденций: 112–130 млн.

учно обоснованные количественные оценки ни численности населения Древней Руси, ни потерь от нашествия. Экспертная оценка 30–50% признана ***завышенной***. Публикуемые различные расчётные модели, на которые ссылается ЦИПКР, пока не прошли академическую верификацию.

Смутное время – радикальное снижение оценок

Вместо экспертной оценки в ~10 млн населения и 30–50% потерь ИРИ РАН приводит академические оценки: **6 млн населения и 1,2 млн потерь (20%)**. Это результат критического пересмотра податной базы и демографических реконструкций. Потери остаются катастрофическими, но не настолько, чтобы уничтожить от трети до половины населения.

Северная война и правление Петра I

Потери в 110 тыс. человек (~1% населения) выглядят скромно, однако **общие демографические потери за 20 лет реформ не подсчитаны** из-за отсутствия надёжных переписей. В таком случае остается только полагаться на данные, что от переписи 1678-го до переписи 1710 года численность податных хозяйств сократилась на 19,5%.

Эпидемия чумы 1770 г.

ИРИ РАН справедливо указывает, что массовые эпидемии XVIII–XIX веков часто наносили больший урон, чем войны. Только в Москве чума унесла **120 тыс. жизней** (более половины жителей столицы). Общероссийская статистика отсутствует.

Отечественная война 1812 г. – подтверждение военных потерь

Военные потери (420 тыс., ~1% населения), приводимые в экспертных оценках ЦИПКР, сомнений не вызывают. Однако **данные о потерях мирного населения отсутствуют**, поэтому общие демографические потери страны за 1812–1814 гг. остаются неизвестными.

Первая мировая война – академическое занижение экспертных оценок

Вместо 5–8 млн ИРИ РАН называет **3,49 млн** (2,34 млн военных + 1,15 млн гражданских). При этом добавляется важный аспект: **территориальные потери** вследствие распада империи привели к сокращению населения (в границах 1914 г.) на **38%** – это не прямые демографические потери, а геополитическая убыль, частично компенсированная территориальными приращениями СССР в 1920–1930-е годы и к 1945 г.

Гражданская война – сужение экспертного диапазона

Диапазон **10–14 млн потерь (7–10% населения)** из академических оценок ИРИ РАН близок с средним значениям экспертных оценок, что агрегировал ЦИПКР (8–17 млн). Институт признаёт катастрофический характер периода, но не детализируя структуру демографических потерь (гибель на фронтах, голод, террор, болезни, эпидемии).

Великая Отечественная война – полное согласие с экспертами

Разница между 26,6 млн и 27 млн статистически незначима. Это самый верифицированный период.

Детальный анализ периода 1990–2025 гг.

1. Общая убыль населения

- **1991–2021:** сокращение со **148,3 млн до 143,4 млн** (без учёта миграции), несмотря на возврат Крыма.
- **Пик убыли: 997 тыс. человек за 2020–2021 гг.**
- **Ключевые драйверы:**
  - **Сверхсмертность** – рост до **16,2% к 2003 г.** (алкоголизм, сердечно-сосудистые болезни, внешние причины).
  - **Обвал рождаемости** – снижение с **2,01 ребёнка на женщину (1989) до 1,16 (1999)** – самый низкий показатель в Европе.
  - **Ковид (2020–2022)** – добавил **700 тыс. «избыточных смертей»**; смертность в 2021 г. превысила рождаемость вдвое.

2. Структурные сдвиги

- **Старение населения:** доля лиц 65+ выросла с **8% (1991) до 22% (2024)**, нагрузка на работающих – **1:1,4 к 2025 г.**
- **Гендерный дисбаланс:** мужчины составляют лишь **46% в возрасте 30–40 лет** из-за сверхсмертности (алкоголь, травмы, суициды).
- **Этнический перекос:** доля русских по переписи сократилась с **81% (1989) до 71% (2021)**, хотя, по экспертным мнениям, это издержки дистанционной из-за ковида переписи, когда свою национальность не указали преимущественно русские.

3. Социальные катализаторы

- **Алкоголизация: 7 млн больных алкоголизмом**; смертность от отравлений выросла в **3 раза среди женщин**.
- **Кризис семьи**: число разводов достигло **70% от браков; 30% детей** рождены вне брака.
- **Эмиграция** (три волны):
  - 1990-е: **2,5 млн** (научная элита);
  - 2010-е: **1,5 млн** (экономическая миграция);
  - 2022–2024: **1 млн+**

4. Пандемия COVID-19 (2020–2022)

• **Избыточная смертность:** официальные данные – **500 тыс. в 2020 г.**, реальные оценки – **до 1 млн.**

• **Долгосрочные эффекты:** продолжительность жизни мужчин сократилась до **64,2 лет (2021)** – уровень 1950-х годов.

5. Уникальность кризиса 1991–2025 гг.

• ***Невоенный характер***: основные причины – социально-экономический коллапс (падение ВВП на 40% в 1990-е), деиндустриализация, кризис здравоохранения.

• **Роль алкоголя: 54% смертей мужчин 30–45 лет** связаны с отравлениями, ДТП, насилием на фоне опьянения.

• **Демографические шрамы:**

° Провал 1990-х – когорта родившихся в 1990–2000 гг. на **40% меньше**, чем в 1980-е –> дефицит трудовых ресурсов с 2010-х.

° *Старение* – к 2040 г. **40% населения будут пенсионерами** –> кризис ПФР и медицины.

• **Политика противодействия:**

° *Материнский капитал* (с 2007) – повысил рождаемость с 1,3 до 1,8 (2015), но эффект затух к 2020 г.

° *Мать-героиня* (2022) – 1 млн руб. за 10 детей – символическая мера, не учитывающая урбанизацию и смену ценностей.

6. Прогнозы и выводы по периоду 1990–2025 гг.

• **Сценарии к 2050 г.:**

° *Оптимистичный:* **135 млн** (при возврате эмигрантов и росте рождаемости).

° *Пессимистичный*: **112 млн** (продолжение убыли + новая эмиграция).

• **Сравнение с историческими катаклизмами:**

° Относительные потери (9–10%) **ниже** Смутного времени (20–30%) или Гражданской войны (11%), но **выше** Отечественной войны 1812 г. (1%).

° **Качественное отличие**: впервые кризис вызван не войной/голодом, а **демодернизацией и ценностным коллапсом**.

• **Риски будущего**:

° *Территориальные потери* – убыль населения в Сибири и на Дальнем Востоке на **15–30%** –> риски геополитической нестабильности.

° *Этническая трансформация* – доля русских **<60% к 2050 г.** при сохранении народозамещающих трендов.

Некоторые выводы:

Демографическая цена реформ 1991–2025 гг. для русского народа в Российской Федерации – **13–15 млн человек** – ставит этот период в один ряд с крупнейшими трагедиями русской истории. Его уникальность – в сочетании **длительности (35 лет), невоенных причин** и **необратимости последствий** из-за структурных сдвигов. Восстановление требует не только экономических мер, но и преодоления **антропологического кризиса** (потеря смыслов, кризис семьи, депопуляционные установки).

7. Некоторые методологические замечания ИРИ РАН

Институт подчёркивает, что **прямое сопоставление демографических потерь от катаклизмов разной природы, длительности и эпох некорректно**. Необходимо учитывать:

• развитие медицины (вакцинация радикально снизила смертность от эпидемий);

• характер вооружённых конфликтов (профессиональные армии Нового времени против миллионных армий XX века);

• действенность компенсаторных механизмов (община, запасы, государственные запреты на экспорт зерна);

• разницу между прямыми потерями (убитые, умершие от голода/болезней) и косвенными (падение рождаемости, эмиграция, территориальные утраты);

• в исторический перечень демографических катаклизмов следует добавить периоды массовых эпидемий и голода, которые в некоторые периоды русской истории (например, XVIII в.) наносили больший урон, чем войны.

<u>Источники:</u>

• Агрегированные Центром исследований политической культуры России (ЦИПКР) экспертные оценки численности населения исторической России за последнее тысячелетие и оценки демографических потерь, рассчитанные как в научно-популярной, так и научной литературе (нуждаются в верификации академической наукой)

• Ответ ИРИ РАН от 20.04.2026 № 14105-21-13-2-5 на депутатский запрос С.П.Обухова (подготовлен С.В. Журавлёвым, В.Б. Жиромской, В.Н. Захаровым, А.А. Горским, Д.В. Лисейцевым, Д.Ю. Козловым).

• Расширенные данные по периоду 1990–2025, основанные на открытых источниках (Росстат, ООН, экспертные оценки).

1.2. Русское ядро России. Пространственная структура расселения русского народа

Вопрос о том, где именно расположено русское ядро Российской Федерации – то территориальное пространство, на котором русский народ образует не просто большинство, а демографически и культурно доминирующую среду, – относится к числу базовых для понимания устройства страны. От ответа на него зависит и понимание исторической логики формирования государства, и оценка современных социально-демографических процессов, и выработка стратегических решений в сфере региональной и национальной политики.

В настоящем разделе представлено комплексное исследование пространственного распределения русского населения в Российской Федерации, выполненное на основе материалов Всероссийской переписи населения 2020 года. Его цель – выявить территориальную структуру расселения русских, определить контуры «русского ядра» страны и проследить, как от этого ядра расходятся пояса пониженной этнической концентрации – от регионов сплошного русского большинства до национальных окраин, где русские превращаются в небольшое меньшинство. Такой анализ позволяет увидеть Россию как сложно устроенное пространство, в котором историческое ядро русской государственности органично соединено с полиэтничной периферией, и понять, на каких регионах в первую очередь держится демографическая устойчивость русского народа.

I.Методология исследования

В качестве эмпирической базы исследования использованы данные Всероссийской переписи населения 2020 года, содержащие сведения о национальном составе населения субъектов Российской Федерации. Перепись фиксирует общую численность населения страны на уровне 146 447 424 человек. Из них национальность указали 130 587 364 человека, что составляет 89,17% от общей численности; ещё 10,83% жителей либо отказались от ответа на этот вопрос, либо были учтены без указания национальной принадлежности. Численность русских по итогам переписи – 105 579 179 человек, то есть 80,85% от числа граждан, назвавших свою национальность.

Методологическое замечание. Для корректности всех последующих расчётов доля русского населения везде определяется не от общей численности населения, а от числа граждан, назвавших свою национальность. Такой подход позволяет избежать систематических искажений, которые возникают, если учитывать в знаменателе тех, кто национальность не указал: эти 10,83% распределены по регионам неравномерно и при буквальном включении в расчёт могут существенно занизить сопоставимые доли русских в одних субъектах и завысить в других.

Классификация регионов по уровню этнической концентрации русских

Для типологизации регионов в исследовании разработана шестиуровневая шкала этнической концентрации русского населения. Каждая ступень шкалы соответствует качественно своеобразной модели расселения и имеет собственный набор характеристик – историко-географических, демографических и социокультурных.

Первый уровень – русское ядро (90–98%). К нему отнесены регионы с подавляющим большинством русского населения, где русские составляют более 90% от числа назвавших национальность. Это территории традиционного русского расселения, отличающиеся минимальным присутствием других этнических групп, исторической непрерывностью русского населения и абсолютным доминированием русской культуры и языка в общественной жизни. *Численная граница ядра – 90% и выше.*

Второй уровень – околоядро (85–90%). В эту группу входят регионы с очень высокой долей русского населения, близкие к ядру, но с несколько более заметным присутствием иных этнических групп. Абсолютное доминирование русских в демографической и культурной сферах при этом сохраняется. Регион попадает в околоядро, если доля русских находится в диапазоне 85,00–89,99%, то есть остаётся близкой к среднероссийским показателям ядра, при одновременном наличии небольших, но устойчивых этнических меньшинств.

Третий уровень – субъядро (80–85%). Это регионы с долей русских выше среднероссийского уровня (80,85%), но не достигающей порога околоядра. Русские здесь сохраняют устойчивое

большинство, однако этническое разнообразие выражено заметно более явно. Формальные границы группы – 80,00–84,99%; показатель остаётся выше среднего по стране, но в социальной ткани региона уже ощутимо присутствуют значимые этнические меньшинства.

Четвёртый уровень – зона этнодоминирования (50–80%). К этой категории относятся регионы, где русские составляют большинство населения, но не подавляющее. Доля русских находится в диапазоне 50,00–79,99%, и наряду с русскими в регионе живут крупные этнические меньшинства, которые ощутимо влияют на его социокультурный облик. Русские здесь – самая многочисленная группа, но уже не безусловно доминирующая, а этническое разнообразие проявляется во всех сферах повседневной жизни.

Пятый уровень – зона весомого присутствия (25–50%). В неё включены регионы, где русские не составляют большинства (кроме одного региона), но представляют крупное меньшинство, имеющее существенное демографическое, экономическое и культурное значение. Доля русских – от 25,00 до 49,99%. Как правило, это национальные республики с титульным большинством, в которых русские оказываются крупнейшим или вторым по численности меньшинством, а структура населения характеризуется выраженной полиэтничностью.

Шестой уровень – этнопериферия (менее 25%). Это регионы с минимальной долей русского населения, в которых русские образуют лишь небольшое меньшинство (менее 25%), а в этнической структуре абсолютно доминируют другие народы. Здесь русские малочисленны, и общественная жизнь определяется культурой титульных этносов.

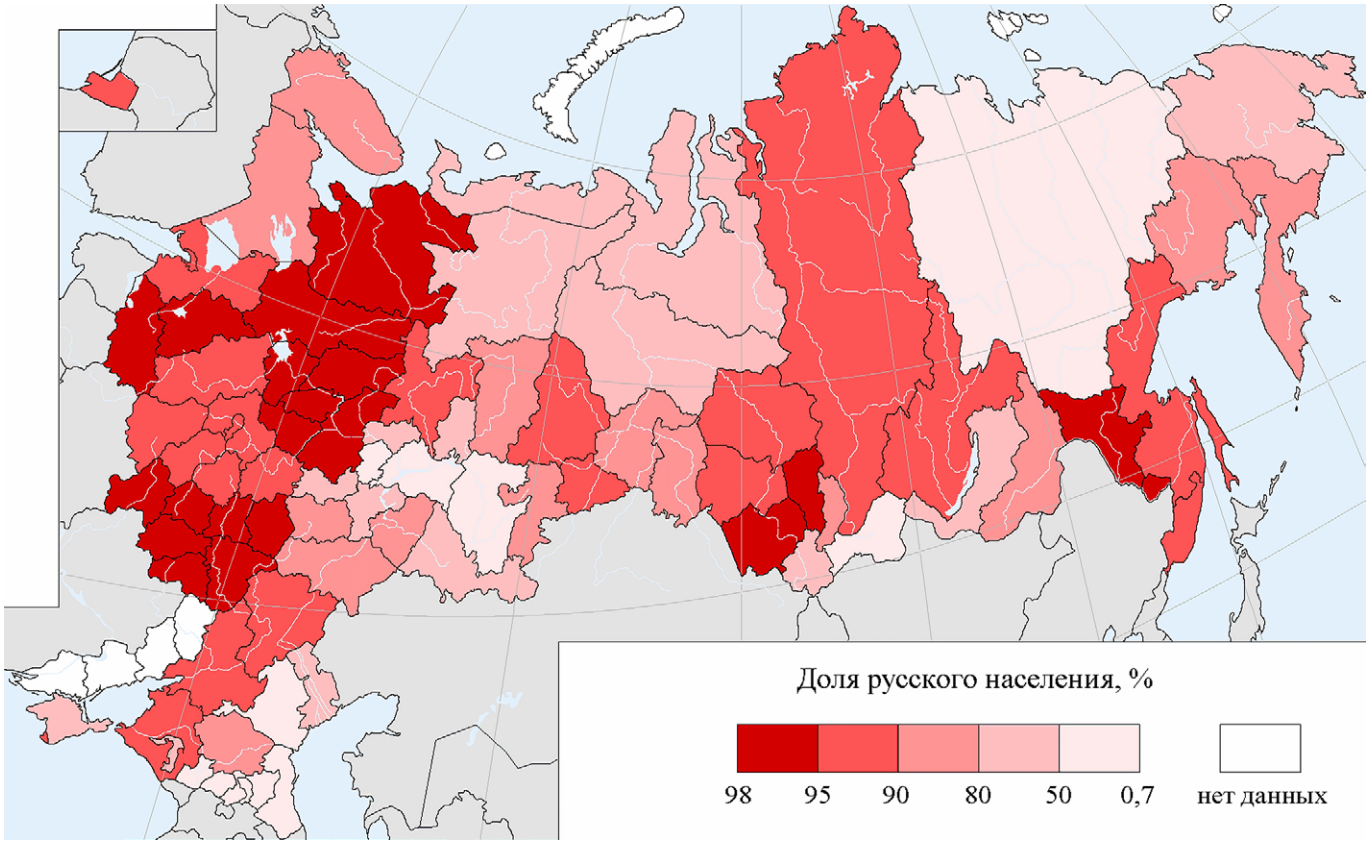
На рис.1 представлена доля русского населения по переписи 2020 года (среди указавших национальность) по выделенным шести уровням этнической концентрации.

Территориальная единица анализа

В качестве единицы анализа приняты субъекты Российской Федерации – всего 85 регионов по состоянию на 2020 год (без регионов Новороссии, вошедших в состав России позднее). Для обеспечения сопоставимости сравнений в ряде случаев пришлось вносить технические уточнения. Архангельская область рассматривается без Ненецкого автономного округа, а Тюменская область – без Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов; сами автономные округа при этом учитываются как самостоятельные субъекты. Такой подход позволяет сохранить корректность как региональных, так и федеральных сводок, не смешивая показатели «материнских» областей и входящих в их состав автономий с принципиально иной этнической структурой.

Рисунок 1

Доля русского населения по переписи 2020 года по уровню этнической концентрации (среди указавших национальность)

II. Русское ядро: региональный анализ

Общая характеристика русского ядра

Русское ядро Российской Федерации образуют 44 региона, в каждом из которых доля русского населения превышает 90%. Это масштабное географическое пространство концентрирует 77 529 322 человека русской национальности, что составляет 73,44% от всех русских страны. Средняя доля русских в регионах ядра достигает 93,67%, а разброс значений колеблется в сравнительно узком интервале – от 90,11% в Севастополе до 97,44% в Архангельской области (без Ненецкого автономного округа).

Принципиальный вывод состоит в том, что почти три четверти всех русских России проживают в регионах, где они составляют абсолютное большинство – более 90% жителей. Это означает, что русский народ – не диффузно «разлит» по огромной территории страны, а локализован в довольно чётко обрисованном географическом массиве. Именно этот массив и есть пространственный фундамент русской демографии.

На рис. 2 представлены регионы, входящие в русское ядро и околоядро. Как видим, русский «ядерный пояс» (ядро и околоядро) охватывает значительную часть европейской России и простирается до Тихого океана.

Географическая структура русского ядра

Центральная Россия

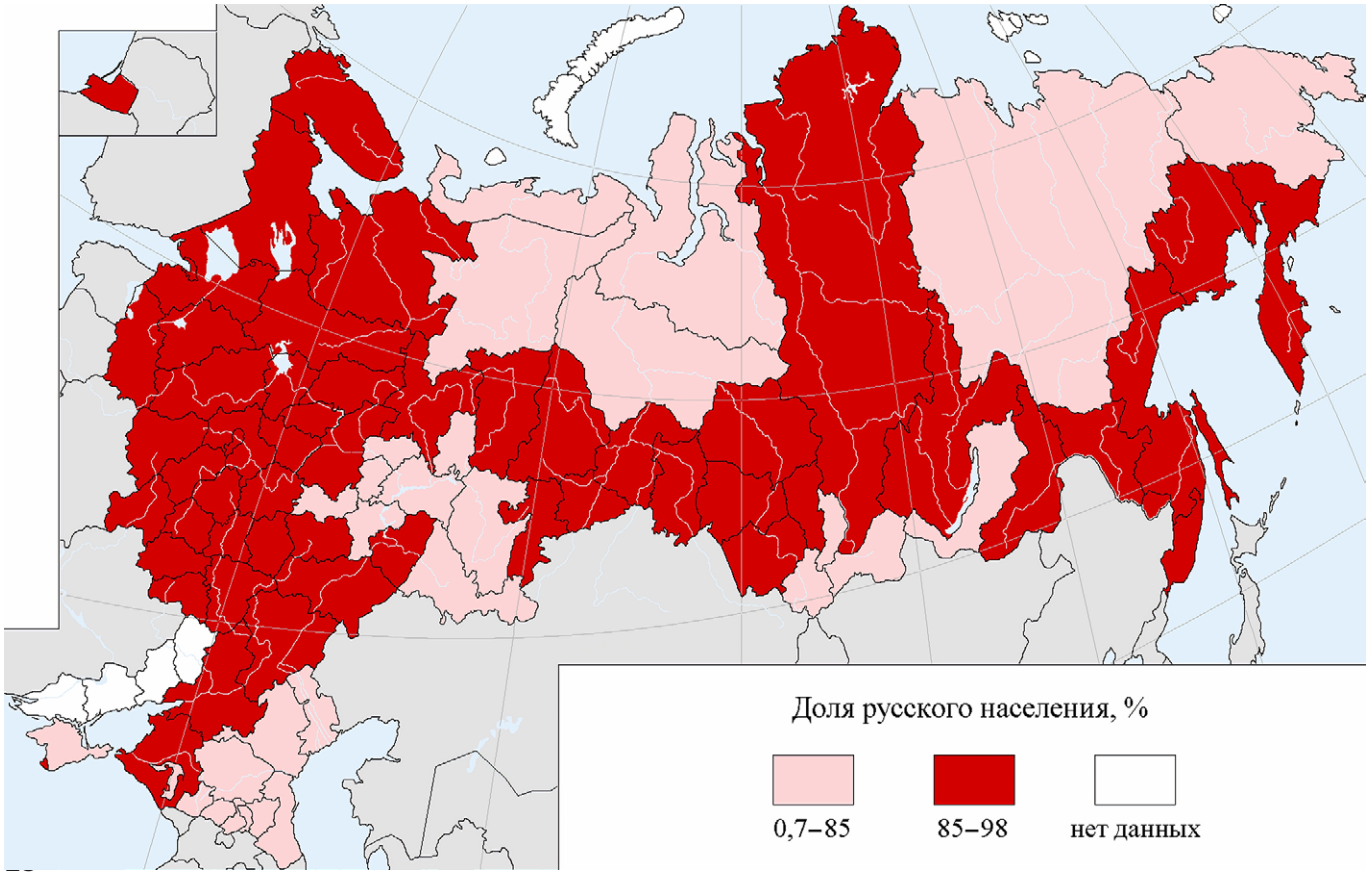
Центральная Россия – исторический центр русской государственности и культуры – представлена в составе русского ядра восемнадцатью регионами. Все без исключения субъекты Центрального федерального округа входят в ядро, что является уникальной особенностью этого макрорегиона.

Наиболее монолитную картину демонстрируют одиннадцать регионов с долей русских свыше 95%. Возглавляет этот список Липецкая область, где русские составляют 96,68% населения; близкие показатели характерны для Ярославской области – 96,52%, Костромской – 96,11%, Ивановской – 95,98%, Курской – 95,93% и Брянской – 95,87%. Дальше идут Владимирская область с 95,76%, Воронежская – 95,64%, Тамбовская – 95,61%, Орловская – 95,34% и Белгородская – 95,29%. Этот плотный пояс центральных регионов и образует наиболее однородную в этническом отношении часть страны.

Особо стоит отметить крупнейшие агломерации макрорегиона. В Москве русские составляют 90,21% населения, при этом их абсолютная численность достигает 9 074 375 человек – это крупнейший сосредоточенный массив русского населения в одном субъекте. В Московской обла-

Рисунок 2

Региональная доля русского ядра и околоядра среди всего населения по переписи 2020 года (среди указавших национальность)

сти доля русских ещё выше – 92,14%, а их численность – 6 873 903 человека.

К русскому ядру Центральной России относятся также пять областей, образующих исторический пояс «старорусских земель» вокруг Москвы и на западных рубежах страны: Тверская, Смоленская, Калужская, Тульская и Рязанская области. Во всех этих субъектах доля русских устойчиво превышает 90%, что соответствует критериям русского ядра. Эти регионы вместе с уже перечисленными выше составляют те самые 18 субъектов Центрального федерального округа, которые целиком, без единого исключения, входят в русское ядро страны.

Принципиальная характеристика Центральной России состоит в том, что она представляет собой наиболее монолитное русское ядро с минимальным этническим разнообразием. Даже крупнейшие мегаполисы, к которым традиционно стягиваются миграционные потоки и которые в иных странах обычно демонстрируют наиболее размытый этнический состав, в России (на примере Москвы) сохраняют долю русских выше 90%.

Северо-Запад

На Северо-Западе России в состав русского ядра входят семь регионов. Этот макрорегион представляет собой территорию исторического новгородско-псковского центра и Русского Севера – одного из древнейших очагов формирования русской нации. Здесь же находятся регионы с самой высокой в стране концентрацией русского населения. Архангельская область (без Ненецкого АО) с показателем 97,44% является абсолютным лидером в Российской Федерации по доле русских. За ней следуют Вологодская область – 96,71%, Псковская – 95,78% и Новгородская – 95,43%.

Крупнейший городской массив макрорегиона – Санкт-Петербург, где доля русских составляет 90,63%, а их численность – 4 275 058 человек. Прилегающая Ленинградская область демонстрирует ещё более высокий показатель – 93,73%, и в ней проживает 1 642 897 русских. Замыкает семёрку регионов ядра Северо-Запада Калининградская область – особый эксклавный субъект Российской Федерации, отделённый от основной территории страны и располагающийся на побережье Балтийского моря; доля русских в нём также находится в пределах ядра – свыше 90%.

В целом Северо-Запад – это регион максимальной концентрации русских с древнейшей историей русского присутствия. Архангельская область демонстрирует здесь высшую степень этнической однородности во всей Российской Федерации, что подчёркивает значение Русского Севера как одного из самых глубоких в стране резервуаров русской народной культуры.

Юг России

Южный сегмент русского ядра представлен четырьмя регионами и включает территории казачьего освоения и сельскохозяйственного Черноземья. Доля русских здесь несколько ниже, чем в Центральной России и на Северо-Западе, но по-прежнему уверенно превышает 90%. В Волгоградской области русские составляют 92,52% населения, в Краснодарском крае – 92,34%, в Ростовской области – 91,69%, в Севастополе – 90,11%.

Особое значение имеет Краснодарский край: при доле русских в 92,34% их абсолютная численность достигает 5 121 482 человек, и это лидер среди всех регионов России после Москвы и Московской области по численности русского населения. Ростовская область с её 3 606 327 русскими также входит в число крупнейших по этому показателю.

Южные регионы ядра отличаются несколько меньшей этнической концентрацией русских в сравнении с центром и северо-западом страны. Это обусловлено историческим присутствием в макрорегионе казачества как особого социально-культурного субэтноса русского народа, а также украинцев, армян и иных народов, чьё расселение по Югу имеет глубокие исторические корни. При этом именно Краснодарский край – главный центр сосредоточения русского населения в стране, что придаёт Югу особое значение в общей картине русского расселения.

Поволжье

Поволжье представлено в составе русского ядра двумя областями – Нижегородской и Кировской. Это островки сплошного русского большинства внутри обширного и преимущественно полиэтничного Приволжского федерального округа. В обоих регионах доля русского населения уверенно превышает 90%, что и относит их к категории русского ядра наряду с историческим центром страны, Северо-Западом, Югом, Уралом, Сибирью и Дальним Востоком.

Особенно показателен случай Нижегородской области – крупного индустриального и культурного региона на слиянии Оки и Волги, входящего в число важнейших промышленных центров России. Сохранение здесь монолитного русского большинства подчёркивает преемственность древнерусского и великорусского этнокультурного пространства, простиравшегося когда-то от Москвы до самой Волги. Кировская область, расположенная севернее и граничащая с региона-

ми финно-угорского Севера, также представляет собой устойчивое русское ядро в составе округа с принципиально более разнообразным этническим составом.

Тем самым **Поволжье добавляет к карте русского ядра свой собственный, исторически значимый сегмент, географически связывающий Центральную Россию с уральским и сибирским ядром в единый меридиональный пояс русского расселения.**

Урал

Уральская часть русского ядра – это два региона, формирующие промышленное сердце страны и одновременно территорию активной миграции, индустриализации и урбанизации. В Курганской области доля русских составляет 93,40%, в Свердловской – 92,32% при абсолютной численности русского населения 3 602 400 человек.

Уральское ядро сформировалось в результате волн промышленного освоения XVIII–XX веков: от петровских заводов до индустриальных гигантов советской эпохи. Свердловская область – крупнейший промышленный регион ядра и одна из опор русской городской цивилизации на стыке Европы и Азии.

Сибирь

Сибирское ядро объединяет шесть регионов – это территория русской колонизации XVI–XX веков, продвижения «встречь солнцу» от Урала к Тихому океану. Доля русских во всех этих регионах превышает 90%. Алтайский край демонстрирует показатель 95,45%, Кемеровская область – 95,28%, Новосибирская область – 94,15%, Красноярский край – 93,64%, Томская область – 93,38%, Иркутская область – 92,21%.

Сибирское ядро – это во многом результат массового переселения русских в XIX–XX веках, включая столыпинскую переселенческую эпопею, советскую индустриализацию и масштабные стройки народнохозяйственного значения. Высокая концентрация русских здесь обусловлена сочетанием промышленного освоения и интенсивной урбанизации огромной территории.

Дальний Восток

На Дальнем Востоке в русское ядро входят пять регионов – восточная граница русского расселения. Еврейская автономная область демонстрирует долю русских в 95,67%, Амурская – 95,17%, Приморский край – 94,42%, Хабаровский край – 92,86%, Сахалинская область – 91,20%.

Дальневосточное ядро складывалось в результате государственной колонизации XIX–XX веков, когда Россия закрепляла за собой выход к Тихому океану и осваивала тихоокеанский фронтир. Несмотря на огромную удалённость этого макрорегиона от исторического центра страны и общеизвестные демографические трудности, входящие в ядро регионы демонстрируют столь же высокую концентрацию русских, как и многие центральные области.

Демографическая мощность русского ядра

Численное распределение русских по регионам ядра показывает чёткую агломерационную структуру. Среди субъектов с численностью русского населения свыше трёх миллионов человек первое место занимает Москва с 9 074 375 русскими, за ней следует Московская область – 6 873 903 человека, Краснодарский край – 5 121 482, Санкт-Петербург – 4 275 058, Ростовская область – 3 606 327 и Свердловская область – 3 602 400 человек.

В совокупности эти шесть крупнейших регионов сосредоточивают 32 553 545 русских – 30,83% от общей численности русского населения Российской Федерации. Иначе говоря, почти треть всех русских страны проживает всего в шести субъектах, входящих в русское ядро. Этот факт указывает на исключительно высокую степень урбанизации и агломерационности расселения русского народа: его численная база сконцентрирована в крупнейших мегаполисах и примыкающих к ним зонах.

III. Околоядро: зона высокой концентрации

Общая характеристика околоядра

Околоядро – это пояс регионов, непосредственно прилегающий к ядру по уровню этнической концентрации русского населения. Его составляют 12 регионов с долей русских в диапазоне 85–90%. Совокупная численность русских в околоядре – 16 250 708 человек, что соответствует 15,39% от всех русских страны. Средняя доля русских в регионах околоядра – 87,70%, разброс значений умеренный: от 85,85% в Тюменской области (без автономных округов) до 89,93% в Мурманской области.

Состав околоядра

В состав околоядра входят Мурманская область с показателем 89,93%, Саратовская – 89,70%, Самарская – 89,61%, Пермский край – 89,41%, Забайкальский край – 89,22%, Омская область – 88,71%, Камчатский край – 88,30%, Магаданская область – 87,71%, Пензенская область – 87,57%, Карелия – 86,40%, Челябинская область – 86,34%, и Тюменская область (без автономных округов) – 85,85%.

Географическая характеристика

С точки зрения географической локализации околоядро распределено по нескольким крупным макрорегионам страны. В Поволжье в эту группу входят четыре региона: Саратовская, Самарская, Пензенская области и Пермский край – крупнейшие промышленные и аграрные регионы Среднего и Нижнего Поволжья с традиционно полиэтничным составом населения.

Уральский юг и сопредельные территории представлены двумя регионами – Челябинской и Тюменской областями (без автономных округов). Это промышленные центры с высокой миграционной активностью и устойчивым русским большинством.

Сибирь и Дальний Восток в околоядре представлены четырьмя регионами – Забайкальским и Камчатским краями, Омской и Магаданской областями. Это территории интенсивного освоения с заметным присутствием коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Российский Север в составе околоядра представлен двумя регионами – Мурманской областью и Карелией: территориями традиционного проживания финно-угорских народов, где доля русских, при всей высоте, всё же несколько уступает показателям центральных областей.

В целом околоядро формируют регионы с исторически сложившимся полиэтничным составом населения, в которых русское большинство, однако, остаётся устойчивым. Главное отличие околоядра от ядра – наличие в нём значимых этнических меньшинств: татар, башкир, коми, карелов и других народов, чьё присутствие отражается на общей этнодемографической картине, не разрушая при этом русского численного преобладания.

IV. Субъядро и зоны пониженной концентрации

Субъядро (80–85%)

Субъядро составляют два региона – Ставропольский край с долей русских 82,90% и Хакасия с показателем 82,14%. Общая численность русских в этих субъектах достигает 2 665 785 человек, или 2,52% от всех русских страны.

По своей природе субъядро – это переходная зона между регионами русского большинства и полиэтничными территориями.

Ставропольский край играет в этой геометрии особую роль: он выступает буферной зоной между русским Югом и Северным Кавказом, замыкая русское расселение с южной стороны и одновременно соприкасаясь с национальными республиками. Хакасия – регион со значительным титульным меньшинством, в котором сохраняется русское численное преобладание при выраженной национальной специфике.

Зона этнодоминирования (50–80%)

Зона этнодоминирования включает 18 регионов, в которых проживает в общей сложности 11 691 433 русских – 11,07% от всех русских страны. Средняя доля русских по этой группе составляет 65,18%.

Среди основных регионов зоны – Оренбургская область с показателем 79,29%, Ульяновская область – 77,49%, Республика Крым – 72,94%, Ханты-Мансийский автономный округ – 70,30%, Республика Коми – 69,69%, Удмуртия – 67,71%, Астраханская область – 67,10%, Адыгея – 64,43%, Бурятия – 63,95%, Ямало-Ненецкий автономный округ – 62,89%. Несколько ниже располагаются Чукотский автономный округ с 54,21%, Мордовия – 54,09%, Республика Алтай – 53,70%, Марий Эл – 52,51%.

Это регионы, в которых русские по-прежнему составляют большинство, но это большинство сосуществует с заметным влиянием титульных народов. Сюда входят национальные республики Поволжья, северные территории с коренными малочисленными народами, а также ресурсные регионы Севера с большой долей вахтового населения, формирующего особый демографический режим.

Зона весомого присутствия (25–50%)

Зона весомого присутствия включает шесть регионов, в которых проживает 3 884 371 русский – 3,68% от общей численности русских страны. Средняя доля русских по этой группе – 33,75%.

К данной группе относятся Татарстан с долей русских 40,34%, Башкортостан – 37,49% (здесь русских относительное большинство), Якутия – 32,63%, Чувашия – 30,70%, Карачаево-Черкесия – 27,55% и Калмыкия – 25,71%. Это национальные республики с титульным большинством (кроме Башкортостана), в которых русские образуют либо крупнейшее, либо второе по численности меньшинство. При этом, несмотря на численное доминирование титульных народов, русские сохраняют значительное экономическое и культурное влияние, особенно концентрируясь в столичных и крупных городах этих республик.

Этнопериферия (менее 25%)

Русская этнопериферия представлена шестью регионами, в которых русское население исчисляется уже в относительно небольших величинах – суммарно 452 697 человек, или 0,43% от всех русских страны. Средняя доля русских по этой группе – 10,60%.

В Кабардино-Балкарии русские составляют 19,84% населения, в Северной Осетии – 18,91%, в Тыве – 10,12%, в Дагестане – 3,26%, в Чечне – 1,21%, а в Ингушетии – лишь 0,67%, что является минимальным показателем по Российской Федерации в целом. Это регионы абсолютного доминирования титульных народов, где русские образуют небольшое меньшинство и сосредоточены преимущественно в городах и отдельных поселениях. Географически все регионы этнопериферии расположены на Северном Кавказе и в Южной Сибири.

V. Федеральные округа: анализ русской представленности

Перейдём от субъектного среза к макрорегиональному – рассмотрению восьми федеральных округов как крупных территориально-административных единиц, в которых складываются устойчивые этнические балансы. На этом уровне ясно видно, что Россия – страна контрастных этнодемографических режимов: от абсолютно монолитного русского ядра до регионов, где русские становятся меньшинством.

Центральный федеральный округ – русское ядро

В Центральном федеральном округе численность населения, назвавшего национальность, составляет 39 433 652 человека, из которых русских – 36 476 567, или 92,50% округа. По уровню этнической концентрации это однозначно русское ядро.

Структурная картина округа уникальна. Из 18 входящих в него регионов все 18 входят в русское ядро (показатель более 90%). Это абсолютная монолитность: ЦФО – единственный федеральный округ, где все без исключения регионы попадают в высшую группу этнической концентрации русских. Минимальная доля русских по округу – 90,21% (Москва), максимальная – 96,68% (Липецкая область).

Историческое значение округа невозможно переоценить: это территория формирования русской государственности, культуры и языка. На его пространстве расположены древнейшие центры русской цивилизации – Москва, Владимир, Ярославль, Тверь, Смоленск, Рязань.

Демографическая мощь округа исключительна. ЦФО концентрирует 34,54% всех русских России при доле в общей численности страны в 30,19%. Это абсолютный лидер по численности русского населения. Степень урбанизации крайне высока: на территории округа расположены две крупнейшие агломерации – Московская, в которой проживает около 16 миллионов русских, и пояс крупных и средних городов: Воронеж, Ярославль, Тула, Рязань.

По социально-экономическим функциям округ совмещает роли экономического, политического и культурного центра страны. Здесь сосредоточены органы власти, основные научные, образовательные и культурные институции. *В целом Центральный федеральный округ представляет собой абсолютное русское ядро России, демонстрирующее максимально возможную этническую однородность и предельную концентрацию русского населения.*

Северо-Западный федеральный округ – русское ядро

В Северо-Западном федеральном округе численность населения, назвавшего национальность, составляет 13 911 680 человек, из которых русских – 12 644 926, или 90,90% округа. По уровню этнической концентрации это второе после ЦФО русское ядро.

Внутренняя структура округа: семь регионов входят в собственно ядро (показатель более 90%); ещё два региона – Мурманская область и Карелия – относятся к околоядру (85–90%); ещё два – Республика Коми и Ненецкий автономный округ – попадают в зону этнодоминирования.

Историческое значение округа уходит корнями в эпоху Древней Руси: это территория новгородско-псковской государственности, Русского Севера, колыбель российского флота и знаменитого петровского «окна в Европу». На современной карте этничности именно здесь сложился регион с максимальной концентрацией русских в стране: Архангельская область (без Ненецкого АО) с показателем 97,44% – абсолютный национальный максимум, а Вологодская область с 96,71% занимает второе место.

Северная специфика округа выражается в присутствии территорий традиционного проживания финно-угорских народов – карелов, коми, ненцев. Именно их присутствие несколько снижает общий показатель округа в сравнении с ЦФО, не подрывая, однако, статуса Северо-Запада как русского ядра.

Урбанистическая ось округа – Санкт-Петербургская агломерация, вторая по величине в России и сосредоточивающая около шести миллионов русских. Особое место занимает Калининград – эксклавная территория с уникальной историей. Геополитическая роль округа определяется выходом к Балтийскому, Баренцеву и Белому морям, наличием приграничных регионов с Финляндией и странами Балтии, а также присутствием в Арктической зоне.

Таким образом, Северо-Западный федеральный округ – это второе русское ядро страны с древнейшей историей, максимальной концентрацией русских в центральных регионах округа и органично «обрамляющим» это ядро этническим разнообразием северной периферии.

Южный федеральный округ – околоядро

В Южном федеральном округе численность населения, назвавшего национальность, составляет 16 493 987 человек, из которых русских – 14 193 193, что соответствует 86,05% округа. По уровню этнической концентрации это околоядро.

Структура округа неоднородна. В русское ядро входят четыре региона – Краснодарский край, Ростовская и Волгоградская области, город федерального значения Севастополь. К зоне этнодоминирования относятся Республика Крым, Астраханская область и Адыгея. В зоне весомого присутствия – Калмыкия.

Историческая неоднородность округа обусловлена сочетанием нескольких процессов: казачьей колонизации XVI–XIX веков, последовательного присоединения разноэтничных территорий (Крым, Калмыкия), длительного взаимодействия с Кавказом. Это территория, на которой Россия исторически вступала в контакт с самыми разнообразными народами и культурами.

Демографический потенциал округа исключителен. Краснодарский край –лидер после Москвы и Московской области по численности русских среди регионов Российской Федерации с показателем около 5,1 миллиона человек. Ростовская область с её 3,6 миллиона русских – также один из крупнейших национальных центров. Этническое разнообразие округа выражается в значительном присутствии украинцев, армян, калмыков, адыгов, крымских татар. Республика Крым с долей русских 72,94% – регион сложной этнической истории, особенно отчётливо вернувшейся в фокус общественного внимания после 2014 года.

Казачество – особая страница социокультурной идентичности округа. Юг исторически связан с донским, кубанским и терским казачеством, сохраняющим самобытную культурную идентичность и сегодня. С экономической точки зрения округ выполняет роль аграрной житницы России, крупнейшей курортной зоны на черноморском побережье, важнейшего узла транспортных коридоров и морских портов. Его геополитическое значение определяется протяжённой границей с Украиной, выходом к Чёрному и Азовскому морям, близостью к Кавказу, а также присоединением Крыма и Севастополя в 2014 году.

Итогом является следующий портрет округа: *Южный федеральный округ – это околоядро с мощным русским большинством в основных регионах и значительным этническим разнообразием на периферии*. Это стратегический регион аграрного производства и выхода России к южным морям.

Приволжский федеральный округ – зона этнодоминирования

В Приволжском федеральном округе численность населения, назвавшего национальность, составляет 29 022 546 человек, из которых русских – 21 755 456, что даёт долю русских в размере 74,96% округа. По уровню концентрации это зона этнодоминирования.

Внутреннее устройство округа максимально разнообразно. В русское ядро (более 90%) входят Нижегородская и Кировская области. К околоядру (85–90%) относятся Пермский край, Саратовская, Самарская и Пензенская области. В зоне этнодоминирования (50–80%) – Оренбургская и Ульяновская области, Удмуртия, Мордовия, Марий Эл. В зоне весомого присутствия (25–50%) – Татарстан, Башкортостан и Чувашия.

Это уникальная этническая картина: *Приволжский федеральный округ – единственный, включающий регионы абсолютно всех типов классификации, от русского ядра до зоны весомого присутствия.* Здесь – наибольшая вариативность среди округов России.

Исторически округ представляет собой Волжский коридор – ось русской колонизации на восток. Присоединение Казанского ханства в 1552 году и Астраханского в 1556 году сформировало пространство многовекового взаимодействия русских с татарами, башкирами, финно-угорскими народами. Этот опыт длительного совместного проживания и есть фундамент сложной этнической ткани современного Поволжья.

Национальные республики округа – особый узел. В Татарстане доля русских – 40,34%, и сам регион является одним из крупнейших экономических центров страны. В Башкортостане доля русских – 37,49% в условиях развитого нефтегазового хозяйства. В Чувашии – 30,70%.

Демографическая мощь округа очень значительна: с 21,8 миллиона русских он занимает второе место в стране после Центрального округа. Основная масса русских концентрируется в областных центрах и крупных промышленных городах. Промышленный профиль округа разнообразен: автомобилестроение в Тольятти, Ижевске, Набережных Челнах, нефтехимия в Башкортоста-

не и Татарстане, машиностроение в Нижнем Новгороде и Перми. Крупнейшие города – Нижний Новгород, Казань, Самара, Уфа, Пермь – все с русским большинством.

В сводном виде Приволжский федеральный округ – это наиболее полиэтничный округ страны с русским большинством, демонстрирующий широкий спектр моделей межэтнического взаимодействия: от монолитно русских областей до республик с титульным большинством. По сути, на его территории сосуществуют сразу несколько типов этнического устройства.

Уральский федеральный округ – субъядро

В Уральском федеральном округе численность населения, назвавшего национальность, составляет 12 447 034 человека, из которых русских – 10 351 126, или 83,16% округа. По уровню концентрации это субъядро.

Структура округа: в русское ядро входят Свердловская и Курганская области; к околоядру относятся Челябинская и Тюменская (без АО) области; в зоне этнодоминирования находятся Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Уральский округ исторически выступает промышленным ядром страны – территорией интенсивной индустриализации XVIII–XX веков. Металлургия, машиностроение, оборонная промышленность – Екатеринбург, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск – всё это центры русской рабочей цивилизации. К старопромышленному корпусу примыкает ресурсная периферия: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа – основные нефтегазовые регионы России с характерным для них вахтовым методом освоения и высокой миграционной мобильностью.

Этническая структура округа отражает это деление. В промышленных областях устойчивое русское большинство: Свердловская – 92,32%, Челябинская – 86,34%. В автономных округах наряду с русским массовым присутствием значимы коренные народы Севера.

Демографическая картина округа также показательна: Свердловская область с 3,6 миллиона русских – четвёртая в стране по этому показателю; Челябинская – 2,5 миллиона. Главный ареал расселения – крупные города. Геостратегическое положение Урала определяется его ролью границы между Европой и Азией, наличием Транссибирской магистрали и близостью к Казахстану. С экономической точки зрения Урал – один из основных промышленных и ресурсных центров России, причём нефтегазовые доходы ХМАО и ЯНАО – одна из основ федерального бюджета.

В целом Уральский федеральный округ – это субъядро с устойчивым русским большинством, сформированным промышленным освоением, в котором гармонично сочетаются старопромышленные регионы (Свердловская и Челябинская области) и новые ресурсные территории (ХМАО, ЯНАО).

Сибирский федеральный округ – субъядро

В Сибирском федеральном округе численность населения, назвавшего национальность, составляет 17 126 551 человек, из которых русских – 14 397 280, что соответствует 84,07% округа. По уровню концентрации это субъядро.

Структура округа разнообразна. В русское ядро (более 90%) входят шесть регионов – Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Томская области, Алтайский край. К околоядру относится Омская область. В субъядре – Хакасия. В зоне этнодоминирования – Республика Алтай. В этнопериферию (менее 25%) попадает Тыва.

Историческое значение Сибири как колонизационного ядра трудно переоценить: это территория интенсивного русского освоения XVI–XX веков, включая распространение пояса казачьих поселений, многовековую крестьянскую колонизацию, строительство Транссиба, советскую индустриализацию и масштабное освоение целины.

Здесь сформировалось мощное русское ядро из шести регионов с долей русских более 90%. Новосибирск – крупнейший город Сибири, по праву именуемый её столицей. К нему примыкают Красноярск, Омск, Кемерово – крупные промышленные центры. На южной кромке округа, однако, располагается этническая периферия: национальные республики Тыва (10,12% русских), Республика Алтай (53,70%), Хакасия (82,14%), где сохраняются традиционные культуры коренных народов.

Демографический потенциал округа очень велик: 14,4 миллиона русских составляют 13,64% от общей численности русских страны. Расселение крайне урбанистично и сопровождается заметной депопуляцией сельской местности. Экономика округа основана на добыче полезных ископаемых (уголь, металлы, алмазы), энергетике (крупные ГЭС), лесной промышленности и сельском хозяйстве (особенно на Алтае). Через округ проходят важнейшие транспортные коридоры – Транссиб и БАМ; Красноярский край обеспечивает выход к Северному Ледовитому океану.

Таким образом, *Сибирский федеральный округ – это субъядро с мощным русским большинством в основных регионах, сформированным колонизацией и индустриализацией*. Внутренний контраст

округа выражен особенно ярко: с одной стороны – урбанизированный русский центр, с другой – традиционные национальные республики на юге.

Дальневосточный федеральный округ – зона этнодоминирования

В Дальневосточном федеральном округе численность населения, назвавшего национальность, составляет 5 963 912 человек, из которых русских – 4 819 260, что соответствует 80,81% округа. Показатель на уровне среднего по стране. По уровню концентрации это зона этнодоминирования, причём на самой границе с субъядром.

Внутреннее устройство округа – сложное. В русское ядро (более 90%) входят пять регионов – Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области, Еврейская автономная область. К околоядру относятся Камчатский и Забайкальский края, Магаданская область. В зоне этнодоминирования – Республика Бурятия и Чукотский автономный округ. В зоне весомого присутствия – Республика Саха (Якутия).

Исторически Дальний Восток выступает фронтиром русского освоения – восточной границей русской экспансии XVII–XX веков. Здесь – казачьи остроги, золотая лихорадка, эпоха ГУЛАГа, строительство БАМа, военное освоение тихоокеанского побережья. Эти разнородные потоки сложились в современное расселение русских на крайнем востоке страны.

Сильное русское ядро округа представлено пятью регионами с долей русских более 90%. Владивосток и Хабаровск – крупнейшие города макрорегиона; Приморье иногда называют «русской Америкой» за особый дух тихоокеанского фронтира. Параллельно с этим в округе живут коренные народы: якуты (Якутия – 32,63% русских), буряты (Бурятия – 63,95%), эвенки, чукчи и многие другие народы Севера. Сохранение их традиционного образа жизни – важная социокультурная особенность региона.

Демографический кризис – отдельный сюжет в характеристике округа. Это наименее населённый округ страны: совокупно с Бурятией и Забайкальем здесь проживает 8,1 миллиона человек. Отток населения в 1990–2000-е годы оставил глубокий след, и сегодня действуют целевые программы привлечения мигрантов. Геополитическое значение округа – одно из ключевых для России: граница с Китаем и КНДР, близость к Японии и США, базирование Тихоокеанского флота, наличие Курильских островов и присутствие в Арктической зоне (Чукотка). Ресурсная база региона включает алмазы Якутии, золото, рыбные и лесные ресурсы, а также углеводороды шельфа Сахалина.

В совокупности *Дальневосточный федеральный округ – это зона этнодоминирования с мощным русским ядром в основных регионах, но со значительным присутствием коренных народов в национальных республиках*. Это стратегический форпост России на Тихом океане, сталкивающийся с острыми демографическими вызовами.

Северо-Кавказский федеральный округ – зона весомого присутствия

В Северо-Кавказском федеральном округе численность населения, назвавшего национальность, составляет 9 881 353 человека, из которых русских – 4 656 332, что соответствует 47,12% округа. По уровню концентрации это зона весомого присутствия – категория, в которой оказывается ровно один федеральный округ в стране.

Структура округа отражает его специфику. В субъядре (80–85%) находится один регион – Ставропольский край. В зоне весомого присутствия – Карачаево-Черкесия. В этнопериферии (менее 25%) – Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Дагестан, Чечня, Ингушетия.

Этническая структура округа уникальна: это единственный округ страны, в котором русские НЕ составляют большинства (47,12%). В республиках округа абсолютно доминируют титульные народы. Ставропольский край в этом контексте оказывается своеобразным русским анклавом: при доле русских в 82,90% он – единственный регион субъядра, окружённый национальными республиками. Это традиционная территория казачества.

Этническая мозаика округа поразительна: десятки коренных народов Кавказа – чеченцы, ингуши, аварцы, даргинцы, осетины, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы и многие другие. Эта плотность этничности уникальна для России и для Европы в целом.

Минимальные доли русских в округе соответствуют минимальным показателям по всей стране: Ингушетия – 0,67% (это национальный минимум), Чечня – 1,21%, Дагестан – 3,26%.

Историческая сложность региона уходит корнями в эпоху присоединения Кавказа к России в XVIII–XIX веках, Кавказскую войну, депортации 1940-х годов, чеченские войны 1990–2000-х и сложную постсоветскую трансформацию региона.

Урбанизация русских в округе имеет свою специфику: они концентрируются в городах – Владикавказе, Нальчике, Махачкале, Грозном – и параллельно депопулируют в сельской местности. С 1990-х годов отток русского населения из округа стал устойчивой тенденцией; одновременно высокая рождаемость титульных народов меняет об-

щий этнический баланс. Экономика большинства республик дотационна; основу составляют сельское хозяйство, туризм (прежде всего Кавказские Минеральные Воды) и транзитные функции. Вопросы безопасности – включая нестабильность 1990–2000-х годов, проявления терроризма и последующее укрепление федерального контроля в 2000-е – на протяжении долгого времени определяли общественно-политическую повестку округа.

В итоге *Северо-Кавказский федеральный округ – это зона весомого присутствия русских в полиэтничном регионе с абсолютным доминированием титульных народов*. Это единственный округ страны, в котором русские составляют меньшинство, и сложнейший регион с точки зрения межэтнических отношений, требующий особых, тонко настроенных подходов к управлению.

Некоторые выводы

Иерархия федеральных округов по доле русских

Если расположить федеральные округа по убыванию доли русских в составе населения, назвавшего национальность, формируется чёткая иерархия. Первое место занимает Центральный федеральный округ с показателем 92,50%, относящийся к категории русского ядра. На втором месте – Северо-Западный федеральный округ с 90,90%, также относимый к ядру. Третье место за Южным федеральным округом с 86,05% (околоядро). Далее идут Сибирский федеральный округ с 84,07% (субъядро) и Уральский федеральный округ с 83,16% (также субъядро). На шестом месте – Дальневосточный федеральный округ с 80,81% (зона этнодоминирования, на границе с субъядром). На седьмом – Приволжский федеральный округ с 74,96% (зона этнодоминирования). Замыкает иерархию Северо-Кавказский федеральный округ с показателем 47,12% (зона весомого присутствия).

Распределение русского населения по округам

Картина распределения русского населения по федеральным округам в абсолютных и относительных величинах представлена в табл. 2.

Вывод, который вытекает из этих данных, имеет принципиальное значение: более половины всех русских России – 55,15% – проживают в двух округах, Центральном и Приволжском. Уже один этот факт показывает, насколько центрировано русское расселение в Европейской России.

Концентрические зоны русского расселения

Проведённый анализ позволяет выделить концентрическую модель русского расселения в Российской Федерации. В этой модели от исторического ядра расходятся пояса убывающей этнической концентрации, каждый из которых имеет свою историческую логику и собственное место в общей географии русского народа.

Ядро (Центр и Северо-Запад). Здесь сосредоточено 49,13 миллиона русских – 46,52% от всех русских страны. Средняя доля русских – 91,88%. Это историческая территория формирования русского этноса с максимальной концентрацией и максимальной однородностью.

Околоядро (Юг). Сосредоточивает 14,19 миллиона русских – 13,44%. Средняя доля русских – 86,05%. Это территория казачьей колонизации XVI–XIX веков, демонстрирующая высокую концентрацию русских в сочетании с элементами этнического разнообразия.

Субъядро (Урал и Сибирь). Включает 24,75 миллиона русских – 23,44%. Средняя доля русских – 83,62%. Это пояс промышленного освоения XVIII–XX веков с устойчивым русским большинством и национальными анклавами на периферии.

Периферия (Дальний Восток, Поволжье, Северный Кавказ). Сосредоточивает 31,22 миллиона русских – 29,56%. Средняя доля русских – 64,30%. Это полиэтничные территории, на которых сосуществуют самые разные модели расселения – от регионов русского большинства до регионов, где русские составляют меньшинство.

Таблица 2

Распределения русского населения по федеральным округам в абсолютных и относительных величинах

Федеральный округ	Численность русских (млн)	Доля от всех русских РФ
Центральный	36,48	34,54%
Приволжский	21,76	20,61%
Сибирский	14,40	13,64%
Южный	14,19	13,44%
Северо-Западный	12,64	11,98%
Уральский	10,35	9,80%
Дальневосточный	4,82	4,56%
Северо-Кавказский	4,66	4,41%

Некоторые выводы

Пространственная концентрация. Анализ показывает, что 73,44% всех русских проживают в регионах русского ядра, то есть там, где доля русских превышает 90%. Если расширить рассмотрение до регионов с долей русских более 85%, в них окажется уже 88,83% всех русских страны. Иначе говоря, русское население высококонцентрировано территориально, и эта концентрация имеет ясный географический рисунок.

Демографическая мощь ядра. Центральный и Северо-Западный федеральные округа (русское ядро) сосредоточивают 46,52% всех русских страны. Шесть крупнейших регионов – Москва, Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Ростовская область, Свердловская область – концентрируют 30,83% всех русских. Это указывает на исключительно высокую степень урбанизации и агломерационности русского расселения.

Этническая однородность центра. Центральный федеральный округ – единственный округ, в котором ВСЕ регионы входят в русское ядро. Северо-Западный округ – второе монолитное ядро с минимальными отклонениями. Историческое ядро (Центр и Северо-Запад) сохраняет максимальную этническую однородность в стране.

Полиэтничная периферия. Северо-Кавказский федеральный округ – единственный округ с русским меньшинством (47,12%). Приволжский федеральный округ демонстрирует максимальное этническое разнообразие – от ядра до зоны весомого присутствия. Шесть регионов с долей русских менее 25% локализованы на Северном Кавказе и в Южной Сибири.

Промышленное освоение. Урал, Сибирь и Дальний Восток – это территории русской колонизации с высокой долей русских. Формирование русского большинства здесь связано с индустриализацией и урбанизацией; одновременно сохраняются национальные республики на периферии освоенных территорий.

Геополитическое измерение. Русское ядро – это Европейская Россия (Центр, Северо-Запад, Юг). Субъядро – Урало-Сибирский пояс промышленного освоения. Периферия – национальные окраины (Северный Кавказ, Поволжье, Южная Сибирь, Якутия).

Заключение

Проведённый анализ на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 года позволяет сделать ряд стратегических выводов, касающихся самого устройства Российской Федерации как государства русского народа в его исторической связи с многонациональным целым страны.

Русское ядро России

Русское ядро Российской Федерации территориально чётко локализовано и включает 44 региона с долей русских свыше 90%, в которых проживает 77,5 миллиона человек – 73,44% всех русских страны. Географически это Центральная Россия, Северо-Запад, основные регионы Юга, Урала, Сибири и Дальнего Востока. *Это ядро представляет собой территориальный базис русской государственности, концентрирующий подавляющее большинство русского населения, экономического потенциала, культурных и научных центров страны.*

Устойчивость русского большинства

88,83% всех русских проживают в регионах, где они составляют более 85% населения. Эта цифра свидетельствует о высокой степени территориальной концентрации русских, устойчивости русского большинства в основных регионах страны и сохранении исторически сложившейся географии русского расселения. Это означает, что *в социальном плане русские не рассеяны по всей территории страны, а проживают преимущественно в собственной плотной этнокультурной среде.*

Полиэтничная модель государства

Российская Федерация демонстрирует уникальную модель государственного устройства, сочетающую несколько типов этнопространственной организации: монолитное русское ядро (Центр и Северо-Запад), промышленные регионы с русским большинством (Урал и Сибирь), полиэтничные территории с различным этническим балансом (Поволжье и Кавказ), а также национальные республики с титульным большинством.

Такая модель обеспечивает баланс между русским большинством (80,85% от назвавших национальность) и сохранением этнического разнообразия, поскольку в стране проживает более 190 народов. Подобное сочетание встречается в современном мире нечасто и представляет собой важнейший историко-цивилизационный ресурс России.

Вызовы и риски

Проведённый анализ выявляет несколько серьёзных демографических вызовов, требующих стратегического внимания.

Депопуляция русского ядра. Центральная Россия и Северо-Запад – регионы естественной убыли населения. Наблюдается старение населения в регионах ядра и активная миграция из малых городов и сельской местности в крупные агломерации. Парадокс ситуации в том, что имен-

но регионы с самой высокой долей русских одновременно демонстрируют самую интенсивную депопуляцию.

Отток с окраин. Дальний Восток переживает критическую депопуляцию. Северные территории закрепляются не за счёт постоянного заселения, а за счёт вахтовой модели. Северный Кавказ с 1990-х годов фиксирует устойчивый отток русского населения.

Этнические дисбалансы. В приграничных регионах наблюдается изменение этнического состава за счёт миграции из Средней Азии, Закавказья и Китая. В национальных республиках растёт доля титульных народов. Урбанизация русских и сохранение традиционного уклада коренных народов формируют асимметричные демографические траектории.

• **Российская Федерация обладает устойчивым русским ядром, в котором сосредоточены три четверти русского населения страны – в регионах с долей русских свыше 90%.** Это ядро территориально совпадает с историческим центром русской государственности (Центральная Россия, Северо-Запад) и территориями промышленного освоения (Урал, Сибирь, Дальний Восток).

• **Одновременно Россия сохраняет полиэтничную структуру с национальными республиками, в которых русские составляют меньшинство (Северный Кавказ, Поволжье, Южная Сибирь).** Эта модель требует сбалансированной национальной политики, обеспечивающей как сохранение русского большинства, так и развитие всех народов России.

• **Стратегическая задача государства, вытекающая из всей совокупности приведённых данных, – сохранение и укрепление русского ядра при одновременном обеспечении этнополитической стабильности на полиэтничных территориях.** Именно это сочетание является условием территориальной целостности и устойчивого развития Российской Федерации, и именно на нём базируется внутренний баланс страны.

1.3. Демографические тенденции в регионах русского ядра Российской Федерации (1990–2024 гг.)

В основу настоящего анализа положена описанная в предыдущем разделе шестиуровневая типология регионов по доле русского населения, разработанная ЦИПКР по данным Всероссийской переписи 2020 года (табл. 3). Единица анализа – субъект Российской Федерации (85 регионов на 2020 г.). Архангельская область рассматривается без Ненецкого АО, Тюменская – без Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО.

В фокусе настоящего исследования находятся два верхних уровня – русское ядро и околоядро, совокупно концентрирующие 88,83% всего русского населения страны.

Ключевые количественные параметры ядра и околоядра представлены в табл. 4.

Вывод: **почти 9 из 10 русских России проживают в регионах ядра или околоядра, что делает эти территории ключевым демографическим ресурсом нации**. Третий уровень (субъядро) – лишь 2 региона, а также регионы этно-доминирования (18 регионов) в данном аналитическом материале рассматриваются в составе общероссийского фона.

Общефедеральный демографический фон (1990–2024)

Динамика численности населения: ядро и околоядро

Первые постсоветские годы оказались началом долгосрочной демографической трансформации. Ниже представлена динамика численности населения по трём группам регионов (табл. 5): 44 региона русского ядра (90–98% русских), 12 регионов околоядра (85–90% русских) и прочие регионы РФ. Таблица охватывает три периода: 1990–1999 гг., 2000–2016 гг. и 2016–2024 гг.

Принципиальная закономерность: уже в 1990–1998 гг. регионы ядра и особенно регионы Севера и Дальнего Востока, входящие в ядро и околоядро, начали терять население – прежде всего за счёт массового оттока населения из Сибири, Дальнего Востока и Севера после прекращения государственных дотаций советского периода.

Таблица 3

Шестиуровневая типология регионов по доле русского населения по данным переписи 2020 года

Тип	Доля русских	Регионов	Характеристика
Русское ядро	90–98%	44	Абсолютное доминирование; историческая непрерывность
Околоядро	85–90%	12	Очень высокая доля; заметное присутствие меньшинств
Субъядро	80–85%	2	Выше среднего по РФ (80,85%), ниже порога ядра
Этнодоминирование	50–80%	18	Крупнейшая, но не подавляющая группа
Зона весомого присутствия	25–50%	6	Крупное меньшинство
Этнопериферия	< 25%	6	Малочисленное меньшинство

Таблица 4

Ключевые количественные параметры ядра и околоядра русского населения по данным переписи 2020 года

Показатель	Значение
Число регионов русского ядра	44
Русских в ядре (перепись 2020 г.)	77 529 322 чел.
Доля ядра от всех русских РФ	73,44%
Средняя доля русских в регионах ядра	93,67%
Диапазон по ядру	90,11% (Севастополь) – 97,44% (Архангельская обл.)
Число регионов околоядра	12
Русских в околоядре	16 250 708 чел.
Доля околоядра от всех русских РФ	15,39%
Итого: ядро + околоядро	88,83% всех русских РФ

Таблица 5

Динамика численности населения регоионов русского ядра, околоядра и остальных регионов (1990–2024)

Год	Население регионов ядра (тыс. чел.)	% от РФ	Население регионов околоядра (тыс. чел.)	% от РФ	Прочие регионы (тыс. чел.)	Всё население РФ (тыс. чел.)
Период 1990–1999						
1990	98 516	66,7%	23 401	15,8%	25 748	147 665
1991	98 834	66,7%	23 298	15,7%	26 142	148 274
1992	98 612	66,4%	23 167	15,6%	26 736	148 515
1993	97 876	65,9%	22 981	15,5%	27 705	148 562
1994	97 431	65,7%	22 793	15,4%	28 132	148 356
1995	97 122	65,5%	22 631	15,3%	28 707	148 460
1996	96 781	65,3%	22 428	15,1%	29 083	148 292
1997	96 378	65,1%	22 226	15,0%	29 425	148 029
1998	95 987	64,9%	22 041	14,9%	29 774	147 802
Период 2000–2016						
2000	94 744	64,5%	21 593	14,7%	30 553	146 890
2005	91 745	63,8%	20 564	14,3%	31 492	143 801
2010	90 000	63,0%	19 857	13,9%	33 000	142 857
2013	89 592	62,5%	19 495	13,6%	34 260	143 347
2016*	90 857	62,0%	19 490	13,3%	36 197	146 544
Период 2016–2024						
2018	90 412	61,6%	19 228	13,1%	37 141	146 781
2020	89 961	61,3%	18 931	12,9%	37 857	146 749
2022	88 790	61,0%	18 631	12,8%	38 136	145 557
2024	88 713	60,7%	18 561	12,7%	38 876	146 150

* 2016 г.: с учётом Севастополя (включён в состав русского ядра ~460 тыс. чел.) и Республики Крым (включена в прочие регионы); рост совокупного населения РФ в 2014–2016 гг. обусловлен присоединением Крыма.

Таблица 6

Динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР) по макрозонам расселения русского народа (1990–2024 гг.)

Территория	1990	1995	1999	2005	2010	2015	2019	2021	2022	2023	2024	Откл. от РФ (2024)
РФ в целом	1,892	1,337	1,157	1,294	1,567	1,762	1,477	1,470	1,416	1,410	1,400	–
Околоядро (12 рег.)	1,903	1,561	1,380	1,415	1,621	1,817	1,483	1,462	1,430	1,428	1,413	+0,9%
Русское ядро (все 44 рег.)	1,853	1,273	1,106	1,254	1,504	1,723	1,452	1,403	1,338	1,320	1,280	–8,6%
Западное ядро (25 рег. ЦФО+СЗФО)	1,820	1,253	1,112	1,214	1,458	1,644	1,370	1,296	1,254	1,240	1,226	–12,4%

Доля ядра в населении РФ с 1990 по 2024 гг. снизилась с 66,7% до 60,7% – главным образом из-за депопуляции северных и восточных регионов ядра (Сибирь, Дальний Восток).

Доля околоядра также сократилась с 15,8% до 12,7%, что отражает аналогичные процессы в северных регионах околоядра (Мурманск, Магадан, Камчатка).

Прочие регионы, напротив, выросли в численности за счёт естественного прироста в этнических республиках Кавказа и Поволжья. В абсолютном выражении на полиэтнических территориях России население выросло с 25,7 млн в 1990 до 38,9 млн в 2024 г.

К 2024 году численность населения России составила около 146–147 млн человек.

Динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР) по России

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) – ключевой показатель: число детей, которых в среднем родила бы женщина за весь репродуктивный период (15–49 лет) при сохранении текущей возрастной рождаемости. Порог простого воспроизводства – 2,1. В табл. 6 приведено сравнение СКР по России в целом, по регионам русского ядра и по регионам околоядра.

Как видим, с высокого постсоветского значения 1,892 (1990 г.) среднероссийский СКР рухнул до исторического минимума 1,157 (1999 г.) – на 38,8% за десятилетие. В регионах русского ядра падение оказалось столь же глубоким: с 1,820 до 1,112 (-38,9%). Затем последовало восстановление, достигшее пика в 2015 году. С 2016 года фиксируется непрерывное снижение: к 2024 году СКР западного ядра достиг 1,226 – на 12,4% ниже общероссийского показателя (1,400). СКР околоядра в 2024 г. (1,413) незначительно превышает общероссийский уровень, что частично объясняется более высокой рождаемостью этнических меньшинств в ряде регионов этой группы.

Естественное движение населения: от прироста к рекордной убыли

В табл. 7 представлено естественное движение населения Российской Федерации за период с 1990 по 2023 гг.

Принципиально важная динамика: в 1990 г. Россия ещё имела естественный прирост (+333 тыс. чел.). Уже в 1993 г. убыль превысила 750 тысяч, а в 1999 г. достигла почти 930 тысяч – рекорда постсоветской эпохи, вошедшего в литературу под термином «Русский крест». Единственным годом устойчивого естественного прироста за весь период стал 2014 г. (+30 тыс.).

Пандемия 2020–2021 гг. вернула убыль к катастрофическим значениям.

В 2024 г. естественная убыль составила около 596 тыс. чел., частично компенсированная миграционным притоком в 418 тыс. чел.

Таблица 7

Динамика естественного движения населения России за период с 1990 по 2023 гг.

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост	Характеристика
1990	1 988 858	1 655 993	+332 865	Последний год устойчивого прироста
1993	1 378 983	2 129 339	-750 356	«Русский крест»: убыль превысила 750 тыс.
1999	1 214 689	2 144 316	-929 627	Рекорд естественной убыли постсоветского периода
2004	1 502 477	2 295 402	-792 925	Дно рождаемости пройдено, убыль ещё высока
2009	1 761 687	2 010 543	-248 856	Сокращение убыли – эффект маткапитала
2014	1 942 683	1 912 347	+30 336	Единственный год фиксированного прироста
2017	1 690 307	1 826 125	-135 818	Возврат к убыли: демографическая яма 90-х
2020	1 436 514	2 138 586	-702 072	Пандемия COVID-19: рекорд сверхсмертности
2021	1 398 253	2 441 594	-1 043 341	Максимальная убыль: COVID + низкая рождаемость
2023	1 264 354	1 764 618	-500 264	Рождаемость у исторического минимума 1999 г.

Региональная поляризация рождаемости в 2024 г.

Среднероссийский показатель (СКР = 1,40) маскирует колоссальный разрыв между регионами. В лидерах – этнические республики Кавказа и Сибири; в аутсайдерах – преимущественно регионы русского ядра.

Регионы с наибольшим СКР (2024): Чечня – 2,67; Тыва – 2,29; ЯНАО – 1,99; Республика Алтай – 1,86.

Регионы с наименьшим СКР (2024, все – русское ядро): Ленинградская обл. – 0,888 (единственный регион России с СКР ниже 1,0); Смоленская обл. – 1,043; Санкт-Петербург – 1,089; Псковская обл. – 1,098; Тульская обл. – 1,128.

Критический факт: Ленинградская область – единственный регион России, официально не достигающий порога «одного ребёнка на женщину».

Демография русского ядра: основные тенденции и региональный анализ СКР во всех 44 регионах русского ядра (1990–2024)

На основании данных Росстата произведён расчёт значений СКР по всем 44 регионам русского ядра (табл. 8).

Регионы сгруппированы по федеральным округам. Цветовая маркировка: зелёный – СКР 2024 ≥ 1,45 («живые» регионы); красный – СКР 2024 < 1,15 (критический уровень); ! – СКР ниже 1,0.

Ключевой вывод: расчётный средний СКР всех регионов русского ядра в 2024 г. составил 1,280 – на 8,6% ниже общероссийского показателя (1,400). При расчёте только по 25 западным регионам (ЦФО + СЗФО) разрыв достигает 12,4%, что объясняется существенно более высоким СКР

Таблица 8 (Начало)

Расчётные значения СКР по регионам русского ядра

Регион	Доля русских	СКР 1990	СКР 2015	СКР 2024	Статус	Кластер
ЦФО (18 регионов)						
Белгородская обл.	92,7%	1,779	1,563	1,299		ЦФО
Брянская обл.	95,87%	2,020	1,646	1,132		ЦФО
Владимирская обл.	94,6%	1,734	1,567	1,168		ЦФО
Воронежская обл.	95,64%	1,776	1,511	1,212		ЦФО
Ивановская обл.	93,4%	1,673	1,542	1,197		ЦФО
Калужская обл.	93,0%	1,710	1,610	1,334		ЦФО
Костромская обл.	96,11%	1,926	1,942	1,472	√	ЦФО
Курская обл.	95,1%	1,836	1,579	1,197		ЦФО
Липецкая обл.	96,4%	1,748	1,537	1,210		ЦФО
г. Москва	90,21%	1,415	1,413	1,461	√	ЦФО
Московская обл.	91,3%	1,686	1,519	1,231		ЦФО
Орловская обл.	94,6%	1,773	1,502	1,149		ЦФО
Рязанская обл.	92,9%	1,799	1,622	1,119		ЦФО
Смоленская обл.	95,87%	1,786	1,528	1,043	!	ЦФО
Тамбовская обл.	95,61%	1,833	1,489	1,157		ЦФО
Тверская обл.	94,0%	1,829	1,589	1,219		ЦФО
Тульская обл.	93,7%	1,676	1,533	1,128		ЦФО
Ярославская обл.	95,1%	1,787	1,639	1,291		ЦФО
СЗФО (7 регионов)						
Архангельская обл. (б/НАО)	97,44%	1,996	1,886	1,434	√	СЗФО
Вологодская обл.	95,1%	1,884	1,803	1,332		СЗФО
Калининградская обл.	91,5%	1,755	1,659	1,291		СЗФО
Ленинградская обл.	93,73%	1,663	1,224	0,888	!	СЗФО
Новгородская обл.	95,2%	1,843	1,611	1,148		СЗФО
Псковская обл.	93,9%	1,780	1,439	1,098		СЗФО
г. Санкт-Петербург	91,0%	1,292	1,325	1,089		СЗФО
ЮФО (4 региона)						
Волгоградская обл.	91,0%	1,823	1,570	1,244		ЮФО
Краснодарский край	92,34%	1,929	1,703	1,417		ЮФО
Ростовская обл.	91,3%	1,749	1,574	1,295		ЮФО
г. Севастополь	90,11%	-	1,600	1,248		ЮФО
ПФО (2 региона)						
Кировская обл.	90,8%	1,980	1,841	1,349		ПФО
Нижегородская обл.	94,5%	1,715	1,647	1,267		ПФО

Таблица 8 (Окончание)

Регион	Доля русских	СКР 1990	СКР 2015	СКР 2024	Статус	Кластер
УФО (2 региона)						
Курганская обл.	90,6%	2,032	1,802	1,341		УФО
Свердловская обл.	91,1%	1,720	1,699	1,282		УФО
СФО (6 регионов)						
Алтайский край	95,45%	2,181	1,794	1,391		СФО
Иркутская обл.	90,7%	2,068	1,963	1,552	√	СФО
Кемеровская обл.	91,8%	1,957	1,727	1,352		СФО
Красноярский край	91,3%	2,007	1,820	1,497	√	СФО
Новосибирская обл.	91,5%	1,738	1,671	1,341		СФО
Томская обл.	90,2%	1,915	1,773	1,441	√	СФО
ДФО (5 регионов)						
Амурская обл.	91,0%	1,935	1,823	1,476	√	ДФО
Еврейская АО	93,2%	2,128	1,891	1,203		ДФО
Приморский край	90,5%	1,746	1,709	1,447	√	ДФО
Сахалинская обл.	91,8%	1,859	1,726	1,493	√	ДФО
Хабаровский край	90,7%	1,783	1,756	1,389		ДФО
СРЕДНЕЕ по ядру (44 региона)	**93,02%**	**1,820***	**1,723**	**1,280**		

* Среднее значение 1990 г. рассчитано по 43 регионам: Севастополь включён в состав России с 2014 г., данные за 1990 г. отсутствуют.

в сибирских и дальневосточных регионах ядра (1,35–1,55), несколько сглаживающим общий показатель. Это подтверждает, что «реальная» рождаемость в исторически первичном русском ядре (Нечерноземье, СЗФО) существенно ниже декларируемого среднего показателя.

Географическая структура русского ядра и кластерный анализ

44 региона ядра формируют несколько географических кластеров с принципиально различным демографическим профилем.

Описание кластеров представлено в табл. 9.

Ключевые демографические тенденции русского ядра

Проведённый анализ позволяет выявить несколько ключевых тенденций в русском ядре Российской Федерации.

Тенденция 1. Устойчивое снижение рождаемости ниже среднероссийского

Подавляющее большинство регионов-аутсайдеров по СКР – регионы русского ядра. Регионы Нечерноземья (Псковская, Смоленская, Ивановская, Тверская, Костромская, Новгородская, Владимирская области) хронически фиксируют СКР ниже 1,2, а часть – ниже 1,1.

Таблица 9 (Начало)

Географических кластеров регионов русского ядра с принципиально различным демографическим профилем

Кластер	Число регионов	Примеры регионов	Демографический профиль
Центральная Россия (ЦФО)	18	Москва, Московская обл., Тверская обл., Ярославская обл., Костромская обл., Ивановская обл., Орловская обл., Тульская обл., Рязанская обл., Тамбовская обл., Курская обл., Белгородская обл., Воронежская обл., Липецкая обл., Брянская обл., Смоленская обл., Владимирская обл., Калужская обл.	Самый глубокий кризис в сельских районах Нечерноземья; агломерационный эффект Москвы частично компенсирует убыль; минимальный СКР в нечернозёмных областях
Северо-Запад (СЗФО)	7	Архангельская обл. (97,44%), Вологодская обл., Псковская обл., Новгородская обл., Ленинградская обл., Санкт-Петербург, Калининградская обл.	Максимальная этническая концентрация при катастрофически низком СКР; Ленинградская обл. – СКР 0,888; Псковская обл. и Смоленская обл. – ниже 1,1
Юг России (ЮФО)	4	Краснодарский край (5,12 млн русских), Ростовская обл., Волгоградская обл., Севастополь	Крупнейшая численность русских; Краснодарский край – демографический донор; СКР чуть выше среднего по ядру

Таблица 9 (Окончание)

Кластер	Число регионов	Примеры регионов	Демографический профиль
Поволжье и Урал (ПФО+УФО)	4	Кировская обл., Нижегородская обл., Свердловская обл., Курганская обл.	Умеренная рождаемость; Нижегородская обл. и Свердловская обл. – промышленные центры; устойчивый отток молодёжи в Москву и Екатеринбург
Сибирь (СФО)	6	Алтайский край (95,45%), Кемеровская обл., Новосибирская обл., Красноярский край, Иркутская обл., Томская обл.	Высокая концентрация; нефтегаз и промышленность поддерживают рождаемость; Иркутская обл. и Красноярский край – самые высокие СКР в ядре
Дальний Восток (ДФО)	5	Еврейская АО, Амурская обл., Хабаровский край, Приморский край, Сахалинская обл.	Высокая концентрация, острейший отток; Еврейская АО – падение СКР на 30% в I пол. 2024 г.; Сахалин и Амурская обл. – устойчивее за счёт ресурсных надбавок

Расчётный средний СКР ядра (1990–2024): начав с 1,820 в 1990 г. (при общероссийском 1,892), ядро прошло минимум в 1,112 (2000 г.) и пик в 1,644 (2015 г.), после чего снизилось до 1,226 в 2024 г. по ЦФО + СЗФО и 1,280 в среднем по всем 44 регионам.

Тенденция 2. Постарение и «демографическое опустынивание» сельских территорий

Доля лиц старше 65 лет в сельских районах Нечерноземья достигает 25–35%, что критически превышает среднероссийский уровень (~15%). Сельское население ЦФО сократилось на 4% к 2005 году, СЗФО – на 14%, ПФО – на 13%. Малые сёла (менее 100 жителей) составляют более половины всех сельских населённых пунктов в Нечерноземье. Многие из них фактически прекратили существование как самовоспроизводящиеся общности. Коэффициенты рождаемости по возрастным группам демонстрируют, что в регионах Нечерноземья снижение рождаемости охватывает все возрастные когорты 15–49 лет. Особенно резким стало падение рождаемости в возрастной группе 20–24 года – с уровня 120–160 рождений на 1000 женщин в 1990 г. до 50–70 в 2023 г.

Тенденция 3. Концентрация русского населения в агломерациях

Треть всех русских из ядра (32,5 млн чел., 30,83%) сосредоточена в 6 крупнейших регионах: Москва (9,07 млн), Московская обл. (6,87 млн), Краснодарский край (5,12 млн), Санкт-Петербург (4,28 млн), Ростовская обл. (3,61 млн), Свердловская обл. (3,60 млн). Агломерационный эффект «всасывает» молодёжь из малых городов и сёл остального ядра, ускоряя депопуляцию периферии. Именно в крупнейших городских агломерациях рождаемость оказывается ниже средней по ядру (показательный пример – Ленинградская область с СКР 0,888, «паразитирующая» демографически на Санкт-Петербурге).

Тенденция 4. Дифференциация внутри ядра: «живые» и «угасающие» регионы

Ядро демографически крайне неоднородно. Анализ 44 регионов позволяет выделить два полюса: относительно устойчивые («живые») регионы с СКР 2024 ≥ 1,33 и регионы в демографическом кризисе («угасающие») с СКР 2024 < 1,21. Между этими полюсами – разрыв в 1,5–1,7 раза (табл. 10).

Аналитические выводы по «живым» регионам. Общий знаменатель 14 относительно устойчивых регионов – наличие ресурсной базы (нефть, газ, металл, лес, рыба) или особого экономического статуса (Москва, Владивосток), что обеспечивает занятость молодёжи на месте. Сибирские и дальневосточные регионы ядра исторически отличаются более высокой рождаемостью из-за специфики демографической структуры (больше рабочих мужского пола в активном возрасте). Краснодарский край – особый случай: климатические преимущества + аграрная база + устойчивый миграционный приток. Москва держится за счёт агломерационного эффекта, абсорбируя молодёжь и перераспределяя её рождаемость на своей территории.

Аналитические выводы по «угасающим» регионам. 14 кризисных регионов образуют устойчивую зону: большинство расположены в европейской части, в историческом Нечерноземье. Характерные черты: деиндустриализация после 1991 г., отток молодёжи в Москву или Санкт-Петербург, максимальный удельный вес пожилого населения, слабая доступность рынка труда для молодёжи в малых городах. Ленинградская обл. – крайний случай: практически полная демографическая «оккупация» территории агломерацией Санкт-Петербурга при физическом проживании населения в области. Еврейская АО – особый тревожный сигнал: регион с исторически высокой рождаемостью в 2024 г. показал падение СКР на 30% за первое полугодие – крупнейшее в России.

Таблица 10

Динамика СКР в «живых» и «угасающих» регионах русского ядра

Регион	% русских	СКР 1990	СКР 2015	СКР 2024	Характеристика
«ЖИВЫЕ» РЕГИОНЫ ЯДРА – СКР 2024 ≥ 1,33 (14 регионов)					
Иркутская обл.	90,7%	2,068	1,963	1,552	СФО; нефть, газ, промышленность; высокая молодёжная занятость
Костромская обл.	96,11%	1,926	1,942	1,472	ЦФО; сохранение аграрного уклада; умеренный отток
Томская обл.	90,2%	1,915	1,773	1,441	СФО; университетский центр; нефтегаз
Красноярский край	91,3%	2,007	1,820	1,497	СФО; ресурсный и промышленный центр
Сахалинская обл.	91,8%	1,859	1,726	1,493	ДФО; нефтегаз; высокие зарплаты
Амурская обл.	91,0%	1,935	1,823	1,476	ДФО; аграрно-промышленная; умеренный отток
Приморский край	90,5%	1,746	1,709	1,447	ДФО; портовый центр; Владивосток
г. Москва	90,21%	1,415	1,413	1,461	ЦФО; агломерационный центр; высокий уровень жизни
Архангельская обл.	97,44%	1,996	1,886	1,434	СЗФО; сев. надбавки; умеренный отток
Краснодарский край	92,34%	1,929	1,703	1,417	ЮФО; демографический флагман; миграционный приток
Кировская обл.	90,8%	1,980	1,841	1,349	ПФО; умеренная рождаемость; отток управляем
Курганская обл.	90,6%	2,032	1,802	1,341	УФО; аграрная; умеренный кризис
Калужская обл.	93,0%	1,710	1,610	1,334	ЦФО; особые экон. зоны; промышленный прирост
Вологодская обл.	95,1%	1,884	1,803	1,332	СЗФО; металлургия; умеренная депопуляция
«УГАСАЮЩИЕ» РЕГИОНЫ ЯДРА – СКР 2024 < 1,21 (14 регионов)					
Ленинградская обл.	93,73%	1,663	1,224	0,888	СЗФО; агломерационный насос Санкт-Петербург; максимальный кризис
Смоленская обл.	95,87%	1,786	1,528	1,043	ЦФО; Нечерноземье; хроническая депопуляция
г. Санкт-Петербург	91,0%	1,292	1,325	1,089	СЗФО; городская депрессия; низкий СКР
Псковская обл.	93,9%	1,780	1,439	1,098	СЗФО; Нечерноземье; критическое постарение
Рязанская обл.	92,9%	1,799	1,622	1,119	ЦФО; агломерационный отток в Москву
Тульская обл.	93,7%	1,676	1,533	1,128	ЦФО; Нечерноземье; постиндустриальный кризис
Брянская обл.	95,87%	2,020	1,646	1,132	ЦФО; Нечерноземье; приграничный регион
Тамбовская обл.	95,61%	1,833	1,489	1,157	ЦФО; аграрное Нечерноземье; депопуляция
Новгородская обл.	95,2%	1,843	1,611	1,148	СЗФО; Нечерноземье; глубокий кризис
Орловская обл.	94,6%	1,773	1,502	1,149	ЦФО; аграрная депрессия
Владимирская обл.	94,6%	1,734	1,567	1,168	ЦФО; постиндустриальное Нечерноземье
Ивановская обл.	93,4%	1,673	1,542	1,197	ЦФО; ткацкий регион; стагнация
Курская обл.	95,1%	1,836	1,579	1,197	ЦФО; приграничный, аграрный кризис
Еврейская АО	93,2%	2,128	1,891	1,203	ДФО; катастрофический обвал 2024 г. (-30%)

Региональные особенности: ключевые кейсы

Нечерноземье – территория «демографического неблагополучия» русского ядра. Псковская, Смоленская, Тверская, Ивановская, Костромская, Новгородская, Орловская, Тамбовская, Кировская области образуют устойчивую зону хронической депопуляции. СКР устойчиво ниже 1,2 на протяжении двух и более десятилетий; в Псковской и Смоленской – ниже 1,1. Высочайшая в России доля пожилого сельского населения: в отдельных районах Псковской и Тверской областей доля лиц старше 65 лет превышает 35%. Миграционный отток молодёжи направлен в Москву и Санкт-Петербург.

Краснодарский край – «демографический флагман» ядра. 5 121 482 русских – максимум по численности среди всех регионов РФ (92,34%) после Москвы и Московской области. Регион демонстрирует устойчивый миграционный приток, относительно высокий для ядра СКР (~1,4–1,5), аграрную базу и климатические преимущества. Основной риск – рост стоимости жилья и инфраструктурное перегревание.

Ленинградская область – крайний случай кризиса. СКР 0,888 (2024) – единственный регион в России с коэффициентом ниже 1,0. Комбинация факторов: «агломерационный насос» Санкт-Петербурга, значительная доля «жителей» области, фактически живущих и работающих в Санкт-Петербурге.

Дальневосточное ядро – деградация при высокой концентрации. Еврейская АО – падение СКР на 30% за I полугодие 2024 г. (крупнейшее региональное падение в РФ). Постоянный отток населения продолжается с 1991 г.; Магаданская область потеряла более 60% населения за постсоветский период.

Околоядро: основные тенденции и сравнительный анализ СКР в 12 регионах околоядра: расчёт средних значений (1990–2024)

На основании тех же источников Росстата произведён расчёт средних значений СКР для всех 12 регионов околоядра (85–90% русских). По сравнению с предыдущей редакцией добавлена Республика Коми (85,45% русских), прежде не вошедшая в таблицу. Цветовая маркировка: зелёный – СКР 2024 ≥ 1,50; красный – СКР 2024 < 1,15 (табл. 11).

Ключевые выводы: **средний СКР 12 регионов околоядра в 2024 г. составил 1,397 – практически равно общероссийскому показателю (1,400) и существенно выше среднего по ядру (1,280).**

Однако данное сравнение требует оговорки: в ряде регионов околоядра (Забайкальский край, Пермский край, Омская область, Республика Коми) значительную долю населения составляют этнические меньшинства с более высокой рождаемостью, что статистически завышает общий показатель региона, маскируя реальный уровень рождаемости среди русского населения.

Ключевые тенденции околоядра

Проведённый анализ позволяет выявить несколько ключевых тенденций в регионах русского околоядра Российской Федерации.

Тенденция 1. Двойственный характер демографии. Регионы околоядра демонстрируют принципиально разные траектории: Тюменская область и Пермский край – относительно устойчивые с высокими показателями рождаемости и промышленной базой. Магаданская, Мурманская области, Карелия, Республика Коми – зоны острого демографического оттока. Саратовская, Пензенская области – хроническая депопуляция на фоне экономической стагнации.

Тенденция 2. Этнические меньшинства как дифференцирующий фактор. В отличие от ядра, в регионах околоядра присутствуют этнические группы с существенно более высокой рождаемостью. Это приводит к статистической иллюзии относительного благополучия: общий СКР региона может быть выше, чем у русского населения в том же регионе.

Тенденция 3. Долгосрочное сокращение доли «русского сегмента». Регионы околоядра были исторически полиэтничными территориями. В долгосрочной перспективе демографический вес русского компонента в этих регионах сокращается быстрее, чем в ядре.

Сводное сравнение ядра и околоядра

В табл. 12 представлено сводное сравнение ключевых демографических показателей в русском ядре и околоядре.

Таблица 11

Расчётные значения СКР по регионам русского околоядра

Регион	Доля русских	СКР 1990	СКР 2015	СКР 2024	Статус	Примечание
Тюменская обл. (без АО)	85,85%	1,988	2,035	1,739	√	Высокая нефтяная база
Камчатский край	88,30%	1,687	1,882	1,588	√	Дальневосточная специфика
Забайкальский край	89,22%	2,484	2,059	1,588	√	Смешанный этносостав
Пермский край	89,41%	1,990	2,021	1,506	√	Промышленный Урал
Республика Карелия	86,40%	1,868	1,842	1,498	√	Северо-Западный регион
Омская область	88,71%	1,978	1,943	1,429		Сибирский промышленный
Мурманская область	89,93%	1,601	1,738	1,395		Северный, убывающий
Республика Коми	85,45%	2,094	1,863	1,352		Северный, лесопромышленный
Магаданская область	87,71%	1,894	1,629	1,240		Золотодобыча, убывающий
Самарская область	89,61%	1,731	1,697	1,319		Поволжский регион
Пензенская область	87,57%	1,819	1,546	**1,144**		Поволжский, депопуляция
Саратовская область	89,70%	1,906	1,572	**1,062**	!	Поволжский, хронический кризис
СРЕДНЕЕ по околоядру (12 регионов)	**87,87%**	**1,920**	**1,836**	**1,397**		

Таблица 12

Сводное сравнение ключевых демографических показателей по регионам русского ядра и околоядра

Параметр	Русское ядро (90–98%)	Околоядро (85–90%)
Регионов	44	12
Численность русских	77,5 млн (73,44%)	16,3 млн (15,39%)
Средняя доля русских	93,67%	87,70%
Средний СКР 1990	1,820	1,903
Средний СКР 2015 (пик)	1,644	1,817
Средний СКР 2024	1,280 (зап. часть: 1,226)	1,397
Отклонение от РФ (2024)	-8,6% (зап. ядро: -12,4%)	-0,2% – практически равно РФ
Зоны критического кризиса	Нечерноземье: Псков, Смоленск, Тверь, Иваново, Новгород; Ленинградская обл.	Магадан, Карелия, Коми, Мурманск, Саратов
Зоны относительного благополучия	Краснодарский край, Москва и МО, Иркутская обл., Красноярский край, Костромская обл.	Тюменская обл. (без АО), Камчатка, Забайкальский край, Пермский край
Основная угроза	Агломерационный «всос» молодёжи; постарение периферии; Нечерноземье	Отток населения с Севера и Дальнего Востока; убыль без компенсации

Сопоставление с общефедеральными тенденциями

Три периода позднесоветской и постсоветской демографической динамики: ядро и околоядро

Позднесоветская и постсоветская демографическая история России делится на три чётко выраженных периода. Ниже представлена их характеристика с выделением динамики по ядру и околоядру – в разбивке, которой не существовало в предыдущих обзорах (табл. 13).

I период (1990–1999 гг.): демографический обвал. Рождаемость рухнула на треть по России, на 38,9% в ядре. Все группы регионов показали параллельное снижение, однако ядро – особенно его западная часть (Нечерноземье, СЗФО) – опережало по масштабам падения. Смертность выросла: «Русский крест» 1992–1999 гг. обошёлся России потерей почти миллиона человек ежегодно в пике. Ядро потеряло в рождаемости на 11,3 процентного пункта больше, чем околоядро (падение 38,9% против 27,5%), что объясняется спецификой демографической структуры западных ядровых регионов.

II период (2000–2016 гг.): частичное восстановление. Программа материнского капитала (с 2006 г.) и общий экономический рост стимулировали рождаемость во всех группах регионов. Пик 2015 г. (РФ – 1,762; ядро – 1,644; околоядро – 1,817) стал первым устойчивым ростом за 25 лет. Ядро последовательно отставало от общероссийского уровня, поскольку высокие показатели этнических республик вытягивали среднее вверх. Примечательно, что СКР околоядра в пике почти сравнялся с общероссийским показателем (1,817

Таблица 13

Динамика демографических процессов в регионах русского ядра и околоядра в трех периодах позднесоветской и постсоветской демографической истории

Период	СКР по РФ	СКР ядра (44 рег.)	СКР околоядра (12 рег.)	Характеристика
I период: 1990–1999 гг. Демографический обвал	1,892 → 1,157 (-38,8%)	1,820 → 1,112 (-38,9%)	1,903 → 1,380 (-27,5%)	Ядро падало параллельно со средним значением по РФ. Нечерноземье и СЗФО – главные очаги обвала. Сибирь и Дальний Восток держались устойчивее.
II период: 2000–2016 гг. Частичное восстановление	1,157 → 1,762 (+52,3%)	1,112 → 1,644 (+47,8%)	1,380 → 1,817 (+31,7%)	Маткапитал (с 2006 г.) дал рост везде. Ядро восстанавливалось быстрее в абсолютном выражении, но в пике (2015 г.) отставало от РФ на -6,6%. Околоядро в пике практически сравнялось с общероссийским показателем.
III период: 2016–2024 гг. Новый спад	1,762 → 1,400 (-20,5%)	1,644 → 1,226 (-25,4%)	1,817 → 1,413 (-22,2%)	Разрыв ядра с РФ нарастает: 1990 г. – -3,8%, 2015 г. – -6,6%, 2024 г. – -12,4%. Нечерноземье: СКР в ряде регионов опустился ниже 1,0–1,1. Сибирь/ДФО – частичная устойчивость.

vs 1,762), что объясняется относительным благополучием Тюменской, Пермской областей и сибирских регионов.

III период (2016–2024 гг.): новый демографический спад. Демографическая яма: малочисленное поколение 1990-х вступило в репродуктивный возраст. События после 2022 года, в том числе релокация части граждан, сказались на численности молодых мужчин в ядре. Разрыв между ядром и РФ нарастает: в 1990 г. – 3,8%, в 2015 г. – 6,6%, в 2024 г. – 8,6% (для западного ядра – 12,4%). Если тенденция сохранится, к 2030 г. средний СКР западного ядра рискует опуститься ниже 1,1. Особую тревогу вызывает Нечерноземье: пять регионов (Ленинградская, Смоленская, Псковская, Тульская, Рязанская области) уже находятся ниже 1,12.

Возрастная структура рождаемости: смещение к старшим когортам

Данные о коэффициентах рождаемости по возрастным группам (1990–2023 гг.) выявляют важную структурную трансформацию: если в 1990–1995 гг. пик рождаемости приходился на возрастную группу 20–24 года (140–165 рождений на 1000 женщин), то к 2023 г. он сместился к группе 25–29 лет (90–110 рождений). Рождаемость в группе 20–24 года сократилась катастрофически – до 63–93 рождений. *Для регионов русского ядра характерно, что группа 35–39 лет сохраняет относительно стабильные показатели, тогда как молодая рождаемость (18–29 лет) снижается особенно резко.*

Некоторые выводы

1. **Русское ядро (44 региона) и околоядро (12 регионов) совместно сосредотачивают 88,8% всего русского населения России – это демографическое ядро нации, определяющее её воспроизводство на поколения вперёд.**

2. **Расчётный СКР всех 44 регионов русского ядра в 2024 г. составил 1,280 – на 8,6% ниже официального общероссийского показателя (1,400).** По западной части ядра (ЦФО + СЗФО) разрыв достигает 12,4%. Общефедеральный СКР завышен за счёт Чечни (2,67), Тывы (2,29), ЯНАО (1,99). Реальный уровень рождаемости в западных русских регионах вдвое ниже уровня простого воспроизводства.

3. **СКР околоядра (1,397 в 2024 г.) практически равен общероссийскому**, однако с существенной оговоркой: в ряде регионов (Забайкальский и Пермский края, Омская область, Республика Коми) *это объясняется более высокой рождаемостью этнических меньшинств, а не русского населения.*

4. **Естественная убыль в 2024 г. составила 596,2 тыс. чел. (+20,4% к 2023 г.) и происходит преимущественно за счёт регионов русского ядра** и частично околоядра. Миграционный прирост 2024 г. (+418 тыс.) лишь частично компенсирует убыль.

5. **Внутри ядра существует критическая дифференциация: разрыв в СКР между наиболее благополучными** («живыми») регионами (Иркутская область – 1,552; Красноярский край – 1,497) и наиболее кризисными («угасающими») областями (Ленинградская – 0,888; Смоленская – 1,043) является почти двукратным (1,7). Выявлено 14 «живых» и 14 «угасающих» регионов ядра.

6. **Нечерноземье – главная зона демографического кризиса русского ядра**. Уникальное сочетание: максимальная этническая концентрация русских при минимальной рождаемости и максимальном постарении населения. **Без целевых мер это противоречие будет нарастать.**

7. **Дальневосточное и северное ядро** (Магадан, Камчатка, Карелия, Мурманская область, Забайкальский край, Еврейская АО) **переживают острейшую депопуляцию** при формально высокой доле русских – физическое присутствие русского населения там под угрозой.

8. **Агломерационная концентрация** (30,8% всех русских ядра в 6 регионах) означает, что демографическая **устойчивость ядра критически зависит от нескольких точек, прежде всего Москвы и Краснодарского** края.

9. Без системных мер – адресной политики для Нечерноземья, удержания населения на Дальнем Востоке, борьбы с агломерационным оттоком из малых городов ядра – тенденция к сокращению численности и доли русского населения в собственных исторических регионах будет нарастать.

Источники:

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Суммарный коэффициент рождаемости по субъектам Российской Федерации за 1990–2024 годы.

2. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Коэффициенты рождаемости по отдельным возрастным группам по субъектам Российской Федерации за 1990–2023 годы.

3. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Число родившихся и умерших, общие коэффициенты рождаемости и смертности по субъектам Российской Федерации, 1989–2023.

4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Численность населения по полу и возрасту по субъектам Российской Федерации на 1 января 1990–1998 гг.

5. Всероссийская перепись населения 2020 г. (итоги опубликованы в 2021–2022 гг.).

6. Институт демографии НИУ ВШЭ. Аналитические материалы по демографической ситуации в России.

РАЗДЕЛ II. РУССКИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ, ХАРАКТЕР ИХ МИГРАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ ИНОЭТНИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО БАЛАНСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. Пространственная трансформация расселения государствообразующего русского народа в Российской Федерации и на постсоветском пространстве в 1991–2025 гг.

В *настоящем разделе* системно обобщены материалы, посвящённые демографическим проблемам расселения государствообразующего русского народа, динамике русского населения на постсоветском пространстве, этническим сдвигам в составе населения Российской Федерации, а также трансформации миграционных потоков в 1989–2025 гг.

Раздел основан на интеграции нескольких групп материалов и базируется на сопоставимых, методологически проверенных данных. Ниже перечислены основные источники с указанием первичных публикаций, на которые опирается фактологический и расчётный аппарат исследования.

• **Перепись населения СССР 1989 года** – последняя качественная общесоюзная перепись, фиксирующая состояние этнического состава на излёте советского периода и служащая опорной точкой для всех последующих сопоставлений.

• **Всероссийская перепись населения 2020 года** – с обязательной корректировкой на 19 млн не указавших национальность и порядка 5 млн «бумажных душ». Без такой коррекции прямое сопоставление 1989 vs 2020 систематически искажает структуру нерусского населения.

• **Оценочные реконструкции этнического состава населения России на 2025 год** – авторского коллектива «Пересмешник Пальмиры» (t.me/mockingbird_of_Palmira/315) и блогера-демографа Севы Баширова.

• **Монография С.Я. Сущего «Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы»** – базовый источник по динамике русского населения постсоветских стран с прогнозами численности на 2030 и 2050 гг.

• **Данные по натурализации иностранцев в РФ по странам происхождения и этнорасовым группам за периоды 1992–2002 и 2003–2024 гг.** Важная методологическая особенность: данные по национальности мигрантов публиковались Росстатом до 2007 года, после чего исчезли из открытых источников, что потребовало реконструктивных расчётов по формуле Сущего.

• **Картографические материалы по динамике расселения русского народа 1989–2020 гг.** – карты блогеров-демографов Полотечега и Пересмешника, приведённые к единому масштабу и цветовой шкале для корректности сопоставления, а также карта «Крупнейшая национальность в населённом пункте» (2020) канала @totalepc на основе данных ВПН-2020.

• **World Population Prospects 2024 (ООН)** – прогнозы демографического сокращения коренного населения Европы по сценарию «нулевой миграции».

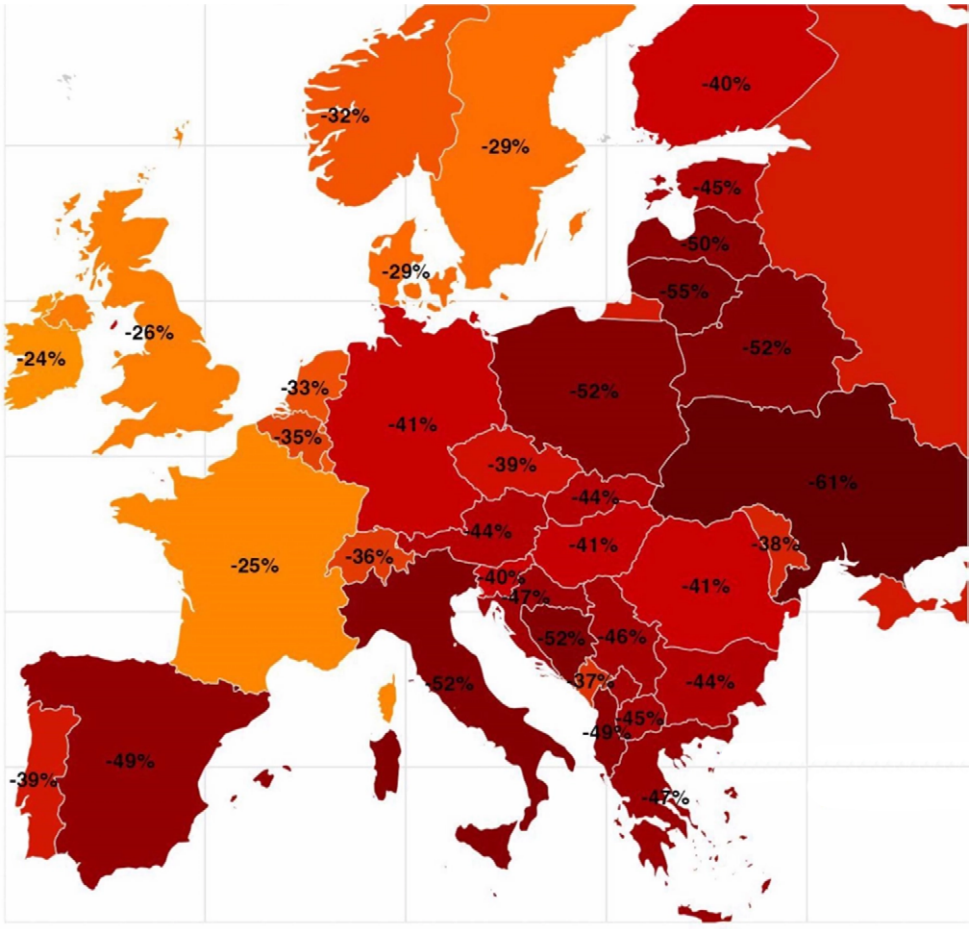
Некоторые методологические замечания. Часть оценок блогеров-демографов на 2025 год носит реконструктивный характер. Это связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, в переписи 2020 года значительная часть респондентов – около 19 млн человек, или более 13% населения, – не указали национальность; это требует пропорционального доучёта по этническим группам с учётом региональной структуры. Во-вторых, существуют категории учёта, не вполне сопоставимые с переписями советского пери-

ода (статистика мигрантов, переписи без выезда переписчика, дистанционные опросы). В-третьих, в 2014 и 2022 годах изменился состав территории Российской Федерации, в связи с чем приходится оперировать одновременно «старыми» и «новыми» границами. В-четвёртых, необходимо моделировать естественную убыль и миграционный прирост по этническим группам в условиях, когда последние публикации Росстата по национальности мигрантов датируются 2007 годом.

В связи с этим в докладе используются как официальные переписные данные, так и расчётные оценки, опирающиеся на аналитические реконструкции. Перепись 2020 года проводилась в условиях пандемии, частично дистанционным способом, что могло внести систематическую погрешность, особенно в регионах с низкой административной активностью населения. Данное обстоятельство учитывается при интерпретации пограничных случаев.

Рисунок 1

Сокращение коренного населения в возрасте до 70 лет к 2075 году в % от 2025 года. Сценарий ООН «нулевая миграция + средне-низкая рождаемость» (СКР 1,1–1,35)

Источник: World Population Prospects 2024 (ООН); визуализация — Telegram «Data distributor» / @sterngang

I. Макродемографический контекст

Согласно сценарию ООН «нулевой миграции» (при сохранении суммарного коэффициента рождаемости 1,1–1,35), к 2075 году коренное население Европы в возрасте до 70 лет сократится на 40–50%. Этот сценарий выбран осознанно, а не случайно. Большинство альтернативных моделей закладывают значительный миграционный приток и неоправданно оптимистично ожидают рост СКР с текущих 1,2–1,4 до 1,6–1,9 детей на женщину. Это, во-первых, ретуширует депопуляцию коренного населения ростом численности диаспор мигрантов, а во-вторых, игнорирует ускоряющееся и повсеместное снижение рождаемости в 2022–2025 гг. Параметр «возраст до 70 лет» позволяет также отсечь влияние неопределённых перспектив роста или стагнации продолжительности жизни и сосредоточиться на численности активного населения.

Для России прогнозные потери коренного населения оцениваются к 2075 году в **46,6 млн человек (–32%)**. Вместе с Украиной (–18,2 млн, –61%) и Беларусью (–3,5 млн, –52%) три восточно-славянские страны могут суммарно потерять **68,3 млн человек** – это самая значительная демографическая «дыра» среди всех макрорегионов Европы. Для сравнения, Германия теряет по тому же сценарию 27,2 млн (–41%), Италия – 23,4 млн (–52%), Польша – 14,4 млн (–52%), Испания – 18,8 млн (–49%), Франция – 12,7 млн (–25%), Великобритания – 15,9 млн (–25%). В этих условиях критически важно оценить внутренние ресурсы и угрозы для этнического ядра страны.

Карта наглядно подтверждает базовый тезис о неравномерности демографического кризиса в Европе. Тёмные тона концентрируются полосой от Прибалтики через Польшу и Балканы до Украины (–61%, максимум по континенту). Более «светлые» Великобритания, Ирландия и Франция (–24… –26%) демонстрируют, что относительно более устойчивая рождаемость способна смягчить, но не отменить общеевропейский тренд. Россия

(–32%) находится в средней зоне, однако в абсолютных числах теряет больше всех – около 46,6 млн человек, что делает критически значимым внутренний демографический ресурс и качество миграционной политики.

Базовый парадокс периода

Главный итог рассматриваемого периода состоит в том, что на уровне агрегированной статистики численность русских в России осталась близкой к позднесоветскому уровню, однако за этой внешней стабильностью произошли глубокие качественные изменения. Если в 1989 году в РСФСР проживало около 119,9 млн русских, то к 2025 году в Российской Федерации, по приведённым оценкам, проживает около 119,2 млн русских (отклонение менее 1%). Доля русских в населении страны сохранилась на уровне 81–82%.

Одновременно число русских вне России сократилось примерно с 25 млн до 7,5 млн, многие европейские меньшинства внутри России сократились или ассимилировались, заметно увеличилась численность выходцев с Кавказа и из Средней Азии, а русское присутствие на ряде периферийных территорий резко уменьшилось. Именно поэтому стабильность общероссийского показателя не должна восприниматься как признак демографического благополучия: она скрывает сложную и противоречивую перестройку этнодемографического баланса, в основе которой лежит замещение коренных европейских этносов мигрантами из Азии и Кавказа на фоне радикального изменения пространственного «ядра» русского расселения.

II. Русские на постсоветском пространстве: исчерпание потенциала репатриации

Общая численность и динамика

На начало 2025 года в России проживает **119,9 млн этнических русских**, а за её пределами на постсоветском пространстве – **около 7,5 млн** русских. Для сравнения, согласно переписи населения 1989 года в РСФСР жило 120 млн русских, и ещё 25 млн русских – в других республиках СССР. Таким образом, за 35 лет русская диаспора за рубежом сократилась более чем в три раза. Соответствующий вывод сделан в работах коллектива «Пересмешник Пальмиры», которые опирались на сопоставление национальных переписей постсоветских стран и оценок С.Я. Сущего.

За эти 35 лет одновременно протекали несколько разнонаправленных процессов: в самой России активно шла ассимиляция других этносов (в основном европейских) в русских; в западных республиках бывшего СССР, напротив, происходила ассимиляция русских в титульные нации (особенно на Украине и в Белоруссии); в южных республиках преобладала консолидация оставшихся европейцев вокруг русских общин при незначительной брачной ассимиляции русских в титульные этносы. Эти процессы накладывались друг на друга и формировали суммарную динамику русского зарубежья (табл. 1).

Ключевой вывод. *Миграционный потенциал русского зарубежья к настоящему времени близок к исчерпанию.* Даже если завтра все 7,5 млн русских из республик бывшего СССР переедут в Россию, этого хватит только на то, чтобы компенсировать естественную убыль населения страны на ближайшие 10–15 лет. Это принципиально важный вывод, поскольку он означает, что *дальнейшая стратегия демографической устойчивости России не может строиться на предположении о наличии значительного внешнего русского резерва.*

Региональная структура русского зарубежья

Украина

Тридцать пять лет назад крупнейшая 11-миллионная русская община за пределами РСФСР жила на Украине. К 2025 году эта община стремительно исчезает: сокращение составило около 7 раз. Среди причин такого падения – естественная убыль (характерная для всех постсоветских стран Восточной Европы), эмиграция, смена идентичности на украинскую (особенно среди молодёжи смешанного русско-украинского происхождения, в первые два десятилетия независимости активно записывавшейся в украинцы), а главное – вхождение в состав России Крыма (2014), Донбасса и Приазовья (2022), где в 1989 году проживала половина русских УССР. Тем самым формально-статистическое сокращение русских Украины частично является следствием территориальных изменений, а не только демографических процессов.

Таблица 1

Русские в России и вне её, 1989 и 2025 гг.

Показатель	1989 г.	2025 г.	Изменение
Русские в РСФСР/России	119,9 млн	119,2 млн	-0,7 млн
Русские вне РСФСР/России на постсоветском пространстве	около 25,0 млн	около 7,5 млн	-17,5 млн
Общая численность русских в пределах бывшего СССР	около 144,9 млн	около 126,7 млн	-18,2 млн

Казахстан

Русская община Казахстана за тот же период ополовинилась – с 6 до 3 млн человек, в основном за счёт эмиграции в Россию в 1990–2000-е годы. К началу 2020-х годов Казахстан вышел на первое место среди стран ближнего зарубежья по численности русских. Более медленным темпам её сокращения способствовала также ассимиляция украинцев, белорусов и немцев Казахстана в русских – в условиях нарастающей «казахизации» публичной сферы остающееся европейское меньшинство консолидируется вокруг русского ядра, что замедляет формальное сокращение русской категории.

Белоруссия

Третье место по численности русских на постсоветском пространстве за пределами России заняла Белоруссия, где протекает уникальный для постсоветского пространства тренд: ассимиляция русских в белорусов (пусть и более медленными темпами, чем на Украине или в Прибалтике) на фоне продолжающейся языковой русификации страны. Это парадоксальный случай: культурно-языковая среда становится русскоязычной, но формальная этническая идентификация смещается в пользу титульной национальности. Тем самым культурная близость не автоматически обеспечивает статистическое сохранение русской самоидентификации.

Прибалтика (Латвия, Эстония)

Весьма значительной русская диаспора сохраняется в странах Балтии. Несмотря на репутацию главных русофобов бывшего СССР, сегодня русское меньшинство в Латвии и Эстонии в долях составляет самый большой процент населения среди всех признанных стран мира. Это уникальный кейс – институциональная неприязнь власти к русскому меньшинству сочетается с устойчивым сохранением его доли в населении. В Литве, для сравнения, доля русских всегда была существенно ниже и продолжает снижаться.

Молдавия и Приднестровье

Пути Молдавии и непризнанного Приднестровья (ПМР) в последние 35 лет кардинально разошлись. Если в 1989 году на территории будущей ПМР жила треть русских Молдавской ССР, то сегодня эта пропорция стала обратной – основная масса русских сосредоточена в Приднестровье. Это случилось не столько за счёт эмиграции (русские уезжали из обеих частей), сколько за счёт стремительной ассимиляции русских в молдаван в самой Молдавии и обратного ассимиляционного тренда в ПМР – за счёт перетока части местных молдаван и украинцев в русские. Пример Молдавии и ПМР наглядно показывает, что в зависимости от характера государственного устройства и политики ассимиляция может идти в противоположных направлениях.

Узбекистан и Киргизия

Среди южных постсоветских республик крупные общины русских сохранились только в Узбекистане и Киргизии, причём в постсоветский период для них характерна тенденция к концентрации вокруг республиканских столиц: чем дальше, тем в большей степени это будут общины двух городов – Ташкента и Бишкека. Сельская русская периферия исчезает, остаётся преимущественно квалифицированная городская часть.

Таджикистан, Туркмения, Закавказье

Таджикистан, Туркмения и республики Закавказья (Армения, Азербайджан, Грузия) находятся на финальной стадии дерусификации: к 2025 году русское присутствие стало неощутимым для экономической и культурной жизни названных стран. Эти территории уже не могут рассматриваться как источник возвратной миграции по этническому каналу.

Отдельно следует отметить, что из приехавших в Грузию и Армению в 2022 году русских релокантов большая часть либо уже вернулась домой, либо уехала далее на Запад. Это означает, что *прогнозировать долговременное оседание русского населения в этих двух странах в ближайшие годы крайне затруднительно.*

Оценка русского миграционного потенциала ближнего зарубежья

Миграционный потенциал русского зарубежья к настоящему времени близок к исчерпанию. Это значит, что любая стратегия демографической поддержки государствообразующего народа, опирающаяся на массовую репатриацию соотечественников, имеет крайне ограниченный горизонт действия. **Даже гипотетический переезд всех оставшихся 7,5 млн русских в РФ компенсирует естественную убыль России лишь на 10–15 лет**. После исчерпания этого ресурса страна окажется перед необходимостью либо радикально менять параметры собственной рождаемости, либо принимать инокультурную миграцию в ещё больших масштабах, либо отказываться от компенсаторной модели в принципе.

III. Динамика изменения этнического состава России (1989–2025 гг.)

Численность русских в России сохранилась благодаря трём механизмам: присоединению Крыма (2014), Донбасса и Новороссии (2022); ассимиляции европейских этносов внутри России – украинцев, белорусов, немцев, поляков, ряда финно-угорских и тюркских народов; натурализации порядка 7 млн русских и других европейцев из СНГ (прежде всего в 1990–2000-е годы). Без этих трёх процессов численность русских в РФ сократилась бы примерно на 10–15 млн человек за счёт естественной убыли.

Этнополитическая история постсоветской России – это русификация европейцев при взрывном росте доли представителей кавказских и среднеазиатских народов. Эта формула обобщает все ключевые процессы, описанные ниже.

Сдвиги в топ-10 народов России

Сравнение десяти крупнейших народов России в 1989 и 2025 годах показывает фундаментальный сдвиг внутри нерусской части населения (рис. 2, 3). Это видно и по парным круговым диаграммам этнического состава, приведённым ниже.

Главный визуальный вывод по диаграммам. Доля русских на обеих диаграммах составляет около 81% – то есть в общем балансе принципиальных изменений за 35 лет не произошло. Однако внутренняя структура нерусской части населения изменилась радикально: на диаграмме 1989 года среди крупнейших нерусских народов фигурируют белорусы (3-е место среди нерусских), мордва, немцы, удмурты – все исторически близкие к русским европейские группы. На диаграмме 2025 года их место занимают армяне, таджики, азербайджанцы – новые миграционные группы из Закавказья и Средней Азии. Это и есть визуальное доказательство тезиса о *«русификации европейцев при росте кавказцев и среднеазиатов»*.

Замещённые народы: из топ-10 выбыли белорусы, мордва, немцы, удмурты – все четыре этноса исторически и культурно близкие к русским, представители «европейского» сегмента российского населения (табл. 2). **Вошли в топ-10:** армяне, таджики, азербайджанцы – все три представляют новую миграционную волну из Закавказья и Средней Азии, не имевшую аналогов в позднесоветский период.

Этот сдвиг – не статистический артефакт, а отражение реальной перестройки нерусского сегмента населения России: **исторические европейские меньшинства, веками входившие в состав Русского мира, уступают место новым иноэтничным группам, прибывающим преимущественно в трудоспособном возрасте.**

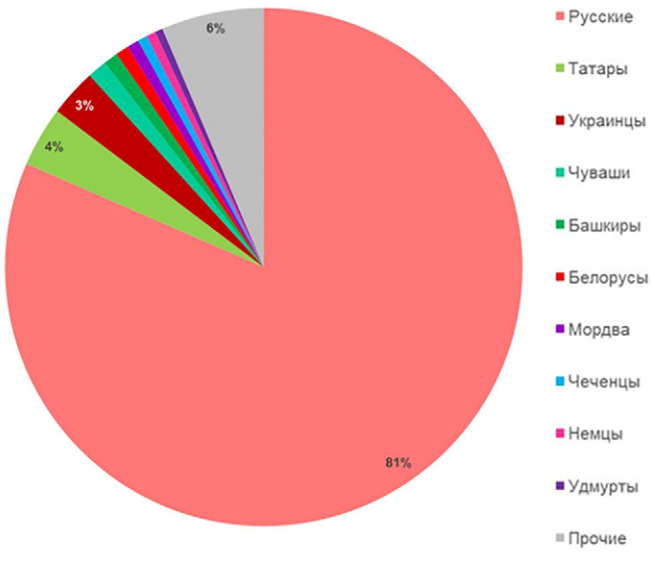
Таблица 2

Топ-10 народов России: 2025 г. (оценка) vs 1989 г. (перепись)

2025 г. (оценка)	млн	1989 г. (перепись)	млн
Русские	119,2	Русские	119,9
Татары	5,0	Татары	5,5
Украинцы	2,8	Украинцы	4,4
Армяне	1,7	Чуваши	1,8
Башкиры	1,6	Башкиры	1,3
Чеченцы	1,6	Белорусы	1,2
Таджики	1,2	Мордва	1,1
Чуваши	1,2	Чеченцы	0,9
Аварцы	0,9	Немцы	0,8
Азербайджанцы	0,8	Удмурты	0,7

Рисунок 2

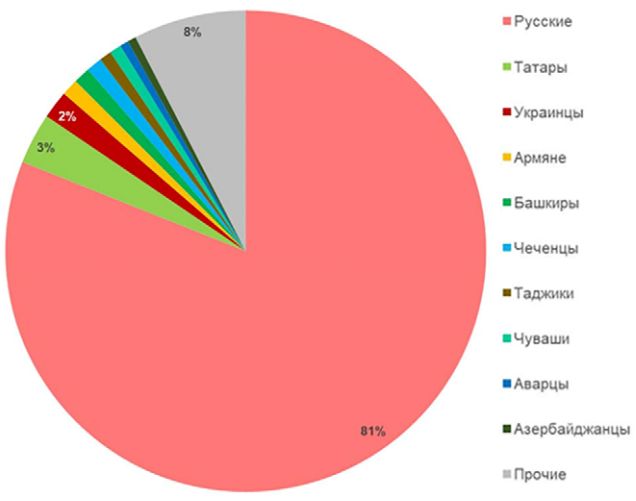
Этнический состав РСФСР, 1989 г.

Источник: Перепись населения СССР 1989 года.

Рисунок 3

Этнический состав России, 2025 г. (оценка)

Источник: расчёты С. Баширова и коллектива «Пересмешник Пальмиры» на основе ВПН-2020 с коррекцией на НУН и «бумажные души».

Рисунок 4

Нерусские России, 1989 г. (тыс. человек). Группировка из 9 категорий – классификация коллектива «Пересмешник Пальмиры».

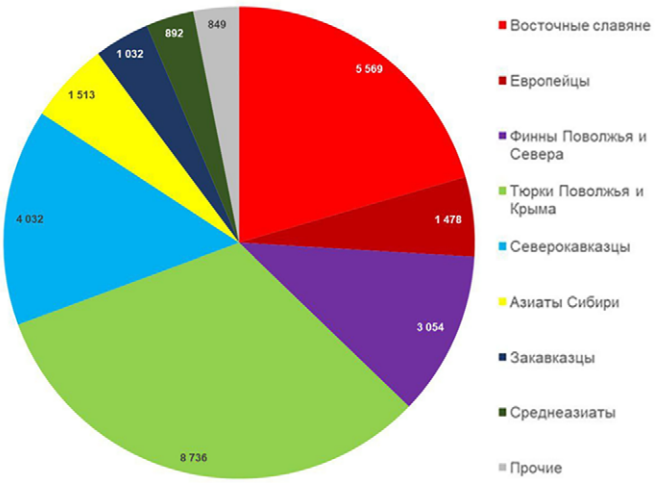
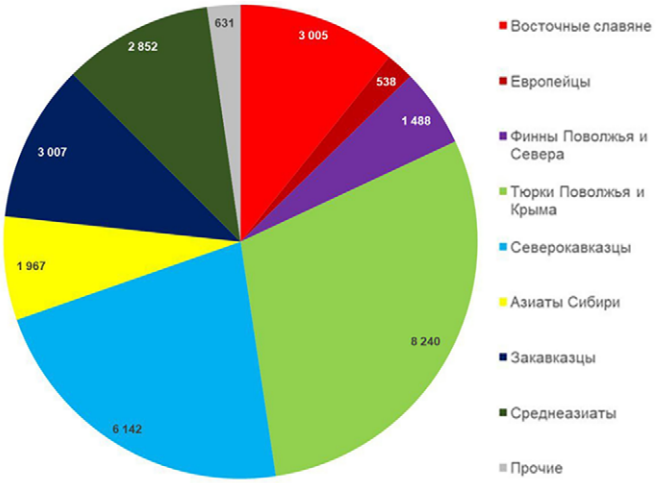

Рисунок 5

Нерусские России, 2025 г. (тыс. человек, оценка). Та же группировка

Динамика по этническим группам: подробный разбор

Поскольку численность и доля русских в России с 1989 года практически не поменялась, особенно важно отдельно рассмотреть этническую динамику нерусских народов. Все нерусские народы РФ можно сгруппировать по 9 интуитивно понятным группам (классификация коллектива «Пересмешник Пальмиры»). Сравнение объёма этих групп в 1989 и 2025 годах хорошо видно на парных диаграммах (рис. 4 и 5).

Главный визуальный вывод 1989 года. Крупнейшие сегменты – тюрки Поволжья и Крыма (8 736 тыс., 32%), восточные славяне (5 569 тыс., 21%), северокавказцы (4 032 тыс., 15%), финны Поволжья и Севера (3 054 тыс., 11%). Закавказцы (1 032 тыс., 4%) и среднеазиаты (892 тыс., 3%) – относительно малые сегменты, не имеющие в советский период значимого веса в нерусской части населения России.

Главный визуальный вывод 2025 года. Тюрки Поволжья – около 8 240 тыс. (стабильно), но северокавказские народы выросли до 6 142 тыс. (+52 %), закавказские – до 3 007 тыс. (x3), среднеазиатские – до 2 852 тыс. (x3,2). Восточные славяне (3 005 тыс.) и угро-финны Поволжья (1 488 тыс.) сократились почти вдвое. Это и есть структурный сдвиг: место сокращающихся европейцев и поволжских угро-финнов заняло быстрорастущее кавказское и среднеазиатское население.

Восточные славяне (украинцы, белорусы)

На старой территории России представители двух славянских народов стремительно ассимилировались в русских, сократившись в 6 раз с 1989 по 2025 гг. Это самое мощное проявление «отложенного» советского ассимиляционного котла. Однако за этот срок Россия успела прирасти Крымом, Донбассом и Приазовьем, поэтому в актуальных российских границах доля украинцев «всего лишь» ополовинилась. Сегодня в новых регионах проживает 2/3 украинской общины России, тогда как в 1989 году расселение украинцев в РСФСР было гораздо более дисперсным (украинские диаспоры Дальнего Востока, Кубани, Поволжья). По сути, к 2025 году осталась лишь сравнительно небольшая «старая» украинская община на территории России в границах 1989 года, а основная часть украинцев – жители новых регионов, унаследовавшие свою идентичность от позднесоветской УССР.

Белорусы – наиболее «обрусевшая» восточнославянская общность России. К 2025 году они выбыли из топ-10 народов России: за 35 лет численность сократилась с 1,2 млн до уровня, не позволяющего попасть в первую десятку. Причина та же – ассимиляция; миграционный приток из Белоруссии был ограниченным и не компенсировал утрату через смену идентичности.

Другие европейские народы (немцы, поляки, молдаване, греки)

Более 80% представителей этой группы приходится на 4 народа – немцев, поляков, молдаван и греков. Несмотря на общие тенденции к обрусению, их этнодемографическая динамика разнится.

Немцы. Ключевой вклад в сокращение числа российских немцев внесла эмиграция в Германию (программа Aussiedler). С 1989 по 2010-е годы из России в Германию выехало порядка 1,5–2 млн человек – это была одна из крупнейших эмиграций постсоветского периода. Сегодня российские

немцы остаются преимущественно в Сибири (Омская область, Алтайский край).

Поляки. Убывали в основном из-за ассимиляции в русских – миграционный канал в Польшу был слабее, чем у немцев в Германию.

Молдаване. Для молдаван была характерна массовая иммиграция в Россию весь постсоветский период, но она целиком была «съедена» обрусением: прибывающие молдаване быстро интегрировались в русскоязычную среду, и их дети уже записывались русскими.

Греки. Численность греков за 35 лет даже выросла, но это случилось исключительно за счёт перехода в Россию крупной греческой общины Мариуполя в 2022 году. Без этого события греки в России продолжали бы сокращаться.

Угро-финны Волги, Урала и Севера (мордва, удмурты, марийцы, коми)

Эти народы точно так же, как и предыдущие, активно ассимилировались, в результате чего их суммарная численность в постсоветской России упала вдвое. Скорость сокращения численности угро-финских этносов прямо коррелирует с их культурной и генетической дистанцией до русских, а также с компактностью этноареалов.

Чем ближе к русским по облику и языковому окружению – тем быстрее ассимиляция. Сегодня крупнейшим угро-финским народом России являются марийцы, хотя ещё накануне распада СССР они занимали только 3-е место в данной группе, на тот момент уступая по численности мордве и удмуртам. Это произошло не за счёт роста марийцев, а за счёт более быстрого сокращения мордвы и удмуртов – оба этих народа более активно ассимилировались и менее компактны территориально.

Тюрки Волги, Урала и Крыма (татары, чуваши, башкиры, ногайцы, крымские татары)

Общая численность этой группы народов за 35 лет не претерпела серьёзных изменений, однако при детальном рассмотрении складывается неоднозначная картина.

• Существенно сократилась численность казанских татар (~на 10%) и в ещё большей степени – чувашей (в 1,5 раза). Чуваши – наиболее быстро ассимилирующийся тюркский народ России, поскольку они православные, что снимает религиозный барьер ассимиляции.

• Выросла численность башкир (в 1,2 раза) и ногайцев (в 1,5 раза). Возможная причина такой динамики – татаро-башкирские и татаро-ногайские «этнические качели», когда одни и те же люди от переписи к переписи меняют идентичность в зависимости от политико-административной конъюнктуры. Особенно ярко это видно на стыке Татарстана и Башкортостана, где значительные группы населения попеременно записываются то татарами, то башкирами.

• Возвращение в родную гавань Крыма привело к появлению в России крупной общины крымских татар, которые к 2014 году в массе своей вернулись на историческую родину после депортации. Это структурно новая для постсоветской РФ этническая группа.

Северокавказские народы

Среди коренных народов России именно эта группа дала наибольший прирост – почти в 1,5 раза. За 35 лет выросли все кавказцы без исключения, но темпы разнились в зависимости от конкретного этноса. Наибольший прирост показали вайнахи (чеченцы и ингуши), а также народы северного Дагестана (аварцы, лакцы, даргинцы), тогда как прирост народов Западного Кавказа (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) и южного Дагестана оказался куда скромнее.

Другим интересным феноменом стало удвоение численности черкесов – это во многом следствие национально-политической мобилизации, а не демографического роста.

Отдельно стоит отметить, что осетины – единственный народ Северного Кавказа, численность которого выросла не столько за счёт естественного прироста, сколько за счёт иммиграции из Грузии и Южной Осетии после конфликтов 1991–1992 и 2008 годов.

Народы Сибири и Европы (якуты, тувинцы, ненцы, буряты, калмыки, алтайцы, хакасы)

Сюда отнесены все коренные народы Сибири, а также ненцы и калмыки. Эти народы, в массе своей не склонные к ассимиляции в русских, за годы независимости выросли в 1,3 раза, причём особенно быстро росли якуты, тувинцы и ненцы (~в 1,5 раза) при более умеренных темпах роста бурят, калмыков и алтайцев (~в 1,2 раза).

Высокие темпы роста объясняются сохраняющейся более высокой рождаемостью и низким уровнем ассимиляции – благодаря компактному проживанию в собственных этнических регионах. Исключение составили хакасы, численность которых относительно 1989 года уменьшилась из-за характерной для них метисации с русскими.

Закавказские народы (армяне, азербайджанцы, грузины)

На территории современной России выходцы из стран Южного Кавказа живут достаточно давно – это касается как черноморских армян (с XIX

века), так и дербентских азербайджанцев. Но с 1989 года численность закавказских народов в Российской Федерации выросла в 3 раза, преимущественно за счёт мигрантов из Армении, Грузии и Азербайджана, а также за счёт турок-месхетинцев, эвакуированных из Узбекистана в Россию на излёте советской эпохи после ферганских событий 1989 года.

Как в 1989-м, так и в 2025-м более половины закавказских народов РФ составляют армяне, но четвёртым по численности этносом России они стали только сегодня. Армяне – наиболее интегрированная в российское общество закавказская группа, концентрирующаяся преимущественно в Краснодарском крае, Москве, Ростовской области.

Среднеазиатские народы (казахи, узбеки, киргизы, таджики)

Речь идёт о титульных народах Средней Азии, чья доля среди нерусского населения России с 1989 года также выросла **втрое**. Но есть нюанс. В 1989 году почти все представители среднеазиатских народов РСФСР были казахами, жившими тут с XVIII века (приграничные с Казахстаном Оренбургская, Челябинская, Астраханская, Омская области), численность которых все 35 постсоветских лет стагнировала на фоне активной репатриации в Казахстан.

В то же время численность узбеков и киргизов в России выросла в 5–6 раз, а таджиков – в 30 раз (!). Это позволяет говорить о взрывном росте численности среднеазиатских народов в постоянном населении России. Таким образом, к 2025 году казахи в рейтинге крупнейших среднеазиатских диаспор России опустились с первого места на третье, уступив лидерство таджикам и узбекам.

Особо подчеркнём: данные касаются именно постоянного населения. С учётом временных трудовых мигрантов и членов их семей реальное присутствие среднеазиатских народов в стране ещё выше.

Цыгане, евреи, корейцы и др.

В категорию «Прочие» отнесены те народы, которых нельзя однозначно отнести к остальным группам. В основном это цыгане, евреи, корейцы и выходцы из Дальнего зарубежья. За описанный период эта категория также претерпела значительные изменения: евреи массово репатриировались в Израиль (программа репатриации, действовавшая с конца 1980-х); корейцы в 1990-е потянулись из стран Средней Азии в Россию (особенно из Узбекистана, где составляли значительную русифицированную общину), а с 2010-х стали уезжать уже из России в Южную Корею (трудовая миграция); цыгане всё это время устойчиво росли (в 1,8 раза за 35 лет) благодаря высокой рождаемости и низкой ассимиляции. Вот почему в данной группе наиболее многочисленным народом на 1989 год были евреи, а в 2025-м – уже цыгане.

Примечание. По состоянию на начало 2025 года выходцев из Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка) в России практически нет, однако, судя по недавним заявлениям российских высших должностных лиц, ситуация может поменяться уже в ближайшие 10–15 лет так же, как это ранее случилось сначала с закавказскими народами, а затем со среднеазиатскими.

Итоговый тренд по России

Этнополитическая история постсоветской России – это русификация европейцев при взрывном росте доли представителей кавказских и среднеазиатских народов. Этот тренд не является нейтральным с точки зрения культурной, языковой и социальной интеграции: место исторически близких этнических групп занимают культурно более отдалённые.

Государственная политика последних десятилетий фактически способствовала этой замене, не препятствуя обрусению европейцев и одновременно открывая массовый трудовой канал из Средней Азии и Закавказья.

2.2 Структура миграции и натурализации: от репатриации к замещению

Анализ данных по натурализации в гражданство РФ позволяет выделить две принципиально разные фазы постсоветского миграционного процесса. Граница между ними проходит примерно в 2002–2003 годах, что отражает как качественное изменение характера миграции, так и появление новых данных: 2002 год – это последняя относительно качественная перепись в России без миллионов «не указавших национальность», что позволяет использовать её как опорную точку для расчётов.

Реконструкция этнического состава мигрантов выполнена на основе монографии С.Я. Сущего, данных национальных переписей республик бывшего СССР и официально публиковавшейся (до 2007 года) статистики по национальности натурализованных. Отметим, что в эпоху 1990-х – начала 2000-х данные по национальности мигрантов публиковались Росстатом, но загадочно исчезли в 2008 году из открытых источников, что само по себе является диагностическим признаком.

Методология расчёта (формула Сущего)

Для оценки миграции в период 2003–2024 гг., когда официальная статистика по национальности недоступна, использована следующая расчётная формула:

$$\text{Миграция русских в Россию} = X_{2002} \cdot ((1 - N)^{22}) - Y_{2024},$$

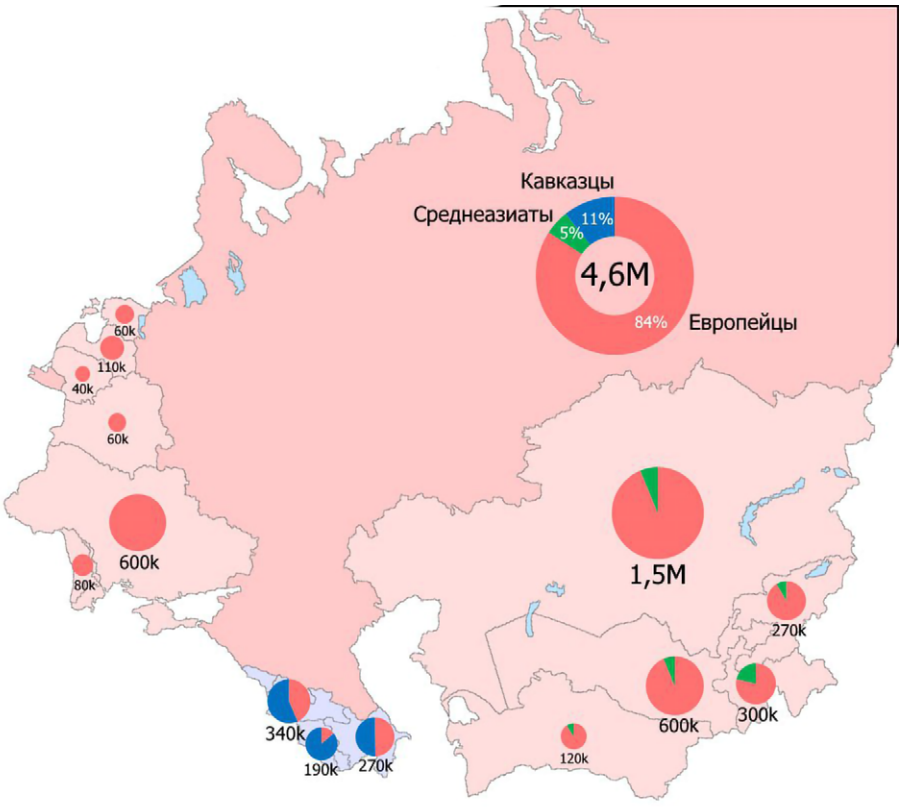
где X2002 – оценочное число русских в стране на 2002 год; Y2024 – оценочное число русских в той же стране на 2024 год; N – средневзвешенный коэффициент естественной убыли за исследуемый период (различный для разных групп стран).

Численность других европейцев, уехавших из стран Закавказья и Средней Азии в Россию, рассчитана пропорционально русским. Доли среднеазиатов и кавказцев среди новых россиян получены вычитанием полученного числа европейцев из общей суммы натурализованных мигрантов по каждой стране.

Расчёты основаны на трёх допущениях. Во-первых, рождаемость других европейцев (немцев, поляков, греков и т. п.) для конкретной постсоветской страны в XXI веке слабо отличается от рождаемости местных русских. Во-вторых, почти вся эмиграция европейцев из южных республик бывшего СССР с 2003 по 2024 гг. ушла в РФ, а не в третьи страны. В-третьих, для Узбекистана и Туркмении, отличающихся некачественным статистическим учётом, использованы самые низкие оценки численности русских и других европейцев на 2002 год, поскольку наибольшему недоучёту подверглась именно миграция 1990-х.

Рисунок 6

Натурализация мигрантов по этнорасовым группам, 1992–2002 гг. Общий объём – 4,6 млн человек, из них 84% – европейцы, 11% – кавказцы, 5% – среднеазиаты

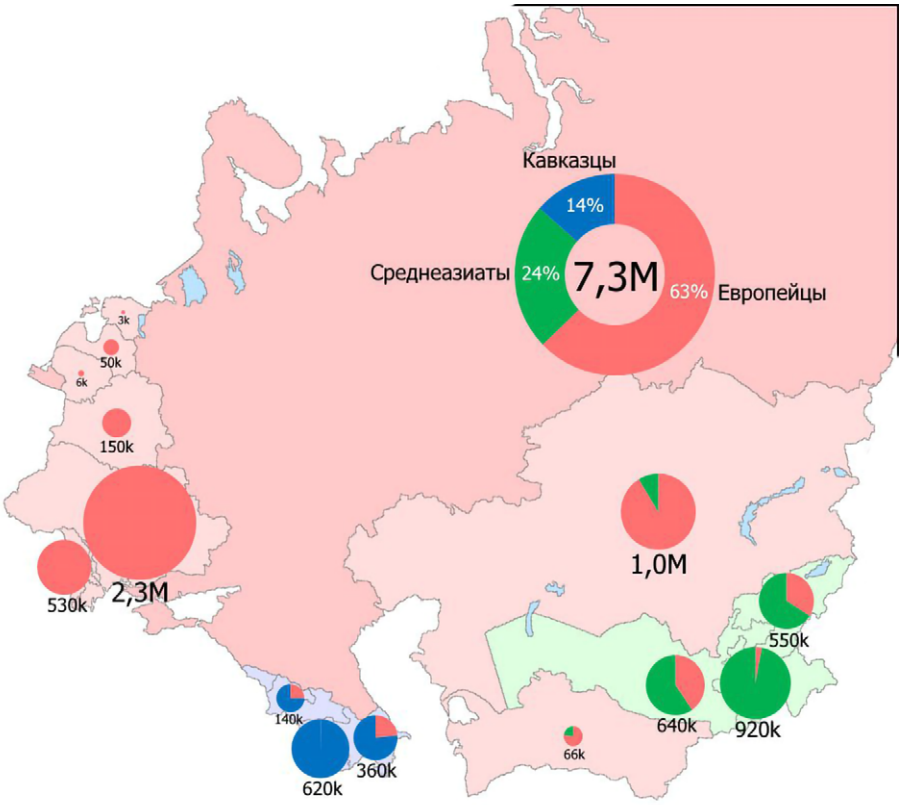
Источник: расчёты коллектива «Пересмешник Пальмиры» на основе данных МВД и МИД России.

Период 1992–2002 гг.: фаза репатриации

Карта наглядно демонстрирует «репатриационную» природу первой фазы миграции в Россию (рис. 6). Розовый цвет (европейцы) доминирует практически во всех странах. Крупнейшие потоки идут с Украины (600 тыс.), из Казахстана (1,5 млн), Узбекистана (600 тыс.) – все они на тот момент почти исключительно европейские по составу. Даже из Закавказья, где синие сектора уже видны, абсолютные размеры небольшие (Армения, Грузия, Азербайджан – 270–340 тыс. каждая). Главный визуальный вывод:

Рисунок 7

Натурализация мигрантов по этнорасовым группам, 2003–2024 гг. Общий объём – 7,3 млн человек, из них 63% – европейцы, 14% – кавказцы, 24% – среднеазиаты

Источник: расчёты коллектива «Пересмешник Пальмиры».

в первые десятилетие после распада СССР российская натурализация была преимущественно возвращением европейских меньшинств бывшего Союза.

В этот период действовал закон о гражданстве в редакции 1991 года, фактически выдававший российский паспорт всем желающим гражданам бывшего СССР, заявившим о соответствующих намерениях. По данным МВД, в это десятилетие в гражданство России было принято около 4,6 миллиона человек, и подавляющее большинство этого потока сформировали этнические русские и близкие к ним по культурному типу европейцы (украинцы, белорусы, немцы и так далее). Конкретные пропорции в потоке таковы:

• Из стран Прибалтики **более 80%** получателей российского гражданства были этническими русскими.

• Среди принятых в гражданство России представителей народов Средней Азии в 1990-е – начале 2000-х в лидерах были многочисленные корейцы, которые ещё в советские годы перешли на русский язык и в культурно-бытовом плане резко выделялись на фоне остальной Средней Азии. Кроме того, уже в 1990-е в России появляется заметная таджикская диаспора, в основном из числа беженцев от гражданской войны 1992–1997 гг. Остальные же среднеазиаты на тот момент сохраняли низкую социальную мобильность и практически не уезжали в Россию.

• Среди мигрантов из стран Закавказья в Россию русские и близкие им народы даже в период с 1992 по 2002 не составляли большинства. Это связано как с относительной малочисленностью русских в Грузии, Армении и Азербайджане в советские годы, так и с высокой социальной мобильностью, характерной для народов Закавказья. Именно трио армяне-азербайджанцы-грузины в первое десятилетие после распада СССР сформировало крупные диаспоры, прочно вросшие в сегодняшнюю российскую действительность.

Период 2003–2024 гг.: фаза иноэтничной миграции

Сравнение двух карт даёт самый наглядный визуальный эффект всего доклада (рис. 6, 7). По Закавказью круги становятся преимущественно синими – Армения (620 тыс.), Азербайджан (360 тыс.), и в подавляющем большинстве это титульные народы. По Средней Азии круги становятся преимущественно зелёными: Узбекистан (920 тыс.), Таджикистан (640 тыс.), Киргизия (550 тыс.) – практически целиком за счёт титульных народов. Розовый цвет сохраняется только за счёт Украины (2,3 млн с учётом паспортизации ЛНР и ДНР), Молдавии и частично Казахстана.

На этом этапе характер миграции принципиально изменился: «русский компонент» во внешней миграции сократился вследствие исчерпания соответствующего ресурса в странах исхода, а потоки из ряда государств стали преимущественно титульными по составу.

• В XXI веке роль Украины, Молдавии и Белоруссии как миграционных доноров России возрастала по мере их отставания в социально-экономическом развитии: именно неудачи западных соседей позволили России сохранить довольно высокую долю европейцев в структуре иммиграции. При этом следует держать в уме, что из 2,3 млн граждан Украины, принятых в гражданство РФ с 2003 по 2024 гг., от **800 тыс.**

до 1 млн пришлось на паспортизацию ЛДНР, проведённую с мая 2019 по сентябрь 2022 гг.; большинство этих людей в действительности никуда не уезжали со своих мест жительства. То же касается и Молдавии, где около четверти принятых в гражданство РФ в реальности живёт в ПМР.

• Миграция из Средней Азии в Россию за последние 20 лет кардинально изменилась: теперь её этническую основу составляют титульные народы региона. И если в числе мигрантов из Узбекистана и Киргизии (последняя, ко всему прочему, в начале 2010-х отметилась в выдавливании узбекского и дунганского меньшинств на территорию России) по-прежнему немало русских и других европейцев, то миграция из Таджикистана сегодня носит исключительно характер переселения представителей титульной нации: почти все местные русские покинули страну в конце XX века.

• По мере угасания демографического присутствия русских в Закавказье миграция оттуда также приобрела моноэтничный характер, причём ключевым поставщиком мигрантов стала Армения, в XXI веке подарившая России вдвое больше новых россиян, чем соседний Азербайджан.

Итог миграционной трансформации

Главный вывод. Если в 1990-е годы миграция в значительной степени выполняла функцию возвращения соотечественников (этническая, культурная, языковая репатриация), то в XXI веке она всё больше стала выполнять функцию компенсации демографической убыли за счёт иноэтничного притока. Безвизовый режим с Таджикистаном и странами Закавказья с каждым годом выглядит всё более сомнительным удовольствием – он работает не на пополнение русского ядра, а на ускоренное замещение коренного европейского населения мигрантами из Азии.

2.3 Изменения пространственной динамики расселения русских (1989–2020)

Сравнительный картографический анализ – это второй по важности срез исследуемых процессов после структурного этнодемографического (рис. 8). На основе сопоставления карт переписей 1989 и 2020 гг. *(карты Полотечега и Пересмешника, приведённые к единому масштабу и цветовой шкале)* на уровне административных районов выявляются два параллельных и внешне противоположных процесса. Оба разворачиваются одновременно и в совокупности формируют новую конфигурацию этнического пространства страны.

Главные визуальные изменения на карте 1989 г. → 2020 г.

Первое: «потемнение» (рост доли русских) в Восточной Слобожанщине (Воронеж/Белгород), в южной полосе Западной Сибири (Омск/Новосибирск/Алтай), в Краснодарском и Ставропольском краях, в финно-угорских республиках Поволжья – это визуальное доказательство ассимиляционного уплотнения.

Второе: «посветление» (снижение доли русских) на Чукотке, в Якутии, Эвенкии, на Камчатке и Магадане – мощный эффект постсоветского оттока.

Третье: появление обширных белых пятен (низкая доля русских) на Северном Кавказе – Чечня и Ингушетия фактически утратили русское население, светлеет восточное Ставрополье, Калмыкия.

Четвёртое: характерное «крапчатое» уменьшение интенсивности окраски в части районов Калужской, Орловской, Брянской, Тульской областей – впервые зафиксированная эрозия исторического ядра изнутри.

Процесс первый: ассимиляционное уплотнение

На значительной части территории, прежде всего в центральных и западных регионах России, фиксируется потемнение картографической шкалы – переход из диапазона 70–80%

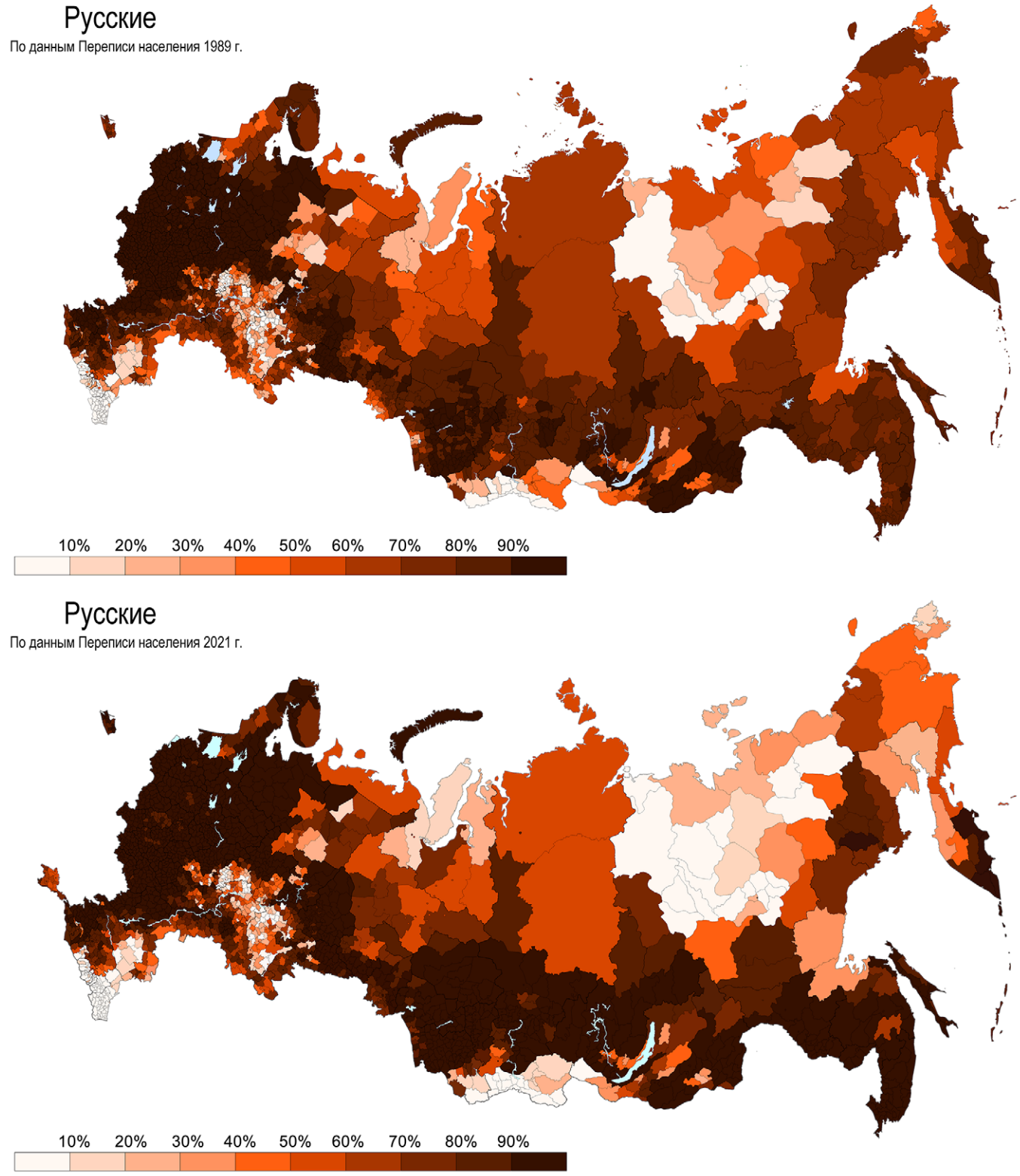
Таблица 3

Ключевые зоны ассимиляционного уплотнения

Регион	Изменение доли русских	Механизм
Восточная Слобожанщина (Воронежская, Белгородская обл.)	70–80% → 88–93%	Полное растворение украинской идентичности
Омская, Новосибирская обл., Алтайский край	70–80% → 82–90%	Ассимиляция немцев и казахов, эмиграция немцев в Германию
Удмуртия, Марий Эл, Карелия, Коми (вне нац. ядер)	55–65% → 63–72%	Ассимиляция финно-угров
Самарско-оренбургское пограничье с Татарстаном	Умеренный рост	Ассимиляция татарского сельского населения
Краснодарский, Ставропольский края	78–82% → 82–87%	Ассимиляция адыгов, приток русских с Кавказа

Рисунок 8

Доля русских в населении районов России.
Верхняя панель – по данным переписи 1989 г., нижняя – по данным ВПН-2020.
Единая цветовая шкала: от светло-кремового (менее 10%) до тёмно-коричневого (более 90%)

Источник: Иван Владимиров / acer120 (https://t.me/acer120_lj/2620)

в диапазон 85–93%. Это свидетельствует о завершении ассимиляционных процессов, запущенных ещё в советский период, но реализовавшихся в постсоветские десятилетия. Феномен можно охарактеризовать формулой: советский «плавильный котёл» сработал с запозданием – не при советской власти, а после её окончания (табл. 3).

Подчеркнём механизм: в большинстве этих зон рост доли русских – это не следствие миграции, а следствие смены идентичности. Дети из смешанных семей записываются русскими, потомки украинцев Слобожанщины и немцев Сибири переписываются как русские, финно-угорское сельское население ассимилируется через школьную систему и языковую среду. Это тихая ассимиляция, не сопровождавшаяся ни принуждением, ни масштабными миграционными процессами.

Процесс второй: периферийная фрагментация

На противоположном полюсе – ускоренное сокращение русского присутствия на дальних рубежах. Здесь действуют принципиально иные механизмы: не этническое вытеснение в чистом виде, а социально-экономический коллапс постсоветской модели освоения территорий. На Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке после 1991 года произошла катастрофическая утрата экономической базы (закрытие предприятий, отказ от северных надбавок и льгот), что привело к массовому оттоку русского (преимущественно славянского) населения «на материк». Параллельно в национальных республиках с высокой рождаемостью коренных народов произошёл естественный демографический сдвиг в их пользу (табл. 4).

Принципиально важно: оставшееся русское население в северо-восточных регионах концентрируется в городских узлах, где парадоксально может расти его доля – на фоне ещё более интенсивного оттока нерусского населения. Однако это рост за счёт сжатия общей массы, а не за счёт реальной демографической устойчивости русского сегмента.

Сводная таблица динамики по макрорегионам (1989–2020 гг.)

Для целостного восприятия пространственной картины ниже приведена развёрнутая сводная таблица по основным макрорегионам с указанием диапазонов доли русских в 1989 и 2020 гг. и доминирующего характера изменений (табл. 5).

Таблица 4

Ключевые зоны периферийной фрагментации

Регион	Изменение доли русских	Причина
Северо-восток: Эвенкия ⟶ Чукотка	70–85% ⟶ 40–72%	Экономический коллапс, отток 70–90% населения; концентрация остатков в городах (Мирный, Нерюнгри, Магадан, Петропавловск-Камчатский)
Тыва	До 10–15% в большинстве районов	Наиболее полная дерусификация, сопоставимая с Кавказом
Северный Кавказ (Чечня, Ингушетия, Дагестан)	10–30% ⟶ 2–10%	Исчезновение «терского пояса», практически полное отсутствие русского населения

Таблица 5

Макрорегиональные изменения доли русских, 1989–2020 гг.

Макрорегион	1989, %	2020, %	Характер изменений
Центральная Россия (историческое ядро)	88–96	85–94	Внутренняя эрозия в отдельных районах (миграция)
Центральное Черноземье	85–92	88–95	Стабильность / умеренный рост (ассимиляция)
Восточная Слобожанщина (Воронеж/Белгород)	70–80	88–93	Ассимиляция украинцев, полное растворение этнического субрегиона
Поволжье (Татарстан, Башкортостан)	40–65	38–63	Умеренное снижение в городах, рост в сельских районах
Финно-угорские республики (Удмуртия, Марий Эл)	55–65	63–72	Рост доли русских, ассимиляция коренных народов
Западная Сибирь (Омск, Новосибирск, Алтай)	70–80	82–90	Ассимиляция немцев, эмиграция в Германию, ассимиляция казахов
Якутия, Бурятия, Тыва, Забайкалье	35–65	20–50	Отток русских «на материк», рост доли коренных народов
Дальний Восток (Магадан, Камчатка, Чукотка)	70–85	40–72	Массовый отток населения, парадоксальный рост % там, где остались
Северный Кавказ (Чечня, Ингушетия, Дагестан)	10–30	2–10	Исчезновение «терского пояса»
Ставропольский, Краснодарский края	78–82	82–87	Умеренный рост, ассимиляция адыгов, приток переселенцев
Карелия и Коми	70–80	78–86	Отток карел и коми, ассимиляция, рост русского %

Таблица 6

Факторы пространственных сдвигов в расселении русских

Фактор	Направление действия	Затронутые территории
Ассимиляция советских меньшинств	Рост доли русских	Центральная Россия, Поволжье, Западная Сибирь
Эмиграция нерусских (немцы, евреи)	Рост доли русских	Поволжье, Сибирь, Урал
Дифференциальная рождаемость	Снижение доли русских	Кавказ, Тыва, поволжские республики
Постсоветский отток с севера и востока	Снижение численности в абсолюте	Дальний Восток, Якутия, Чукотка, Эвенкия
Трудовая миграция из Средней Азии и Закавказья	Снижение доли русских	Центральная Россия: Калужская, Орловская, Московская обл.
Урбанизация нерусских народов	Снижение % в городах, рост % в селе	Казань, Уфа и сельская периферия республик
Методология переписи 2020 года (дистанционная)	Возможная систематическая погрешность	Все регионы – корректировка интерпретации

Факторный анализ изменений

Наблюдаемая пространственная динамика определяется совокупностью факторов различной природы. Их разграничение необходимо для корректной интерпретации данных и прогнозирования дальнейших трендов. В табл. 6 ниже приведена сводная факторная модель, разделяющая влияния по характеру действия и затронутым территориям.

2.4. Картографическое описание «Преобладание русских в населённых пунктах России» (2020)

Данный подраздел подготовлен как самостоятельный аналитический комментарий к одной из ключевых карт доклада – карте «Крупнейшая национальность в населённом пункте (2020)» на основе Всероссийской переписи населения 2020 года (*источник: канал @totalepc*) (рис. 9).

Что отображает карта

Карта представляет собой пуансонную карту России в двух панелях. Каждый населённый пункт страны (от крупного города до мелкой деревни) обозначен пуансоном, цвет которого соответствует крупнейшей по численности национальности в этом населённом пункте. Размер пуансона на верхней панели отражает абсолютную численность представителей этой национальности, на нижней панели – общую численность населения данного населённого пункта.

Легенда содержит около 60 этнических категорий: русские, татары, чеченцы, башкиры, чуваши, аварцы, армяне, украинцы, даргинцы, казахи, кумыки, кабардинцы/черкесы/адыгейцы, ингуши, лезгины, осетины, мордва, якуты, азербайджанцы, буряты, марийцы, удмурты, таджики, узбеки, тувинцы, крымские татары, карачаевцы/балкарцы, белорусы, немцы, калмыки, цыгане, табасараны, коми, киргизы, турки-месхетинцы, грузины, ногайцы, корейцы, евреи, алтайцы, молдаване, хакасы, коми-пермяки, греки, ненцы, абазины, туркмены, эвенки, агулы, рутульцы, карелы, ханты, курды/езиды, эвены, китайцы/дунгане, чукчи, цахуры, манси, нанайцы, шорцы и ряд малых народов Сибири и Дагестана.

Цветовая гамма построена так, чтобы крупнейшие группы получили легко различимые цвета: русские – оттенки терракотового/розового; татары, башкиры, чуваши и другие тюрки Поволжья – оттенки зелёного; кавказские народы – различные оттенки синего; народы Сибири и Дальнего Востока – фиолетовые, тёмно-синие и др.

Главные пространственные закономерности

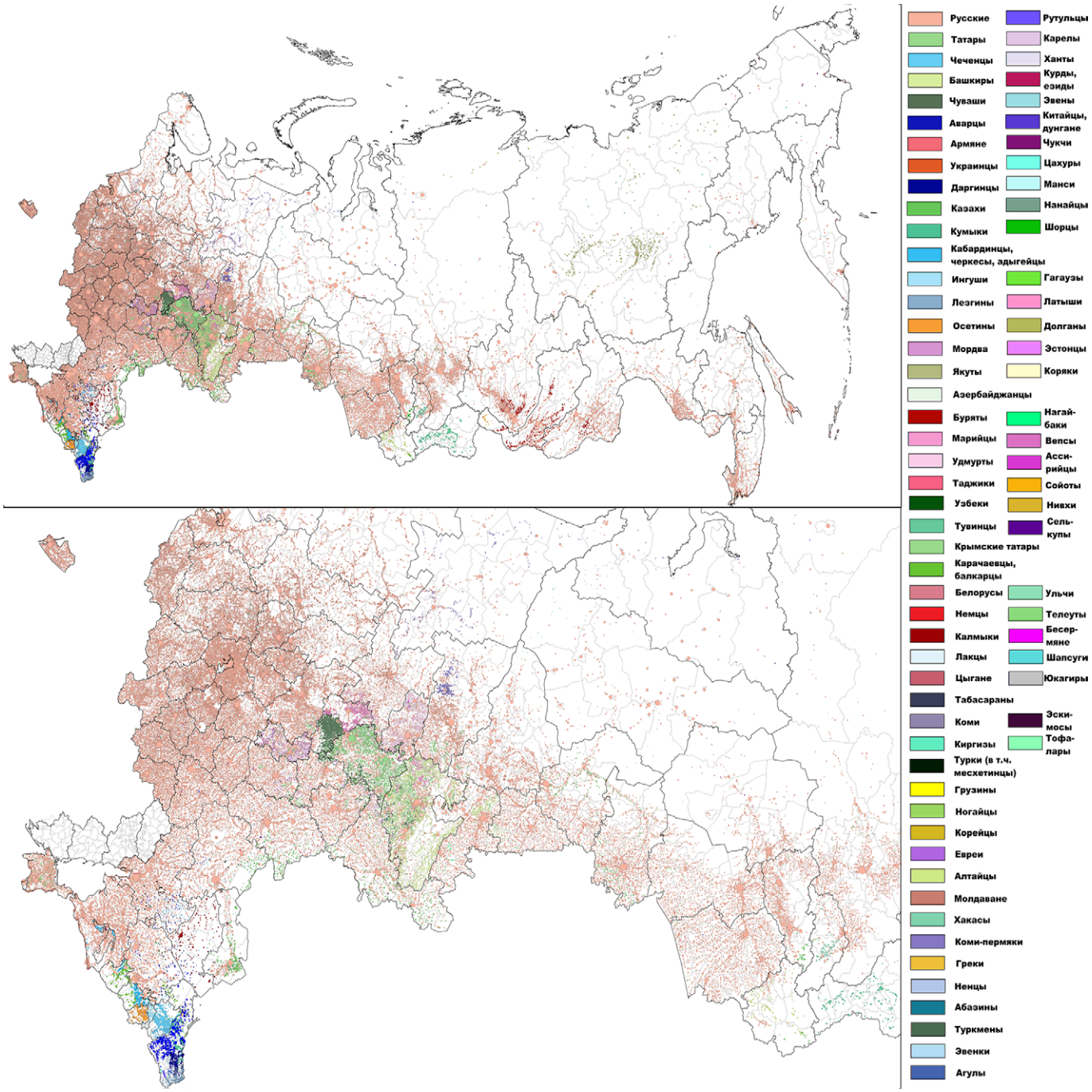
Сохранение великорусского массива

Карта наглядно демонстрирует существование непрерывного и компактного массива русского преобладания, охватывающего всю Европейскую Россию севернее Кавказа и западнее Татарстана/Башкортостана, а также основную полосу Сибири и Дальнего Востока. По карте видно: ядро не разрушено, а сохраняет свою территориальную целостность.

Особенно плотно «терракотовое» (русское) поле выглядит в Центральном федеральном округе, на Северо-Западе, в Поволжье вне национальных республик, на юге Сибири. Это территориальный каркас этнической общности государствообразующего народа, и его очертания принципиально не изменились по сравнению с переписями советского периода.

Рисунок 9

Крупнейшая национальность в населённом пункте России по данным ВПН-2020. Верхняя панель – пуансоны пропорциональны численности представителей крупнейшей национальности; нижняя – пропорциональны общему населению пункта

Источник: канал @totalepc

Внутренние этнические «острова» и «архипелаги»

На фоне обширного русского поля чётко выделяются несколько крупных этнических «островов», представляющих собой исторические национальные регионы:

• **Татаро-башкирский регион Поволжья и Приуралья** – мозаика из зелёных пуансонов (татары) и более тёмно-зелёных (башкиры) в Татарстане, Башкортостане, на стыке Татарстана и Башкортостана, а также в окружающих областях. Заметна характерная «чересполосица»: даже внутри Татарстана и Башкортостана есть населённые пункты с русским преобладанием, и обратно – даже в Самарской, Оренбургской, Челябинской областях есть пуансоны татарского и башкирского цвета.

• **Чувашия и Марий Эл** – отдельные «острова» из светло-зелёных (чуваши) и розово-фиолетовых (марийцы) пуансонов, но обращает на себя внимание то, что центральные части этих республик выглядят менее интенсивно, чем татарская и башкирская зоны – это отражает большую долю русских и интенсивную ассимиляцию.

• **Удмуртия и Мордовия** – практически растворены в общем русском поле, удмурты и мордва представлены лишь точечными пуансонами в отдельных сельских районах. Это визуальное подтверждение тезиса о том, что финно-угры Волги наиболее ассимилированы.

• **Кавказский «синий пояс»** – массивный кластер синих пуансонов разных оттенков в Чечне, Ингушетии, Дагестане (с дробной структурой: аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ингуши, чеченцы), Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии. В Дагестане особенно заметна мозаика – десятки национальностей образуют сложный узор. Русские пуансоны на этих территориях практически отсутствуют, что подтверждает практически полную дерусификацию этих регионов.

• **Калмыкия** – компактная зона калмыцкого преобладания, окружённая русским полем.

• **Сибирские этнорегионы** – Якутия (фиолетовый цвет якутов в основной массе республики, но русские пуансоны в крупных городах – Якутск, Мирный, Нерюнгри), Тыва (отдельный тувинский кластер), Бурятия (бурятские пуансоны вкраплены в русское поле). Алтай и Хакасия выглядят преимущественно русскими с этническими вкраплениями.

• **Малые народы Севера и Дальнего Востока** – отдельные пуансоны редких национальностей: ненцы, ханты, манси, чукчи, эвенки, нанайцы, юкагиры. Эти точки разбросаны по огромной территории, что отражает крайне низкую плотность населения и одновременно сохранение этнического своеобразия в малых поселениях.

Городская vs сельская картина

Важная закономерность: чем меньше населённый пункт, тем чаще он сохраняет титульную этничность; крупные города на территории национальных республик, как правило, имеют русское или смешанное население. Это отчётливо видно в Уфе, Казани, Ижевске, Йошкар-Оле, Чебоксарах, где либо центральные пуансоны (крупные по размеру) русские, либо размер русского пуансона существенен. Сельская периферия этих республик, наоборот, преимущественно титульная.

Это означает, что урбанизация работает в пользу преобладания русских в городах за счёт миграционного притока коренных жителей республик из сёл в города (где происходит их частичная ассимиляция), но одновременно расходует титульный демографический ресурс сельской периферии, который тоже постепенно становится более ассимилированным.

Северо-Восточная Россия: разрежение пуансонов

Особо обращает на себя внимание северо-восточная часть карты – Якутия, Магаданская область, Камчатский край, Чукотка. Здесь резко падает плотность пуансонов в принципе: огромные территории не имеют значимых населённых пунктов вовсе. Те пуансоны, что есть, преимущественно русские (в районных центрах) или представляют коренные малочисленные народы (в посёлках), но их количество существенно меньше, чем на западе. Это визуальное доказательство тезиса о «сжатии» периферийной сети расселения – Россия в этом регионе фактически «отступила» к нескольким опорным точкам.

Центральная Россия: единое русское поле без вкраплений

Центральные области (Псковская, Новгородская, Тверская, Ярославская, Костромская, Тульская, Калужская, Рязанская, Орловская, Брянская, Курская, Липецкая, Тамбовская) выглядят как монохромное русское поле, без значимых иноэтничных вкраплений. Это и есть твёрдое демографическое ядро русского народа. Однако следует помнить, что данная карта показывает только КРУПНЕЙШУЮ национальность в населённом пункте; она не передаёт долю русских и не отражает наличие миграционных меньшинств (таджиков, узбеков, армян), которые в большинстве этих поселений присутствуют, но не составляют большинства.

Что карта НЕ показывает (важные оговорки)

Карта «Крупнейшая национальность» – это карта МАЖОРИТАРНОГО признака. Она не показывает:

• Долю русских в населении (даже населённый пункт с 51% русских и 49% таджиков на карте будет «русским»);

• Состав миграционных меньшинств (таджикские, узбекские, армянские диаспоры в центральной России на карте часто не видны, потому что они не составляют большинства ни в одном населённом пункте);

• Городские микрорайоны (карта работает на уровне населённого пункта в целом, не различая «таджикские районы» в Москве или «узбекские районы» в Петербурге).

Таким образом, карта даёт стабильную базовую картину «этнического каркаса» России, но недостаточна для оценки динамических процессов трудовой миграции и эрозии ядра – для этого требуется параллельное использование карт с долями и динамикой.

Политические и аналитические следствия

Применительно к задачам политического и электорального анализа карта даёт следующие подтверждения и поправки.

Подтверждение существования и целостности русского ядра. Великорусский массив не разрушен. Это означает, что государствообразующая основа сохраняется.

Локализация этнических проблемных зон. Северный Кавказ, Тыва, ряд районов Дагестана – это территории, где русские пуансоны отсутствуют как класс. Здесь невозможно говорить о «русском избирателе» как факторе, политика в этих регионах должна строиться на иных основаниях.

Зоны «этнической чересполосицы». Татарстан, Башкортостан, частично Чувашия, Удмуртия, Бурятия, Якутия – здесь карта показывает мозаику. Это зоны, где этнический фактор взаимодействует с социально-экономическим и где невозможно говорить о монолитной этнической базе ни русских, ни титульных народов.

Скрытое миграционное давление в ядре. Карта не показывает таджикских и узбекских пуансонов в Центральной России (их там нет на уровне населённого пункта в целом), но это не значит, что миграции нет. Для адекватной оценки нужно дополнять эту карту картой долей и динамики – там видно, что в части Калужской, Орловской, Брянской областей началась эрозия ядра.

Визуальная стабильность ≠ демографическая устойчивость. Карта статичной фотографии по переписи 2020 года выглядит обнадеживающе, однако не передаёт ни вектора («ядро впервые за современный период начало размываться изнутри»), ни прогноза («при сохранении СКР 1,1–1,3 коренное население сократится на треть к 2075 году»). Эту карту следует читать в связке с другими визуальными материалами и количественными прогнозами.

Политико-демографические последствия поселений присутствуют, но не составляют большинства.

Эрозия исторического ядра как новый фактор. Впервые за современный период в историческом ядре русского расселения – Центральной России – фиксируется демографическое давление со стороны внешней трудовой миграции. Пока это проявляется умеренно: переход ряда районов из диапазона 90%+ в 85–89%. Однако это единственный принципиально новый структурный фактор, не существовавший в советский период. В горизонте 10–15 лет он способен стать значимым для электоральной мобилизации при повестке сохранения национальной идентичности государствообразующего народа.

Особенно вероятен такой сценарий в случае, если в Центральную Россию начнут массово приходить выходцы из Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш), – в этом случае разница культурной и физиогномической дистанции с местным населением будет настолько велика, что этнический фактор станет одним из определяющих в электоральной мотивации.

Совпадение демографического и политического ядра. Территории исторического ядра русского расселения в значительной степени совпадают с зонами устойчивой социально-патриотической, консервативной и государственнической политической ориентации. Это означает, что демографическая устойчивость государствообразующего народа имеет прямую политическую проекцию: ослабление ядра ослабляет одновременно и базу «системного» политического большинства.

Утрата русского присутствия в стратегических зонах. Почти полное исчезновение русских в ряде районов Северного Кавказа и резкое сокращение на дальневосточной и северной периферии означают уменьшение демографической опоры страны в стратегически значимых регионах – приграничных, ресурсодобывающих, имеющих важное геополитическое значение.

Рост миграционного давления в историческом центре. Новым явлением становится увеличение доли выходцев из Средней Азии и Закавказья в центральных областях России, включая территории, ранее относимые к твёрдому ядру.

Итоговые выводы

По итогам проведённого анализа сформулированы следующие основные положения, обобщающие фактический материал и аналитические заключения.

1. Численность русских в России в 1989–2025 гг. сохранилась на близко сопоставимом уровне, однако эта стабильность носит компенсаторный, а не естественно-воспроизводственный характер. Она удерживается

за счёт территориальных приобретений (Крым, Донбасс, Новороссия), ассимиляции родственных народов (украинцев, белорусов, немцев, финно-угров) и натурализации около 7 млн европейцев из СНГ. Без этих трёх процессов численность русских в РФ сократилась бы на 10–15 млн.

2. Русское население вне России сократилось с примерно 25 млн до 7,5 млн человек, вследствие чего внешний ресурс демографической подпитки практически исчерпан. Даже полный переезд всех оставшихся русских компенсирует естественную убыль лишь на 10–15 лет. Дальнейшая стратегия не может строиться на предположении о наличии значительного внешнего русского резерва.

3. Внутри России произошла глубокая перестройка нерусского сегмента населения: уменьшился удельный вес многих европейских меньшинств (белорусы, мордва, немцы, удмурты выбыли из топ-10), выросла роль кавказских и среднеазиатских групп (армяне, таджики, азербайджанцы вошли в топ-10). Это качественное изменение этнодемографической ткани страны.

4. Миграция в Россию качественно изменилась: если в 1990-е годы она носила репатриационный характер (более 80% из Прибалтики, около двух третей из Украины, Молдавии и Белоруссии – этнические русские), то в XXI веке стала преимущественно иноэтничной, особенно из Средней Азии и Закавказья. Безвизовый режим с этими странами выглядит всё более сомнительным.

5. Историческое ядро русского расселения (доля русских 90%+) в целом сохранилось, а в ряде бывших зон смешения даже расширилось за счёт ассимиляции – советский «плавильный котёл» сработал с опозданием, в постсоветский период. Однако впервые зафиксировано размывание части исторического ядра изнутри за счёт концентрации внешней трудовой миграции в центральных областях (Калужская, Орловская, Московская).

6. Одновременно произошло резкое сжатие периферийного русского пространства: особенно на Северном Кавказе (Чечня, Ингушетия – практически полное исчезновение), в Тыве, на Севере и в ряде районов Дальнего Востока (отток 70–90% славянского населения). Восстановление прежней демографической плотности там маловероятно.

7. Сочетание трёх разнонаправленных процессов – ассимиляционного укрепления в старых зонах смешения, депопуляционного сжатия на окраинах и миграционного размывания в центральном ядре – является главной характеристикой постсоветской этнодемографической трансформации России. География демографического ядра совпадает с базой патриотического голосования, что неизбежно приведёт к росту запроса на жёсткую протекционистскую этнокультурную и миграционную политику.

8. Долгосрочный демографический фон: даже без учёта миграции при сохранении текущей рождаемости (СКР 1,1–1,35) Россия потеряет 46,6 млн коренных жителей до 70 лет к 2075 году (–32%). Вместе с Украиной и Беларусью три восточно-славянские страны могут потерять 68,3 млн человек. *В этих условиях внутренние миграционные и ассимиляционные ресурсы являются критическими, но не бесконечными.*

Заключение

Проведённая интеграция материалов показывает, что в 1989–2025 гг. русский народ сохранил доминирующее положение в демографической структуре России, однако это сохранение произошло в условиях значительного внешнего сжатия, внутренней структурной перестройки и пространственной деформации.

Главной особенностью периода стало сочетание трёх процессов: ассимиляционного укрепления ряда русских зон (Восточная Слобожанщина, Сибирь, финно-угорские районы), утраты части периферийного пространства расселения (Кавказ, Тыва, Северо-Восток), появления признаков миграционного размывания отдельных участков исторического ядра (Калужская, Орловская, Московская области).

В этих условиях вопросы демографической политики, миграционного регулирования, пространственного развития и культурной интеграции должны рассматриваться как единый комплекс задач, непосредственно связанных с долгосрочной устойчивостью российского государства. Стабильность общероссийского показателя численности русских (около 119 млн, около 81% населения) не должна вводить в заблуждение: за этой видимой стабильностью идёт глубинная перестройка этнодемографического и пространственного баланса, последствия которой будут определять характер политических, социальных и культурных процессов в стране на ближайшие десятилетия.

2.5 Демографическая эрозия ядра русского народа и угроза миграционного народозамещения: проблемы государственной устойчивости, экономическое измерение, институциональные риски и законодательная повестка КПРФ

(По материалам круглого стола в Государственной Думе «Законодательное регулирование проблемных вопросов миграции»; 23 апреля 2026 года)

Проблематика социально-экономического положения государствообразующего русского народа не может быть рассмотрена вне контекста такой острой социально-политической проблемы, как незаконная, а также законная, всё более становящаяся народозамещающей миграция.

Прежде чем обсуждать важнейшие проблемы экономического развития как России в целом, так и русского ядра в европейской части, Сибири и на Дальнем Востоке, авторы доклада вынуждены констатировать честный факт: *любые инвестиции, инфраструктурные проекты и планы развития теряют смысл, если на этой земле некому будет жить.* Главный ресурс государства – люди. Алармистский настрой целого ряда политических сил, общественных деятелей и учёных вполне обоснован. Миграция как народозамещение находится в числе рисков современной российской государственности.

Эксперты Центра изучения политической культуры России (ЦИПКР), проанализировав широкий пласт данных, солидарны с лидером КПРФ Г.А. Зюгановым и выделяют следующие пять критических вызовов (системных угроз), стоящих перед Россией:

1. Вымирание русского государствообразующего народа и других коренных народов.

2. Небывалый социальный раскол в обществе – жирующая финансовая олигархия и трудящееся большинство.

3. Неконтролируемая миграция, перешедшая в процесс народозамещения коренных народов.

4. Искусственный интеллект и цифровизация на службе олигархии.

5. Деградация системы образования и здравоохранения, кадрового потенциала во всех отраслях и госуправлении.

Все ключевые проблемы имеют «человеческое измерение». Экспертное сообщество выделяет следующие факторы риска для сохранения государственной стабильности: технологический тупик на фронте, деградация элит и институциональное воровство *(достаточно вспомнить конфискацию миллиардов у средней руки региональных чиновников, когда громкие посадки ничего не меняют)*, утрата властью главного источника легитимности из-за демонстративной бесхребетности в ответах на внешние угрозы.

Отдельный «чёрный лебедь» – неэффективная миграционная политика, которая уже спровоцировала трагедию в «Крокус Сити» и, как показывает анализ ЦИПКР, является фактором риска обрушения государственности по типу февраля 1917 или декабря 1991 года.

Специалисты выделяют дополнительные факторы: на фронте – невозможность стратегических прорывов, масштабирование конфликта Западом и отсутствие внятного ответа на это масштабирование; внутри страны – завинчивание гаек вместо адаптации, а также конфронтация с обществом; в восприятии власти – утрата главного источника легитимности (образ «мочить в сортире»). **Итог – цугцванг: система не показывает, что способна либо на жёсткую эскалацию (страх перед глобальным конфликтом и расколом элит), либо на эффективную адаптацию (идеологическая и управленческая фригидность).**

Одна из версий ограничений интернета – использование мессенджеров нелегальными мигрантскими структурами для дестабилизации ситуации. Опыт трагедии в «Крокусе» у всех на виду. Но при этом очевидные необходимые меры спецслужб по обеспечению безопасности явно используются корпорациями для решения своих шкурных коммерческих интересов.

Мы полагаем, что неэффективная миграционная политика может спровоцировать пресловутого «чёрного лебедя». Именно здесь кроется один из факторов риска обрушения современной государственности.

В данном подразделе подробно на основании материалов круглого стола в Госдуме по проблемам миграционной политики, который провела фракция КПРФ, обосновывается, почему кардинальное изменение миграционной и демографической политики жизненно важно для выживания России.

I. Честный диагноз: истончение русского ядра и обезлюдение

Чтобы лечить болезнь, необходимо поставить честный диагноз. В предыдущем разделе он поставлен. *Вывод серьёзный: происходит прогрессирующее истончение и сжатие исторического ядра русского народа*.

Это не просто статистика – это исчезновение целых сёл, малых городов, обезлюдение коренных территорий.

Анализ карт расселения, как уже отмечалось, показывает: в европейской части России историческое ядро – Тверская, Ивановская, Смоленская, Костромская, Брянская области – сохраняет этническую однородность, но стремительно теряет людскую массу. Эта однородность – полая. Дерев-

ни пустеют, малые города вымирают. Население перетекает в мегаполисы – Москву, Петербург и на юг. Происходит колоссальное обезлюдение наших коренных территорий, и одновременно идёт закачка сюда молодой мигрантской рабочей силы.

Аналогичные процессы происходят в Сибири. Сибирский федеральный округ с 1991 года потерял более 2,2 миллиона человек (с 18,7 до 16,5 млн). Русское ядро Сибири, которое веками было становым хребтом государства на Востоке, сегодня сжимается, концентрируясь лишь в южной полосе и крупных городах. Северные и восточные территории пустеют.

Показателен пример Иркутской области. За годы так называемых реформ область потеряла почти 17% населения – минус 466 тысяч человек! Главный удар пришёлся на городское, индустриальное население – тех самых тружеников, которые создавали мощь Приангарья. В 2024 году Иркутская область стала лидером во всём Сибирском федеральном округе по оттоку коренного населения – люди бегут оттуда.

В итоге мы наблюдаем два противоречивых демографических процесса. С одной стороны, уплотнение русского присутствия в ряде зон смешения советской эпохи. Советский «плавильный котел» сработал, хоть и с запозданием. Ассимиляционные процессы, заложенные советской национальной политикой в зоне Центральной России, в значительной мере реализовались именно в постсоветский период. Это парадоксальный результат: советская национальная политика де-факто победила не при советской власти, а после её окончания.

С другой стороны, одновременно, из-за депрессивности развития, идёт «разряжение», диффузия этого русского монолита и инкорпорация в него через миграционную политику инокультурной компоненты. По сути, идёт тревожный процесс фрагментации или коллапса русского расселения на дальней периферии (в СФО и ДФО).

II. Миграционный «замес»: кем заполняется вакуум?

Чем заполняется этот демографический вакуум? Прогрессирующим процессом замещения естественной убыли коренного населения иностранными гражданами.

Согласно докладу, представленному на круглом столе фракции КПРФ от общественной организации «Русская Община» и официальной статистике МВД РФ, **ежегодно в России находится до 10–14 миллионов мигрантов. Одномоментно – до 7 миллионов.** Авторы доклада полностью разделяют выводы профессора Михаила Бурды (РАНХиГС), который приводит статистику за 2025 год: зафиксировано 14 миллионов миграционных въездов, выдано 2 миллиона 272 тысячи патентов (на 9% больше, чем в предыдущем году). Показательно, что 97% патентов выдано гражданам всего двух государств – Узбекистана (рост на 9,5%) и Таджикистана (рост на 6%). Визовых мигрантов при этом – лишь 240 тысяч.

Эта статистика разбивает миф о том, что наведение порядка заставит мигрантов уйти в другие страны. Как отмечает М. Бурда, «никуда они не поедут – нигде в таких объёмах эта рабочая сила не нужна. Россия продолжает оставаться наиболее популярным центром миграционного притяжения».

Возвращаясь к Иркутской области: регион – лидер по оттоку своих граждан, но занимает второе место в Сибири по числу прибывающих иностранцев! В 2025 году на учёт здесь встали 149 тысяч иностранцев (около 6% населения области). В Бодайбинском районе при постоянном населении 12,7 тысяч человек на миграционный учёт за год поставлено более 15 тысяч мигрантов. Иностранцев стало больше, чем местных жителей. Это уже ***классическое локальное народозамещение***. Неудивительно, что руководитель СУ СКР по Иркутской области прямо назвал нерегулируемую миграцию «национальной угрозой».

Преступность: парадокс снижения общей и взрыва «мигрантской»

Общая преступность в стране снижается, но доля преступлений, совершённых мигрантами, стремительно растёт:

- В 2025 году (первый квартал) количество террористических преступлений среди мигрантов выросло в 2,7 раза.
- Особо тяжкие преступления – рост на 57–65% (по данным СК РФ).
- Каждое второе преступление остаётся нераскрытым.

В 2024 году число преступлений, совершённых нелегалами, выросло в три раза.

Реальное число преступлений, совершённых мигрантами в 2025 году, эксперты оценивают почти в 90 тысяч (официально зарегистрировано лишь около 41 тысячи). Если исходить из того, что каждое второе преступление остаётся нераскрытым, количество мигрантов, причастных к их совершению, колоссально. И если каждое четвёртое преступление в России совершается в состоянии алкогольного опьянения, то среди мигрантов этот показатель может быть ещё выше из-за их социальной изоляции.

По расчётам экспертов «Русской Общины», если власти планируют привлечь до 2030 года ещё 11 миллионов мигрантов, то при сохранении текущей криминальной активности это принесёт стране около 660 тысяч дополни-

тельных преступлений. Это критическая угроза безопасности граждан и непомерная нагрузка на правоохранительную систему.

«Криминальные джамааты» в школах: подростковая преступность мигрантов взлетела на 82%

Как вынуждены констатировать авторы, самое страшное кроется даже не в сухих цифрах статистики, а в том, что происходит на наших глазах в школах и дворах. В ряде школ сформировались полноценные криминальные джамааты из детей мигрантов, занимающиеся буллингом и вымогательством.

Число особо тяжких преступлений среди подростков-мигрантов в 2024 году выросло на 82%. Тревожная динамика усилилась в 2025 году: преступная активность среди несовершеннолетних мигрантов выросла еще на 13% за январь – апрель. За этими цифрами – сбивающиеся в мини-ОПГ дети, которые через несколько лет станут главной проблемой уличной безопасности. Характерный пример: только после вмешательства депутатов фракции КПРФ из Калужской области были депортированы малолетние преступники, изнасиловавшие девятилетнюю девочку. Без давления парламентариев рядовой гражданин часто не может добиться даже проверки.

Правоохранительная система на износе

Критическое состояние полиции: некомплект МВД – 212 тысяч человек; участковых не хватает на 25%; ППС – на 40%; уголовного розыска – на 30%. В 2025 году число уволившихся из МВД выросло на 7% (80 тысяч человек – на 40% больше числа принятых). Люди уходят из-за низких зарплат, огромной нагрузки и палочной системы.

На этом фоне реальным подспорьем остаются добровольные народные дружины (ДНД), в которых участвуют около 360 тысяч граждан (включая дружины «Русской Общины»). С их помощью ежегодно раскрывается более 40 тысяч преступлений. Однако для сравнения: в 1980-х годах в ДНД состояло 12,5 млн человек. Авторы доклада предлагают срочно принять закон, расширяющий права дружинников (вплоть до задержания) и вводящий для них льготы.

III. Экономический диагноз: миграция как инструмент сдерживания оплаты труда и деградации производительности

У проблемы есть жёсткое экономическое измерение. Эксперты ЦИПКР полностью солидарны с анализом доктора экономических наук, профессора В.Ю. Катасонова.

Министр экономического развития М. Решетников заявляет, что все резервы российской экономики исчерпаны, предлагая внедрять ИИ. По оценке авторов доклада, это ложь. Природные ресурсы прирастают. Финансовые ресурсы (по данным ЦБ) утекают за границу – за 4 года отток составил примерно полтора годовых бюджета. Производственные мощности загружены лишь на 80% (а по некоторым данным недогруз достигает 40%).

Но главный миф – нехватка рабочей силы. Официальная безработица в 2,1% – это лишь зарегистрированные случаи. Реальная скрытая безработица огромна:

- 15 миллионов самозанятых (средняя загрузка которых 50%, что даёт до 7,5 млн скрытых безработных).
- Миллионы «рантье», живущих на ренту.
- Скрытая безработица на предприятиях (неполный день, неоплачиваемые отпуска, «мёртвые души»).

Коэффициент использования трудовых ресурсов в РФ составляет лишь около 62% (в лучших странах – до 80%). При такой гигантской скрытой безработице закачка рабочей силы из Средней Азии наносит двойной удар по экономике.

Удар первый – демпинг заработной платы. Доля оплаты труда наёмных работников в РФ составляет лишь 40–45% ВВП (в США и Европе – 55–65%, в Китае – 58%). Зарплаты мигрантов в строительстве на 30–40% ниже, чем у местных. По опросам ВЦИОМ, 71% россиян подтверждают, что мигранты сдерживают рост зарплат. В секторах такси, доставки и строительства сложилась «миграционная зависимость».

Удар второй – деградация производительности труда. Дешёвый труд мигрантов консервирует технологическую отсталость. Для бизнеса исчезают стимулы вкладывать средства в автоматизацию и роботизацию. Чем искусственный интеллект поможет экономике, если миллионы людей работают ломом и лопатой?

Авторы разделяют логику общественного деятеля Р. Юнемана: стратегическая цель государства – исключить зависимость от дешёвого неквалифицированного труда. Исторический опыт показывает: регионы Швеции и Италии, откуда в XIX веке шла массовая эмиграция, впоследствии стали самыми промышленно развитыми. Пока олигархат имеет доступ к дармовой рабочей силе, роботизация не начнется.

Мы требуем заставить бизнес платить достойную зарплату, загрузить простаивающие мощности и вовлечь в занятость скрытых безработных. Авторы всецело поддерживают принцип, зафиксированный в резолюции круглого стола Госдумы: приоритет всегда должен оставаться за гражданами РФ. Работодатель может нанять мигранта только если вакансия была открыта для россиян и белорусов через центры занятости в течение 3 месяцев, и на неё никто не откликнулся.

IV. Идеологическое измерение миграционного кризиса: классовый анализ

Экономические факты обретают глубину в идеологическом контексте. Авторы согласны с позицией депутата Д.А. Парфёнова: миграция в её нынешнем виде – порождение капиталистической системы. Кому она выгодна? Капиталистам, чиновникам, криминалу и коррумпированным правоохранителям.

Ещё Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» констатировал деградирующее влияние неквалифицированных мигрантов (ирландцев) на рынок труда и культурное состояние английских рабочих. Энгельс писал о крайней культурной отсталости масс на периферии капитализма, нечистоплотности и нищете. Сегодня рабочие также вынуждены вступать в конкуренцию с мигрантами, отделёнными от коренного населения культурными и языковыми барьерами и не готовыми к классовой борьбе.

В.И. Ленин отмечал, что передовой капитализм насильно втягивает рабочих из отсталых стран в свой круговорот. Но Ленин видел в этом и возможность для подтягивания отсталых масс. Во время Первой мировой войны укрепление интернациональных связей показало огромную эффективность и позволило предвидеть революцию в Германии, которая помогла вернуть территории, отторгнутые по Брестскому миру.

Лидер КПРФ Г.А. Зюганов призывает коммунистов вести работу среди трудящихся мигрантов: *«Их нельзя оставить без нашего влияния. В противном случае они будут отданы на откуп буржуазной власти, криминалу и религиозным фанатикам… нужно защищать их права, распространять нашу литературу, помогать пробуждению их классового сознания».*

Одновременно необходимо пресекать смещение этнического баланса. Мировая финансовая олигархия стремится перемолоть народы в «плавильном котле» для получения безликой массы потребителей. Это ведёт к подрыву государствообразующего ядра – русского народа. *(Напомним, в 2020 году депутат Парфёнов внес поправку в Конституцию о государствообразующей роли русского народа, которая частично учтена).*

Перед КПРФ стоит двойная задача: вести классовую работу среди всех трудящихся для борьбы за социализм и жёстко пресекать попытки замещения коренных народов. Без защиты национального дома социалистическая перспектива не состоится.

V. Социальное и финансовое бремя миграции

Авторы согласны с депутатом Госдумы М.Н. Матвеевым: выделение колоссальных средств на иностранных студентов является дискриминацией собственных граждан. По данным «Русской Общины», за 2026–2028 годы на обучение иностранцев из федерального бюджета выделят 92 млрд рублей (10,6 млрд в 2026; 27,2 млрд в 2027; 54,3 млрд в 2028). Плюс 100 млн ежегодно на «продвижение русского языка» и огромные средства (1 млрд в 2027 и 5 млрд в 2028 году) на кампус Кыргызско-российского славянского университета. Это инвестиции в чужие кадры, пока российские дети из глубинки не могут поступить из-за нехватки бюджетных мест.

К 2030 году в вузах РФ будет более 500 тысяч иностранных студентов (70-75% – из Средней Азии и Закавказья). При этом уровень образования самих трудовых мигрантов катастрофически низок: высшее образование имеют лишь 6%, среднее – 42%, незаконченное среднее – 25% (среди россиян высшее имеют 32,2%). Россия завозит малограмотную рабочую силу. В ряде городов школьные классы наполовину состоят из детей мигрантов, что обрушивает качество обучения.

Алкоголизм, болезни и 66 миллиардов на бесплатное лечение

Пьянство среди мигрантов приобретает масштабы эпидемии. За 1 квартал 2024 года 84 тысячи иностранцев привлечены за распитие в общественных местах, 43 тысячи – за появление в нетрезвом виде. Реальные цифры за год – многие сотни тысяч. Авторы поддерживают внедрение опыта Вологодской области (где жёсткие ограничения на продажу алкоголя снизили смертность на 29–50%) на всю страну: разрешать торговлю спиртным только в магазинах более 300 кв. м., вдали от соцобъектов.

Медицинская угроза: доля ВИЧ-инфицированных среди мигрантов из Средней Азии в 2-3 раза выше, чем у коренного населения. С 2018 по 2024 годы регионы потратили на лечение незастрахованных мигрантов более 66 млрд рублей. Мы настаиваем: все мигранты должны проходить медосвидетельствование (на ВИЧ, туберкулез, сифилис) за свой счёт. Бесплатная медицина – только для граждан РФ.

В теневой экономике задействованы сотни тысяч мигрантов-дропов с оборотом более 500 млрд рублей в месяц.

Этнические «анклавы»: территории, где не действуют законы

Замсекретаря Совбеза РФ А. Гребёнкин признает: в анклавах «фактически не действуют российские законы, пропагандируются радикальные течения». Депутат М. Делягин приводит слова мигрантов: «Мы едем сюда жить не с вами, а вместо вас».

Исследование РАНХиГС (А. Орлова, Е. Варшавер, Н. Иванова, журнал «Мир России», №2, 2026) выявило 37 сложившихся гетто по строгим критериям (более 20% мигрантов, наличие рынка, дешёвое жилье, изоляция). Характерный пример – район Темерник в Ростове-на-Дону, где в домах

у рынка доля мигрантов достигает 40%. Социальный портрет обитателей гетто: 66% мужчин, 48% до приезда жили в кишлаках. У 64% круг общения замкнут на своих, 57% хотят остаться навсегда, а 37% уже имеют паспорт РФ (результат массовой раздачи гражданства). Это формирующаяся замкнутая этническая реальность.

Правовой тупик и «глобалистская ловушка»

Президент поручил бороться с анклавами, но Конституция запрещает дискриминацию по национальному признаку. Правительство боится слова «русский» и термина «коренной народ». Без честного определения этого статуса порядок не навести. Как отметил М. Матвеев, Россия ратифицировала Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, уравнивающий права мигрантов с коренными жителями. Эта глобалистская ловушка связывает нам руки.

Социология показывает: более 76% россиян считают мигрантов угрозой. Профессор М. Бурда отмечает, что трагическим рубиконом стал теракт в «Крокус Сити Холле». Люди выделяют риски нагрузки на соцсферу, изменения этнокультурного состава, экстремизма и роста преступности.

VI. Что сделала КПРФ: упорство, давшее результаты

Ещё в 2000–2010-е годы КПРФ вносила законопроекты о трудовых визах (собрано более 100 тыс. подписей) и запрете въезда нарушителям, но они блокировались партией большинства. Сегодня тема стала мейнстримом. Фракция КПРФ может отчитаться о новых инициативах:

1. Законопроект об ОМС (№ 1177969-8): медстраховка как обязательное условие пребывания.

2. Законопроект против этнических анклавов (№ 1161490-8): право губернаторов вводить разрешительный порядок регистрации, право муниципалитетов блокировать предоставление жилья.

3. Ужесточение УК РФ (№ 729111-8 и 729112-8): преступление нелегала – отягчающее обстоятельство; до 15 лет за организацию незаконной миграции.

4. Запрет въезда за тяжкие преступления (№ 1086365-6) пожизненно.

5. Ответственность за нарушение присяги (инициатива М. Матвеева): аннулирование гражданства за нарушение законов РФ.

Под давлением КПРФ и общества Госдума приняла 22 федеральных закона. По данным Совбеза РФ (апрель 2026), общее число иностранцев в РФ сократилось за год на 700 тысяч (с 6,8 до 6,1 млн). В первом квартале 2026 въехало 2,5 млн иностранцев (на 15% меньше). В 2025 году выдворено 72 тысячи нарушителей.

Начался сбор биометрии: собраны данные у 10,5 млн въезжающих (выявлено 56 тыс. нарушителей), собраны геномы 2,2 млн иностранцев, 136 тысяч пользуются мобильным приложением. Однако мигранты массово уходят на автомобильные пункты пропуска.

Важно, что итоговая резолюция круглого стола Госдумы (23 апреля 2026 года) фактически повторяет ключевые законопроекты фракции КПРФ: создание реестра коренных народов, ценз оседлости, отказ от патентов в пользу оргнабора, депортация семьи за преступление, геномная регистрация.

Профессор М. Бурда указывает на лакуны: не принят закон о «резиновых квартирах», нет норматива минимальной площади (предлагается 6 кв. м. на человека). Пример: в Калужской области женщина зарегистрировала 12 тысяч человек и отделалась штрафом. Без уголовной ответственности за фиктивный учёт порядок не навести. При этом мигрантов по оргнабору нужно ставить на учёт прямо на территории предприятия.

VII. РАН признала: власть делает заплатки на дырявом мешке

Эксперты Института Китая и современной Азии РАН признали: текущая политика противоречива, власть лавирует между либерализацией и ужесточением, порождая правовую неопределенность.

Академическое сообщество констатировало, что без системной интеграционной работы культурная несовместимость становится реальностью.

КПРФ считает академический призыв к сочетанию контроля и поддержки половинчатым. Наша позиция: сначала защита собственного народа, и только потом – дозированный наём.

VIII. Чего катастрофически не хватает: критика половинчатых мер

Сокращение числа мигрантов на 700 тысяч произошло за счёт разовых административных и технических мер. Как только они перестанут давать быстрый эффект – приток восстановится. Правительство запаздывает:

- Не внедрён белорусский опыт целевого оргнабора и квотная система.
- Нет контрактной системы.
- Понятие «соотечественник» не уточнено (законопроект КПРФ лежит с 2023 года).
- Не решена проблема анклавов.

IX. Корень проблемы: почему буксует закон об оргнаборе?

Авторы солидарны с председателем Комитета по делам СНГ Л.И. Калашниковым: ключ к порядку – закон об оргнаборе, но его принятие цинично блокируется. В сфере миграции развелось непомерное количество начальников: комиссия Совбеза (Д.А. Медведев), комиссия Правительства (Т.А. Голикова), министр В.А. Колокольцев, спецпредставитель К.Ф. Затулин, министр С.В. Лавров. Итог – *«у семи нянек дитя без глазу»*.

Основной законопроект о труде Минтруд передал в МВД. Назначенный новый первый замминистра внутренних дел будет вникать в ситуацию года два, а время уходит. Хотя профессор М. Бурда считает возврат миграции в МВД логичным (как элемента нацбезопасности), без закона об оргнаборе система не заработает.

Патентная система показала свои минусы. Пример «АвтоВАЗа»: завод завёз из Узбекистана 1000 человек по условному оргнабору (оплатив все расходы), а через месяц 300 человек сбежали, купив новый патент. Пока нет закона, совместить оргнабор с патентами невозможно.

Ратифицированные соглашения с Узбекистаном и Таджикистаном не работают. Депутат фракции КПРФ Л.И. Калашников лично беседовал с президентом Узбекистана, который признал: по соглашению въехало всего 140 человек! Причина – жадность наших работодателей, которым дешевле взять мигранта с улицы.

Олигархическому бизнесу не нужна прозрачная система, ему нужен бесправный гастарбайтер.

Программа-минимум (с учётом предложений на круглом столе в Госдуме депутатов КПРФ и профессора М. Бурды):

1. Целевой оргнабор – единственный механизм («приехал – отработал – уехал»).

2. Патенты – только для работы у физлиц на год без продления.

3. Никаких членов семей трудовых мигрантов.

4. Пересмотр программы соотечественников (создание перечня коренных народов РФ на базе 99-ФЗ).

5. Ужесточение наказания за фиктивный учёт и поддельные сертификаты.

X. Требования КПРФ: принципы народосбережения

КПРФ не против иностранных трудящихся, но категорически против олигархической системы. Цель миграционной политики, по формулировке общественного деятеля Р. Юнемана, – благополучие русского и других коренных народов России. Необходимо разделить потоки: временные работники, переселенцы на ПМЖ и репатрианты.

Принципы народосбережения от фракции КПРФ:

1. **Жёсткое квотирование и целевой оргнабор.** Стратегическая цель – замещение низкоквалифицированного труда роботизацией (успешный пример даёт Якутия) и создание «виз талантов».

2. **Приоритет граждан России и ценз оседлости.** Мы поддерживаем идею М. Матвеева: 10 лет безупречного проживания для натурализованных граждан для получения права на оружие (Росгвардия должна иметь возможность проверить биографию мигранта так же досконально, как и уроженца РФ), службу в госорганах и льготы.

3. **Запрет на привоз семьи.** Мигрант приезжает один. При этом КПРФ продолжит классовую работу среди мигрантов-тружеников.

4. **Борьба с анклавами и коллективная ответственность**. Право властей запрещать продажу недвижимости иностранцам в местах формирования гетто. За тяжкое преступление мигранта – депортация всей его семьи (включая аннулирование приобретенного гражданства).

5. **Программы переселения – только для реальных соотечественников**. Возврат к списку коренных народов. За рубежом от 6 до 8 млн русских готовы вернуться, но боятся стать чужими. Нужно отдельное агентство по репатриации.

6. **Трудовой визовый режим и цифровой контроль**. Повсеместная биометрия. Также поддерживаем: выход из МОМ и Глобального договора, создание фонда развития автоматизации (за счёт взносов за мигрантов), синхронизацию гражданства с воинским учётом, публикацию открытой статистики преступности по странам происхождения.

XI. Глобальный выбор и необходимость решимости

С точки зрения глобальных процессов происходящее – борьба глобализма и антиглобализма *(что подчёркивают депутаты фракции КПРФ М.Н. Матвеев, Д.А. Парфёнов, С.П. Обухов, а также общественный деятель Р. Юнеман).* Глобалистские структуры (USAID, МОМ) навязывали РФ нарративы мультикультурности в интересах транснационального капитала.

Точка невозврата ещё не пройдена. Мы в силах обратить этническое замещение вспять через пересмотр ранее выданных гражданств и квотирование проживания в сложившихся анклавах (Обнинск, Орловская область, Москва, Ленинградская область). Пора переходить к проактивному управлению миграцией, опираясь на правовую беспощадность и цифровизацию.

Окончательное решение невозможно без перехода к социалистическому укладу, но остановить замещение коренных народов мы обязаны уже сегодня. Россия должна немедленно выйти из Международной организации по миграции и денонсировать Глобальный договор.

Как сказал Г.А. Зюганов, *«демографический кризис нельзя решить завозом чужеродного населения… Экономический рост на дешёвом бесправном труде мигрантов ведёт к социальному взрыву и потере суверенитета».*

У КПРФ есть законопроекты и поддержка большинства граждан в вопросах народосбережения и миграции.

Россия – это дом русского и других коренных народов. И хозяевами в нём должны оставаться её коренные народы, прежде всего – русский народ, вынесший на своих плечах тяжесть борьбы за существование державы в её тысячелетней истории.

Итоговые выводы по разделу

Проведённый экспертами анализ выявляет базовый демографический парадокс: **статистическая стабильность скрывает глубокую этнокультурную трансформацию**. Сохранение численности русских в РФ на уровне 119 млн человек (около 81% населения) носит исключительно компенсаторный характер. Этот показатель удержан не за счёт естественного воспроизводства, а благодаря территориальным приобретениям (Крым, Донбасс, Новороссия), ассимиляции этнических меньшинств и волне репатриации 1990-х годов. Без этих факторов Россия уже потеряла бы 10–15 млн русских.

Опираясь на массив данных, авторы выделяют четыре фундаментальных сдвига, угрожающих государственной устойчивости:

1. **Исчерпание внешнего демографического резерва**. Русская диаспора в ближнем зарубежье сократилась с 25 млн до 7,5 млн человек. Эпоха репатриации завершена. Даже гипотетическое возвращение всех оставшихся за рубежом русских сможет перекрыть естественную убыль страны лишь на 10–15 лет. Строить долгосрочную стратегию на внешнем «русском ресурсе» больше невозможно.

2. **Фундаментальный сдвиг внутри нерусского населения**. Произошла качественная подмена: из топ-10 крупнейших народов России выбыли исторически и культурно близкие этносы (белорусы, немцы, мордва, удмурты). Их место стремительно заняли выходцы из Средней Азии и Закавказья (таджики, армяне, азербайджанцы). Миграция окончательно утратила функцию возвращения соотечественников и приобрела характер иноэтничного замещения.

3. **Утрата стратегической периферии**. Произошло резкое сжатие русского пространства на дальних рубежах. Зафиксировано почти полное исчезновение русского населения в ряде республик Северного Кавказа и в Тыве, а также катастрофический отток государствообразующего населения с территорий Севера и Дальнего Востока.

4. **Эрозия исторического ядра**. Впервые в современной истории зафиксировано миграционное размывание монолитного русского пространства изнутри. В центральных областях исторического ядра (Калужская, Орловская, Московская и др.) началось формирование инокультурных анклавов, размывающих этнодемографический каркас страны.

Общий итог: за фасадом видимого статистического благополучия идёт ускоренное замещение коренных европейских этносов мигрантами из Азии на фоне сжатия границ русского присутствия. В условиях прогнозируемого сокращения коренного населения на треть к 2075 году (по сценарию ООН) продолжение текущей миграционной политики неизбежно приведёт к разрушению государствообразующего ядра. Сохранение страны требует немедленного перехода к жёсткому демографическому и миграционному протекционизму.

Основные использованные источники

- Перепись населения СССР 1989 года.
- Всероссийская перепись населения 2020 года (с коррекцией на 19 млн не указавших национальность и 5 млн «бумажных душ»).
- Сущий С.Я. Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. – URL: ssc-ras.ru/monographs/sushii_s.ja._russkie_blizhnego_zarubezhja_istorija_sovremennost-
- Оценочные реконструкции этнического состава населения России на 2025 год: коллектив «Пересмешник Пальмиры» (t.me/mockingbird_of_Palmira/315) и Сева Баширов (sevabashirov.livejournal.com).
- Материалы по численности русских на постсоветском пространстве: t.me/mockingbird_of_Palmira/313.
- Материалы по этническому составу России 1989 vs 2025: t.me/mockingbird_of_Palmira/317.
- Материалы по этнорасовому составу лиц, принятых в гражданство РФ, 1992–2002 и 2003–2024: t.me/mockingbird_of_Palmira/308.
- Анализ национального состава Совета Федерации: t.me/mockingbird_of_Palmira/351.
- Картографические материалы по динамике расселения русского народа 1989–2020 гг. (карты Полотечега и Пересмешника).
- Карта «Крупнейшая национальность в населённом пункте» (2020): канал @totalepc; высокое разрешение – yadi.sk/d/D4qjoHvwEqSkTg
- World Population Prospects 2024 (ООН). Публикация о прогнозе для Европы: t.me/sterngang/1663.
- Заметка о возможной волне миграции из Южной Азии: t.me/bankrollo/52443.
- Анализ «этнических качелей»: t.me/acer120_lj/1399.
- Заметка о «бумажных душах» в переписи 2020: mockingbird19.livejournal.com/12617.html.
- Стенограмма круглого стола в Государственной Думе Федерального собрания «Законодательное регулирование проблемных вопросов миграции». Дом союзов. 23 апреля 2026 г.

РАЗДЕЛ III
ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО НАРОДА К РЫЧАГАМ РЕАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ КРУПНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Фракция КПРФ в Государственной Думе, лидер партии Г.А. Зюганов постоянно акцентируют общественное внимание на том, что в постсоветской России русский народ был искусственно отстранён от ключевых позиций в управлении, экономике (собственности), финансах и средствах массовой информации.

Эти позиции – стержневая тема как в партийных документах, так и в выступлениях и публикациях руководителя фракции КПРФ Г.А. Зюганова.

1. КПРФ о системном отстранении государствообразующего народа от власти и собственности

Лидер Коммунистической партии Российской Федерации Геннадий Зюганов на протяжении двух десятилетий последовательно развивает концепцию системного кризиса в России, центральным элементом которой является тезис о целенаправленном вытеснении русского народа из ключевых сфер жизни страны.

В программной статье «Русский стержень Державы» (2020), в более ранних работах и в позднейших многочисленных публичных выступлениях политик формулирует базовое утверждение: ***«Представительство русских в ключевых сферах – в управлении, экономике, культуре, средствах массовой информации – категорически не соответствует их преобладающей доле в общем национальном составе государства».***

Диагноз КПРФ: от колонизации экономики до духовного геноцида

Позиция партии строится на утверждении, что неолиберальная политика 1990-х годов привела к масштабной трансформации общественного устройства, в результате которой государствообразующий народ оказался отстранён от управления созданным им национальным богатством. По формулировке Зюганова, *«развитие ситуации в мире и внутри нашей страны доказывает: проводимая у нас неолиберальная политика, изначально задуманная Западом и его наместниками как антироссийская и русофобская, полностью исчерпала себя и близка к краху».*

Экономическая экспроприация: приватизация как инструмент отстранения от собственности

Центральным элементом критики КПРФ является анализ последствий приватизации. В статье «Русский стержень Державы» Зюганов формулирует это предельно жёстко: *«Затевая приватизацию в начале 1990-х, власть полностью игнорировала интересы абсолютного большинства. Задача была принципиально иной: разворовать государственную и народную собственность, ключевая роль в создании которой принадлежит русским, и передать её в руки криминальных нуворишей... Сформировать олигархический класс новых хозяев России, где русским духом и не пахнет, а господствует лишь дух наживы».*

Результатом этого процесса, согласно позиции партии, стало беспрецедентное имущественное расслоение. «Итог бандитского процесса формирования класса новых "хозяев" России – отстранение трудового народа от собственности, созданной его усилиями», – констатирует лидер КПРФ. В своих выступлениях 2025 года он приводит конкретные цифры: *«Государственную собственность распродали в основном олигархии, а олигархия сегодня сосредоточила в своих руках*

83% национального богатства. Мы обогнали в этом отношении и американцев, и французов, и англичан».

Особую остроту этому тезису придает утверждение о нарушении принципа справедливого распределения национального дохода. *«По законам справедливости… на русский народ должна приходиться пропорциональная доля национального дохода. Так было в советские годы. Но в условиях капитализма этот принцип преступным образом перечёркнут. Народ, создавший Российское государство… превращён в самый нищий, обездоленный и обворованный»*, – говорится в манифесте 2020 года.

Финансовая колонизация: вывод капитала и иностранный контроль

Проблема собственности, по мнению КПРФ, усугубляется масштабным выводом капитала за рубеж и иностранным контролем над стратегическими отраслями. *«Российские богачи, пользуясь покровительством власти, за последние 25 лет вывели в иностранные банки и офшоры не менее триллиона долларов. По нынешнему курсу это почти четыре федеральных бюджета»*, – утверждает Зюганов в «Русском стержне Державы».

Партия квалифицирует сложившуюся ситуацию как *«самую настоящую колонизацию финансовой сферы и экономики, посаженной на сырьевую иглу и тотально зависимой от импорта»*. В подтверждение приводятся данные о степени иностранного присутствия: *«Доля иностранного капитала в российской добывающей промышленности составляет более 55%, а в обрабатывающей – около 40%. В энергетическом машиностроении она достигает 95%. В оптовой и розничной торговле – почти 90%».*

На XV съезде КПРФ было заявлено, что *«политика правящих кругов закрепляет за нашей страной статус сырьевой колонии, рынка сбыта и дешёвой рабочей силы для транснациональных корпораций»*. **В докладе на II Пленуме ЦК КПРФ в ноябре 2025 года** Зюганов развил эту мысль: *«Став периферией глобального капитализма, Россия получила все его пороки даже в более уродливых формах, чем Запад. Страну превратили в одного из лидеров по неравенству. Один процент россиян контролирует до 60% частных активов».*

При этом, по утверждению лидера КПРФ, *«олигархии позволено продолжать вывод капитала за рубеж в гигантских объёмах. Она не вкладывает эти средства в развитие страны и цинично уклоняется от помощи фронту»* (доклад на II Пленуме ЦК КПРФ, 15 ноября 2025 года).

Политическое отстранение: «диктатура компрадорской буржуазии»

Экономическая экспроприация, согласно логике КПРФ, неизбежно влечёт за собой политическое бесправие. В эфире телеканала «Россия 24» в октябре 2014 года Зюганов охарактеризовал сложившуюся систему как *«диктатуру компрадорской буржуазии, отстранившей большинство населения от собственности и участия в управлении страной».*

Ещё на встрече с тогдашним президентом страны Д.А. Медведевым 17 января 2007 года лидер КПРФ бил тревогу: *«Сегодня, на мой взгляд, идёт усиленная дерусификация целых регионов России. К слову сказать, ещё легендарный Шолохов обратился в своё время к Брежневу по поводу того, что началась русофобия, которая должна быть прекращена. В противном случае мы доживем до больших потрясений. Тогда был принят ряд мер по национально-культурному развитию, развитию народных промыслов, хоров, поддержке многих языков, народов, культур и так далее. Но мы должны сегодня сознавать, и я хотел бы это особо подчеркнуть, что русские оказались в современной истории самыми униженным народом. Это самый крупный разделённый народ на планете. Только 25 миллионов остались за так называемыми суверенными границами от Пскова через Белгород до Ростова, где никаких границ никогда в истории русского и советского государства не было».*

В статье «Русский стержень Державы» этот тезис конкретизируется через **образ олигархии, оторванной от национальных интересов:** *«Можно ли представить себе такое в сегодняшней капиталистической России, управляемой олигархией, которая разоряет страну, а держать банковские счета, лечиться и учить детей предпочитает за границей – на территории наших главных противников?»*

Утрата национальной идентичности: растворение в «россиянстве»

Параллельно с экономическим и политическим отчуждением, по мнению КПРФ, происходит целенаправленное размывание национального самосознания. В книге «О русских и России» (2004) Зюганов утверждает: *«Русских пытаются лишить национальной самоидентификации, растворить в каком-то безличном мифическом "россиянстве". Ликвидация упоминания о национальной принадлежности в паспорте нового образца есть попытка убить одним выстрелом двух зайцев: подорвать национальное самосознание русских».*

В той же работе **формулируется ключевой диагноз:** *«По всем критериям, принятым в ми-*

ровом сообществе, идёт геноцид русского народа. Конкретная форма национального вопроса в современной России – это уже не вопрос "национальных окраин", а вопрос "национальной сердцевины"». Эта мысль повторяется в манифесте 2020 года: «Самый животрепещущий национальный вопрос в современной России – это уже не вопрос "национальных окраин", а вопрос "национальной сердцевины". Он касается теперь в первую очередь не меньшинства, а подавляющего большинства».

Масштаб демографической катастрофы лидер КПРФ постоянно подчеркивает в своих политических заявлениях. Например, он так озвучил проблему в интервью телеканалу «Царьград» 21 мая 2020 года: *«Русские несут личную ответственность за безопасность всех, кого они собрали. ... либеральный эксперимент, затеянный в начале 90-х, уже обошёлся русскому народу в 20 миллионов жизней».*

Информационная война: «пятая колонна» в СМИ и культуре

Отдельным направлением критики является контроль над информационным пространством. На XIII съезде КПРФ было констатировано, что *«русские недостаточно представлены в органах власти, СМИ и культуре России»*. По оценке Зюганова, средства массовой информации находятся под контролем враждебных сил.

«У нас пятая колонна сидит, которая не желает победы. В политике, экономике, в медиа она отравляет страну ложью», – заявил лидер КПРФ в интервью телеканалу «Красная Линия» в 2025 году. В октябре того же года он развил эту мысль: *«Наши политические оппоненты, пятая колонна, подсовывают населению очередную "мумию русофобии и антисоветизма"... это клевета, которая направлена на то, чтобы сеять русофобию и подрывать национальную сплочённость и солидарность».*

Критика носит и персонализированный характер. В мае 2023 года, выступая в Государственной Думе, Зюганов назвал руководство Первого канала «главными русофобами», заявив: *«Если президент говорил о "пятой колонне" – вот, посмотрите»* (освещено РИА «Новый День» 30 мая 2023). На общероссийском открытом собрании КПРФ в январе 2024 года он резюмировал: *«Эта русофобия "пятой колонны" по-прежнему является главной угрозой».*

В «Русском стержне Державы» этот тезис развернут более широко: *«Их разрушительная работа продолжается с ведома высокопоставленных опекунов, засевших в коридорах власти и средствах массовой информации»*. Партия обвиняет околовластные СМИ в героизации «белогвардейских палачей» и очернении советской истории: *«Стараниями "пятой колонны", усилиями продажных пропагандистов развернута не только аморальная, но и противоречащая закону героизация белогвардейских палачей...».*

Культурная колонизация: от языка до системы образования

Особое место в критике КПРФ занимает тема культурной колонизации. В манифесте 2020 года констатируется: *«Власть не желает отказываться от дальнейшей "оптимизации"... Продолжается демонтаж прикладной науки... лучшей в мире советской системы образования. ...Наш язык активно засоряется новоязом, бессмысленными англицизмами, которые символизируют колониальную сущность системы».*

Зюганов развивает эту мысль, указывая на поругание русского языка: *«Душа народа и его сознание, его интеллект – это в первую очередь родной язык. Но русский язык, на котором создана величайшая классическая литература, являющаяся одним из главных культурных достояний человечества, подвергается ежедневному поруганию. И это тоже происходит при попустительстве власти».*

Лидер КПРФ обращает внимание на символическое измерение проблемы: *«По сути, этот новояз – язык оккупации. Пройдитесь по улицам наших городов и вы убедитесь: иностранные названия западного и восточного происхождения сегодня встречаются на них намного чаще, чем русские. Нам как будто намеренно дают понять: русский народ не хозяин на своей земле».*

При этом партия указывает на избирательность в применении законодательства: *«В 2005 году был принят закон "О государственном языке Российской Федерации". Его смысл состоит в защите русского языка. Но та же самая власть, которая этот закон принимала, не желает его защищать».*

Г.А. Зюганов обращает внимание на миграционную политику: *«Мы видим, что западные страны захлестнул миграционный кризис, который грозит обернуться для них кризисом политическим. Но попробуйте там устроиться на сколько-нибудь приличную работу, не владея как следует государственным языком! А у нас такое становится практически нормой».*

Выход из кризиса: смена курса и национализация

Подводя итог многолетнему анализу, КПРФ формулирует программу радикальной трансформации. *«Отстранение от власти русофобской*

и антисоветской "пятой колонны" – непременное условие возрождения нашей страны и русского народа. Только тогда новое, действительно патриотическое, национально мыслящее руководство сможет осуществить жизненно необходимую нам смену курса», – говорится в манифесте «Русский стержень Державы».

Партия связывает решение национального вопроса с возвращением к социалистическим принципам: *«Священное стремление уберечь Родину и народ от разрушения вдохновляет нас на борьбу за то, чтобы в России возродилось такое государство, которое будет способно остановить физический и духовный геноцид русского и других народов. И позволит им вернуться на путь гармоничного нравственного, культурного и интеллектуального развития. В этом ключевой смысл программы КПРФ».*

При этом Г.А. Зюганов подчёркивает преемственность с советской эпохой: *«Чтобы сбросить с себя иго антинационального капитала и уверенно идти вперед, России необходимо в полной мере ощутить себя наследницей не только Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Некрасова и Чехова, но и Горького, Шолохова, Симонова, Исаковского, Твардовского, Бондарева и Распутина. Прокофьева и Свиридова. Мухиной и Вучетича. Макаренко и Сухомлинского. Курчатова и Келдыша. Королёва и Гагарина. Жукова, Рокоссовского, Василевского и Конева»*.

Лидер партии формулирует миссию КПРФ в национальных терминах: *«Коммунистам, всем патриотам необходимо активнее защищать русскую историю, русскую культуру, русскую душу. Потому что главный удар разрушителей нашей Державы наносится именно по ним. И в это сложное время мы обязаны осознавать себя не только как партию народовластия и справедливости, но и как партию национального спасения».*

Позиция Г.А. Зюганова и КПРФ, последовательно проводимая в публичных выступлениях, партийных документах и программных статьях на протяжении последних двух десятилетий, связывает системный кризис России с целенаправленным отстранением государствообразующего русского народа от управления страной, лишением его общенародной собственности и национальной идентичности, а также с превращением страны в сырьевую колонию под контролем олигархии и «пятой колонны» в СМИ. Выходом из катастрофы партия считает смену курса, отстранение олигархии от власти и возврат к социалистическим принципам управления.

Поправками к Конституции Российской Федерации, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, в часть 1 статьи 68 Основного закона было внесено положение о русском народе как государствообразующем – народе, входящем в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. Закрепление этого статуса задаёт особую исследовательскую рамку для анализа представленности русского народа в органах власти и управления, имущественного расслоения и распределения крупной частной собственности по этническому признаку и других сферах.

Рассмотрим актуальную ситуацию с представительством русского народа в депутатском корпусе и в этноструктуре крупных собственников.

Рисунок 1

Совет Федерации в этническом разрезе на февраль 2026 г.

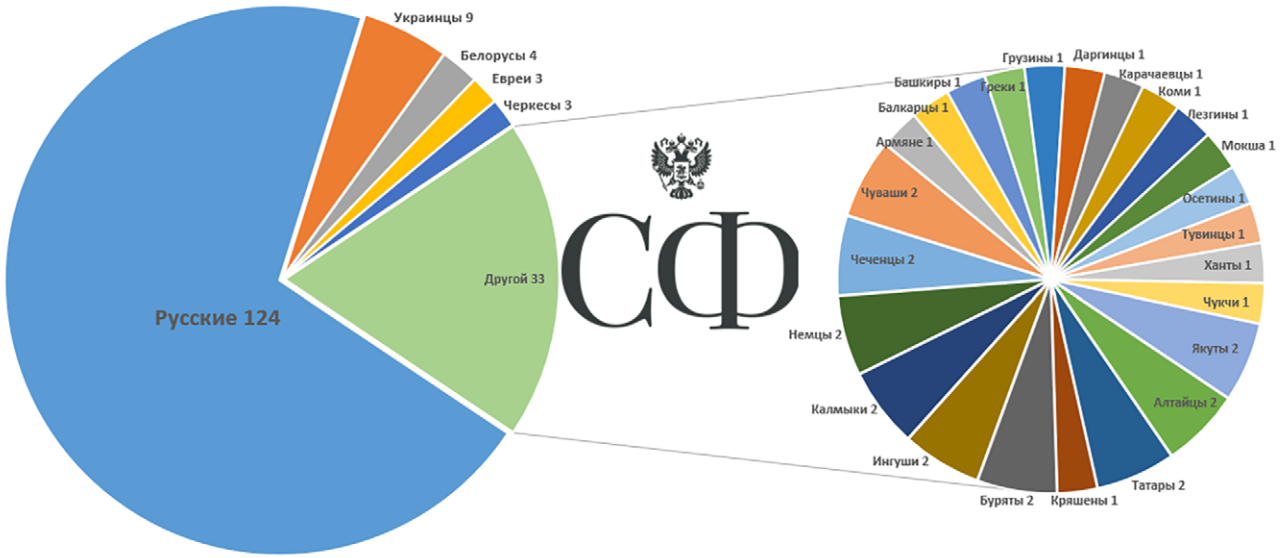

Таблица 1

Национальный состав Совета Федерации

Национальность	Количество	Доля в СФ *(%)*
Русские	124	70,5
Украинцы	9	5,1
Белорусы	4	2,3
Восточные славяне (суммарно)	**137**	**77,8**
Евреи	3	1,7
Черкесы (адыгейцы, кабардинцы, черкесы)	3	1,7
Татары и кряшены	3	1,7
Чеченцы	2	1,1
Чуваши	2	1,1
Немцы	2	1,1
Калмыки	2	1,1
Ингуши	2	1,1
Буряты	2	1,1
Алтайцы	2	1,1
Якуты	2	1,1
Другие национальности	14	8,0
Итого	176	100

Примечание: «Другие национальности» включают 14 представителей различных этносов (греки, армяне, грузины, лезгины, даргинцы, осетины, мордва, ханты, чукчи и др.), каждый из которых представлен 1–2 персонами.

2. Русское представительство в органах государственной власти: Совет Федерации

На основе публикации *«Основы сенатороведения»* (gooodvins.livejournal.com) проанализируем этнический состав Совета Федерации (СФ) по состоянию на начало 2026 года. Автор рассматривает 176 действующих сенаторов и даёт ряд количественных и качественных оценок.

Представительство русских в Совете Федерации анализировалось автором на основе данных, опубликованных в СМИ и биографий сенаторов (рис. 1).

Русских в Совете Федерации, по данным подсчёта аналитика, – 124, украинцев – 9, белорусов – 4, евреев – 3, черкесов – 3, татар и кряшенов – 3, чеченцев, чувашей, немцев, калмыков, ингушей, бурят, алтайцев, якутов по 2, 14 – других национальностей.

Анализ, основанный на точных цифрах автора публикации «*Основы сенатороведения*» (176 действующих сенаторов) показывает следующую этническую структуру Совета Федерации. Все процентные доли в табл. 1 рассчитаны от общего числа 176.

Таким образом, **русские в одиночку составляют более 70% верхней палаты Федерального Собрания**, а вместе с украинцами и белорусами – **почти 78%** всех сенаторов.

Сравнение с этническим составом населения России

Для сопоставления используем данные Всероссийской переписи населения 2020 г. (доли от общей численности, указавшей национальность). Данные представлены в табл. 2.

Совет Федерации, несмотря на паритет разного типа регионов, остаётся преимущественно

Таблица 2

Сопоставление данных по этнической структуре сенаторов Совета Федерации с данными Всероссийской переписи населения 2020 г.

Группа	Доля в населении РФ *(%)*	Доля в СФ *(%)*	Отклонение
Русские	80,9	70,5	Ниже на 10,4 п. п.
Украинцы	0,8	5,1	Выше в 6,4 раза
Белорусы	0,3	2,3	Выше в 7,7 раза
Татары	3,6	1,7 (включая кряшен)	Ниже вдвое
Евреи	0,06	1,7	Выше в 28 раз
Народы Кавказа (суммарно)	около 5	около 6,8 (с учётом черкесов, чеченцев, ингушей и части «других»)	Примерно пропорционально
Финно-угорские народы	около 1,5	примерно 1,1 (чуваши, мордва и пр.)	Небольшой недобор

русским, но русские всё же представлены в нём несколько ниже, чем в населении, а украинцы и белорусы – заметно выше.

Еврейская группа (1,7%) в десятки раз превышает свою демографическую долю, хотя в абсолютных числах это лишь три сенатора. Татары, напротив, сильно недопредставлены.

Ключевые наблюдения:

• **Русские:** в политической элите – абсолютное большинство (70,5%), в экономической – менее половины (46,4%).

• **Евреи:** «трио» сенаторов – 1,7% мест в Совете Федерации.

• **Украинцы и белорусы:** в парламентской элите на уровне (7–8%).

• **Татары:** представлены скромно в структуре сената.

• **Кавказские народы:** в сумме занимают заметную долю в СФ (черкесы, чеченцы, ингуши, а также народы Дагестана в категории «другие»), что соответствует принципу представительства республик.

Таким образом, политическая элита (Совет Федерации) значительно ближе к общей этнической картине населения, хотя и с отдельными аномалиями.

Детали, отмеченные автором

• **Выходцы из этносов ряда республик представлены в Совете Федерации по двое.** В Алтае, Ингушетии, Калмыкии, Чечне, Чувашии и Якутии оба места занимают представители титульных этносов. В ряде других республик (Адыгея, Башкирия, Бурятия, Северная Осетия) работает схема «титульный + русский».

• **Слабые регионы и варяги.** В новых субъектах (Запорожская, Херсонская области) и некоторых областях сенаторами становятся «варяги», что может искажать региональный этнический баланс.

• **Президентская квота.** «Спящие» 30 мест не задействованы, поэтому анализировались только «региональные» 176 сенаторов.

Некоторые выводы

По оценкам автора публикации, Совет Федерации на 70,5% состоит из русских и на 77,8% – из восточных славян, что близко к доле русских в населении, но с завышенным представительством украинцев и белорусов.

3. Региональный уровень представительства русских в органах законодательной власти национальных республики

Настоящий анализ сопоставляет долю русских депутатов в региональных законодательных собраниях (заксах) «национальных регионов» Российской Федерации с долей русских в населении соответствующих регионов по итогам Всероссийской переписи 2021 года. В процессе подготовки круглого стола депутатские запросы об этнической структуре региональных парламентов были направлены в 27 национальных регионов Российской Федерации. Ответ, содержащий конкретные данные, предоставили 13 регионов; 14 регионов проигнорировали запрос, заявили об отсутствии такой статистики либо явно отказались её предоставить.

Аналитическим критерием адекватности представительства служит показатель «дефицита/профицита»: разница между долей русских депутатов и долей русских в населении региона в процентных пунктах. Понятно, что в политическом представительстве не может идти речь о национально-пропорциональной представленности. Но принцип адекватности обязан соблюдаться. Отрицательное значение при анализе полученных данных означает недопредставленность, положительное – избыточное представление.

I. Сравнение данных: население vs представительство

В табл. 3 представлена д**оля русских в населении и в депутатском корпусе региональных Заксов**.

II. Ключевые тенденции в политическом представительстве русских в национальных регионах

Системный дефицит представительства в регионах с крупным русским большинством

Наиболее острый дефицит представительства зафиксирован в регионах, где русские составляют доминирующее большинство населения, однако в законодательных собраниях они представлены несоразмерно слабо.

Бурятия демонстрирует наибольший разрыв: при 63,95% русских в населении их доля в Хурале составляет лишь 42,4% – дефицит 21,5 процентных пункта. Адыгея показывает разрыв в 14,4 п. п.: 64,4% русских в населении против 50% в парламенте. В обоих случаях русские формально являются большинством населения, но реального большинства в законодательной власти не имеют.

Структурное занижение в республиках с конкурентным этническим балансом

В Татарстане, где русские составляют 40,3% населения, они получили лишь 21 мандат из 100 (21%) в Госсовете – дефицит 19,3 п. п. Это наглядный пример институционального занижения: при населении в 40% доля представительства ровно вдвое ниже. В Башкортостане при 37,5% русских

Таблица 3

Доля русских в населении и в депутатском корпусе региональных Заксов (регионы, предоставившие данные)

Регион	Доля русских в населении, %	Русских депутатов	Всего депутатов	Доля русских депутатов, %	Дефицит / профицит (п. п.)	Этнический статус по классификации ЦИПКР
Бурятия	63,95%	28	66	42,42%	-21,53 п. п.	Регион русского этнодоминирования
Татарстан	40,34%	21	100	21,00%	-19,34 п. п.	Регион весомого присутствия русских
Адыгея	64,43%	24	48	50,00%	-14,43 п. п.	Регион русского этнодоминирования
Северная Осетия	18,91%	5	70	7,14%	-11,77 п. п.	Русская этнопериферия
Башкортостан	37,49%	32	110	29,09%	-8,40 п. п.	Регион весомого присутствия русских
Чувашия	30,70%	12	44	27,27%	-3,43 п. п.	Регион весомого присутствия русских
Алтай	53,70%	21	41	51,22%	-2,48 п. п.	Регион русского этнодоминирования
Карачаево-Черкесия	27,55%	13	50	26,00%	-1,55 п. п.	Зона весомого присутствия русских
Кабардино-Балкария	19,84%	15	70	21,43%	+1,59 п. п.	Русская этнопериферия
Ингушетия	0,67%	1	32	3,12%	+2,45 п. п.	Русская этнопериферия
Тыва	10,12%	4	31	12,90%	+2,78 п. п.	Русская этнопериферия
Дагестан	3,26%	6	90	6,67%	+3,41 п. п.	Русская этнопериферия

Примечание: для ХМАО из расчёта исключены 29 депутатов, отказавшихся указывать национальность (из 38 её указали только 9). Реальная доля русских в Заксе ХМАО статистически неопределима и в основную таблицу не включена.

в населении их доля в Курултае составляет 29,1% – дефицит 8,4 п. п.

В Северной Осетии дефицит составляет 11,8 п. п. (население – 18,9%, парламент – 7,1%). Принципиально, что даже в регионах с небольшой долей русского населения их недопредставленность статистически значима.

«Парадокс этнопериферии»: избыточное представительство там, где русских меньше всего

Показательна обратная закономерность: в регионах, где русских крайне мало, они представлены с положительным «профицитом».

В Дагестане при населении 3,26% русские имеют в два раза больше мест в парламенте - 6,67% (+3,4 п. п.). В Тыве при 10,12% в населении – 12,9% мест (+2,8 п. п.). В Ингушетии при населении 0,67% – один русский депутат из 32, что формально даёт 3,1% (+2,4 п. п.). В Кабардино-Балкарии небольшой профицит составляет +1,6 п. п.

Данный феномен объясним логикой «представительской квоты для меньшинств», встроенной в электоральные практики этих республик: формальное присутствие малых групп, включая русских, носит символический и легитимизирующий характер.

Относительно адекватное представительство в ряде республик

Наименее острый дефицит зафиксирован в Карачаево-Черкесии (-1,6 п. п. при 27,6% в населении и 26% в парламенте республики) и Республике Алтай (-2,5 п. п. при 53,7% и 51,2% соответственно). В Чувашии дефицит умеренный (-3,4 п. п.). Это указывает на то, что адекватное представительство русских достижимо – там, где политические элиты или избирательные правила его не блокируют.

III. Анализ отказов в предоставлении данных

Любопытный результат даёт анализ национальных регионов, представительные органы которых отказались предоставить данные о национальном составе депутатского корпуса (табл. 4).

Три типа уклонения

Анализируя региональные ответы на депутатский запрос из Государственной Думы, можно выделить три формы отказа от предоставления информации:

Явный отказ (2 региона): ЕАО и Калмыкия прямо отказались предоставить информацию. Это наиболее откровенная форма отказа от транспарентности в ответ на запрос депутата Государственной Думы.

Таблица 4

Регионы, не предоставившие сведения об этническом составе парламентов национальных субъектов РФ

Регион	Доля русских в населении, %	Тип реакции	Этнический статус региона
ЕАО	95,67%	Явный отказ	Русское ядро
Карелия	86,40%	Не ведут статистику	Русское околоядро
Хакасия	82,14%	Нет ответа	Субъядро
Крым	72,94%	Не ведут статистику	Регион русского этнодоминирования
ЯНАО	62,89%	Нет ответа	Регион русского этнодоминирования
НАО	69,57%	Не ведут статистику	Регион русского этнодоминирования
Коми	69,69%	Нет ответа	Регион русского этнодоминирования
Удмуртия	67,71%	Не ведут статистику	Регион русского этнодоминирования
Чукотка	54,21%	Нет ответа	Регион русского этнодоминирования
Мордовия	54,09%	Не ведут статистику	Регион русского этнодоминирования
Марий Эл	52,51%	Не ведут статистику	Регион этнодоминирования
Якутия	32,63%	Нет ответа	Регион весомого присутствия
Калмыкия	25,71%	Явный отказ	Регион весомого присутствия
Чечня	1,21%	Нет ответа	Русская этнопериферия

«Не ведём такую статистику» (7 регионов): Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Крым, Карелия, НАО, ХМАО (частично). Данный ответ является институциональной позицией: отсутствие учёта этнической принадлежности депутатов де-факто лишает гражданское общество возможности контролировать этническое представительство.

Молчание / нет ответа (5 регионов): Якутия, Коми, Чукотка, ЯНАО, Хакасия, Чечня. Отсутствие ответа в ряде случаев само по себе информативно.

Аналитическая связь отказов с долей русских в населении региона

Наиболее интригующим является отказ ЕАО (95,67% русских) и молчание Хакасии (82,14%) и Карелии (86,4%). Эти регионы входят в «русское ядро» и «околоядро» по этнической классификации. Логичным объяснением их нежелания раскрывать данные служит несколько предположений. Первое – что при столь высокой доле русских в населении их доля в парламентах может оказаться существенно заниженной – то есть отказ скрывает дефицит, аналогичный выявленному в Бурятии и Адыгее. Второе. Предоставление информации подтвердило бы предположение о недостаточности представленности депутатов титульной национальности.

Концентрация большинства отказов (7 из 14) в «зоне этнодоминирования» (50–80% русских) указывает на то, что именно в этой переходной зоне власти наиболее чувствительны к теме этнического представительства: здесь баланс «титульная нация vs русское большинство» наиболее политически значим.

Отказ Калмыкии (25,71% русских) носит иную природу: вероятно, защита интересов калмыцкой элиты, которая при небольшой численности парламента стремится сохранить максимальный контроль над мандатами.

Чечня (1,21% русских) не ответила, что, по всей видимости, связано с продолжением практики ограничения взаимодействия с федеральными запросами.

Ключевой институциональный вывод

Формула «не ведём такую статистику», применённая в семи регионах, означает де-факто отказ от мониторинга этнического состава представительной власти. В отличие от гендерного состава парламентов, который является стандартным показателем политической статистики во всех субъектах РФ, этническая структура заксов намеренно выведена из системы официального учёта. Это не техническая лакуна, а управленческий выбор.

Некоторые другие выводы

Из собранных по данным депутатских запросов материалов можно сделать следующие выводы.

Системная недопредставленность. Из 12 регионов, предоставивших достаточные данные, в 9 (75%) зафиксирована недопредставленность русских, в 3 – небольшой профицит. Среднее взвешенное значение дефицита составляет около 7 п. п.

Инверсия «большинство – представительство». Чем выше доля русских в населении региона, тем значительнее их относительная недопредставленность в заксе. Этнопериферия с малой долей русских демонстрирует парадоксальный профицит их формального представительства.

Критические очаги. Бурятия, Татарстан и Адыгея образуют «зону критического дефицита»: в каждом из этих регионов разрыв превышает 14 п. п. Совокупно эти три региона охватывают более 10 млн человек населения.

Статистическая непрозрачность. 14 из 27 запрошенных регионов (52%) не предоставили данные. Это само по себе является политически значимым фактом: большинство регионов не намерены раскрывать этническую структуру своих парламентов.

«Особый статус» ХМАО. Ситуация в Ханты-Мансийском АО, где 29 из 38 депутатов отказались указать национальность, свидетельствует о том, что сокрытие этнического состава происходит не только на уровне институтов, но и на уровне индивидуальных депутатов.

Требуется системный мониторинг. Для полноты картины необходимо распространить запросы на регионы «русского ядра»: высокая вероятность того, что отказы ЕАО, Карелии и Хакасии маскируют дефицит, аналогичный выявленному в регионах, ответивших на запрос.

4. Русские и крупный капитал. Представители государствообразующего народа в этнической структуре крупнейших владельцев собственности в Российской Федерации

Вопрос о доле представителей русского народа в составе крупнейших владельцев собственности после внесения в Конституцию положения о государствообразующем русском народе перестаёт быть вопросом исключительно частной этнокультурной статистики и приобретает характер системного индикатора. Он показывает, насколько фактическая структура распределения национальных активов соответствует структуре общества – в первую очередь демографической доле этноса, формирующего государственную субъектность. Расхождение между демографическим весом и экономическим представительством является ключевым показателем при анализе устойчивости социальной и национальной политики.

Настоящий раздел посвящён количественной и качественной характеристике русского сегмента в структуре крупнейших собственников по данным рейтинга Forbes за период с 2012 по 2025 год. Источниковая база включает журналистское расследование издания «Лента.ру» (2014), материалы аналитических порталов EconBez.ru (2012) и независимых блогеров (2013), академические работы С. В. Мареевой и Е. Д. Слободенюк (2024), а также сводный реестр участников рейтинга Forbes «Богатейшие бизнесмены России» за 2025 год.

Точкой отсчёта при оценке *«справедливого представительства»* русского народа в любых социально-экономических ранжированиях традиционно служат данные всероссийской переписи населения. По переписи 2010 года, при общей численности населения 142,8 млн человек национальность указали 137,2 млн (96%). Доля русских от числа указавших национальность составила 80,9%. По данным переписи 2020–2021 годов, абсолютная численность русских снизилась, однако их доля среди указавших национальность сохранилась на уровне, близком к 80%. Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода нормативной демографической базой для сопоставлений выступает доля в 77–81%. Именно эта величина является эталоном, относительно которого оценивается степень повышенной и пониженной представленности русских в списке крупнейших владельцев капитала. Любое отклонение от этой пропорции в сторону уменьшения требует содержательного объяснения, поскольку прямо ставит вопрос о механизмах формирования и воспроизводства имущественного класса в полиэтническом государстве.

Русские в рейтинге Forbes – 2014: базовое исследование «Ленты.ру»

Первое системное журналистское расследование этнической структуры крупнейших российских бизнесменов было опубликовано 28 октября 2014 года изданием «Лента.ру». Авторами материала «Кому на Руси жить хорошо?» выступили М. Шибутов (представитель Ассоциации приграничного сотрудничества) и М. Пак. Объектом анализа стал рейтинг журнала Forbes «200 богатейших бизнесменов России – 2014» с совокупным капиталом 481,15 млрд долларов.

Авторы оговаривали приблизительный характер своих оценок: данные строились на анализе биографий, интервью, списков попечителей и участников этнических диаспор. Тем не менее именно эта работа задала методологический стандарт, на который ссылаются все последующие исследования. По её результатам в составе списка были выделены три группы: «Большая тройка» (русские, евреи, украинцы), «средний состав» (татары, армяне, горские евреи, азербайджанцы, ингуши, чеченцы, осетины, узбеки) и «единичные представители» иных этносов.

Количественные показатели русского сегмента в 2014 году

Из приведённых данных (табл. 5)следует ключевой вывод: притом, что русские формируют абсолютное демографическое большинство (около 81% населения), их представительство в списке крупнейших владельцев капитала составляло в 2014 году лишь 44,5% – то есть в 1,8 раза ниже демографического веса. Ещё более выраженным является разрыв по совокупному капиталу: доля русских от общего богатства списка составила лишь 34,3%, что в 2,4 раза ниже их демографической доли.

Таблица 5

Параметры русского сегмента в рейтинге Forbes – 2014.

Показатель	Значение
Число участников рейтинга – русских	89 человек
Доля в списке Forbes	44,5 %
Доля в населении России (перепись 2010 г.)	80,9 %
Совокупный капитал группы	165,0 млрд $
Доля от совокупного капитала списка	34,3 %
Средний капитал участника	1,9 млрд $
Капитал самого богатого представителя группы	16,6 млрд $
Капитал самого «бедного» в группе	0,5 млрд $

Источник: «Лента.ру», 28.10.2014, на основе данных Forbes.

Средний капитал русского участника рейтинга – 1,9 млрд долларов – оказался одним из самых низких среди крупных этнических групп. Для сравнения: средний капитал еврея в списке 2014 года составлял 2,9 млрд долларов, украинца – 2,9 млрд, армянина – 3,0 млрд, азербайджанца – 5,6 млрд, узбека – 12,4 млрд. Иными словами, русские составляли наиболее многочисленный, но наименее «капиталоёмкий» по среднему показателю отряд крупных собственников.

Издание The New York Times, прокомментировавшее публикацию «Ленты.ру», подчеркнуло, что *«только этнические русские, составляющие более 80% населения, но лишь 44,5% списка, явно имеют меньше, чем должны были бы, статистически говоря»*. Эта формулировка, прозвучавшая в одном из ведущих мировых изданий, зафиксировала диспропорцию на уровне международного экспертного сообщества.

Альтернативные оценки 2012–2013 годов

Исследование «Ленты.ру» не было единственным. Аналитический портал EconBez.ru в 2012 году выпустил первый системный разбор, в котором среди 200 богатейших бизнесменов России было выделено 74 русских (37%). Авторы материала сформулировали тезис о том, что русские оказываются «*в 2,2 раза менее представлены, чем их числится в общей структуре населения*», и сделали из этого спорный обобщающий вывод о том, что «*русские – это не предпринимательская нация*». Этот тезис впоследствии многократно цитировался и критиковался.

В 2013 году независимый блогер на платформе LiveJournal с менее строгой методологией («презумпция русскости» по фамилии, без учёта смешанного происхождения по материнской линии) насчитал в списке 200 богатейших россиян 92 русских (46%) с совокупным капиталом 172,9 млрд долларов. Этот результат оказался близок к данным «Ленты.ру», полученным годом позже.

Сопоставление трёх независимых оценок (37%, 44,5%, 46%) показывает устойчивость наблюдаемой картины: во всех случаях доля представителей русского народа в списке крупнейших бизнесменов оказывается в 1,7–2,2 раза ниже их доли в населении страны. Различия между оценками объясняются прежде всего методологическими особенностями – главным образом подходом к смешанным случаям и критериями этнической идентификации.

Русские в рейтинге Forbes – 2025: увеличение доли и качественные изменения

К 2025 году конфигурация «русского сегмента» в составе крупнейших собственников Российской Федерации претерпела заметные изменения. По данным рейтинга Forbes «Богатейшие бизнесмены России – 2025», включавшего 146 миллиардеров с совокупным состоянием 625,5

Таблица 6

Параметры русского сегмента в рейтинге Forbes – 2025

Показатель	Значение
Число участников рейтинга – русских	73 человека
Доля в списке Forbes (из 146 чел.)	50,0 %
Совокупный капитал группы	290,1 млрд $
Доля от совокупного капитала списка	46,4 %
Средний капитал участника	3,97 млрд $
Богатейший представитель группы (А. Мордашов)	28,6 млрд $
Замыкающий рейтинг русский участник	1,0 млрд $

Источник: сводные данные Forbes 2025 с экспертной оценкой этнической принадлежности по открытым публикациям.

млрд долларов, представители русского народа были идентифицированы в опоре на данные «Ленты.Ру» и публикации в соцмедиа в количестве 73 человек.

Сводные показатели русского сегмента **Forbes** в 2025 году представлены в табл. 6.

Крупнейшие представители русского сегмента в рейтинге 2025 года.

В число богатейших представителей русского народа по версии Forbes 2025 года вошли А. А. Мордашов (28,6 млрд $, «Северсталь»), В. С. Лисин (26,5 млрд $, НЛМК), В. О. Потанин (24,2 млрд $, «Интеррос», «Норильский никель»), Г. Н. Тимченко (23,2 млрд $, «Новатэк»), П. В. Дуров (17,1 млрд $, Telegram), М. Д. Прохоров (10,7 млрд $, «Онэксим»), В. Ф. Рашников (9,6 млрд $, ММК), А. Г. Гурьев (9,5 млрд $, «Фосагро»), А. М. Кузьмичёв (7,5 млрд $, LetterOne), А. В. Скоч (7,4 млрд $, USM).

Характерно, что у десяти богатейших россиян русского происхождения сосредоточены ключевые активы трёх системообразующих отраслей: чёрной и цветной металлургии (Мордашов, Лисин, Потанин, Рашников), газохимии и удобрений (Тимченко, Гурьев) и цифровой экономики (Дуров). Это указывает на закрепление за русским сегментом стратегических секторов реальной экономики, связанных с добычей и переработкой сырья и с национальной технологической инфраструктурой.

Динамика «русского сегмента» в 2014–2025 годах

Сопоставление данных за 2014 и 2025 годы позволяет выявить ряд устойчивых тенденций, характеризующих эволюцию положения представителей русского народа в структуре крупного капитала (табл. 7).

Основные тенденции

Во-первых, **доля русских в списке выросла** с 44,5 до 50%. При сокращении общего размера рейтинга на 54 человека (с 200 до 146) число русских уменьшилось лишь на 16 человек – то есть выход из списка произошёл преимущественно за счёт представителей других этнических групп. Тем не менее даже выросшая до 50% доля остаётся заметно ниже демографического веса русских (около 80%): разрыв сократился, но не был ликвидирован.

Во-вторых, **доля совокупного капитала русских в списке выросла на 12,1 процентных пункта** – с 34,3 до 46,4%. Это прирост значительно более резкий, чем прирост доли в численности (5,5 п. п.), что свидетельствует о качественном укрупнении активов в руках русских миллиардеров. Совокупный капитал русского сегмента увеличился в абсолютном выражении на 75,8% – с 165,0 до 290,1 млрд долларов.

В-третьих, **средний капитал русского миллиардера вырос в 2,15 раза** – с 1,85 до 3,97 млрд долларов. Это означает преодоление того отставания по среднему показателю, которое в 2014 году фиксировалось у русских по сравнению с большинством иных этнических групп. **К 2025 году по среднему капиталу русские приблизились к показателям еврейского сегмента** (4,81 млрд $), хотя и не достигли уровней групп с одной-двумя сверхбогатыми персоналиями (азербайджанцы – 15,15 млрд $, узбеки – 16,7 млрд $ за счёт А. Усманова).

В-четвёртых, в 2025 году **«русский» сегмент совместно с «еврейским» контролирует около 73% совокупного капитала списка** (46,4% + 26,9%). В 2014 году аналогичная совокупная доля составляла около 62% (34,3% + 27,6%). Концентрация капитала в руках двух крупнейших этнических групп за десятилетие усилилась примерно на 11 п. п.

К вопросу о «непредпринимательском характере» русского народа

Тезис о том, что *«русские – не предпринимательская нация»*, сформулированный авторами публикации EconBez.ru в 2012 году и впоследствии подхваченный рядом комментаторов, заслуживает критического рассмотрения. С точки зрения формальной арифметики численного представительства в верхней страте крупных собственников этот тезис может казаться эмпириче-

Таблица 7

Динамика показателей русского сегмента в рейтинге Forbes, 2014–2025

Параметр	2014 г.	2025 г.	Изменение
Число русских в списке	89	73	-16 чел.
Размер всего списка	200	146	-54 чел.
Доля русских в списке, %	44,5	50,0	+5,5 п. п.
Совокупный капитал группы, млрд $	165,0	290,1	+75,8 %
Доля группы в совокупном капитале списка, %	34,3	46,4	+12,1 п. п.
Средний капитал участника, млрд $	1,85	3,97	в 2,15 раза

ски обоснованным: русские действительно представлены в составе крупнейших капиталистов непропорционально мало по сравнению со своей долей в населении. Однако сведение причин такого положения к этнокультурным характеристикам нации – упрощение, которое не выдерживает строгой критики.

Прежде всего, необходимо учитывать обстоятельства первоначального накопления капитала в постсоветской России. Приватизация 1992–1996 годов, залоговые аукционы и формирование первичной олигархической структуры происходили в условиях, когда доступ к процессу определялся не равномерно распределёнными «национальными» качествами, а конкретными сетями знакомств, доступом к административному ресурсу и наличием организованных корпоративных солидарностей. Авторы расследования «Ленты.ру» прямо указывали, что *«различные этнические группы, используя корпоративную солидарность и реакцию на начало "эры капитализма", сумели включиться в экономическую и политическую жизнь принципиально нового типа».*

Во-вторых, академические исследования социального происхождения участников списка Forbes (С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк, 2024 – выборка из 379 человек за 2004–2021 годы) показывают, что подавляющее большинство сверхбогатых россиян имеют относительно высокое социальное происхождение: их родители работали в сферах науки, образования, культуры, промышленности и ТЭК. Это означает, что доступ в состав крупных собственников определялся не «предпринимательскими способностями нации», а наличием социальных лифтов, действовавших в определённых профессиональных и территориальных средах позднесоветского периода. *У русских такие лифты статистически распределялись иначе, чем у ряда других этнических групп, концентрировавшихся в торговых, посреднических и финансовых сегментах позднесоветской экономики.*

В-третьих, динамика 2014–2025 годов прямо опровергает тезис о «непредпринимательском» характере русского народа. Рост доли русских в совокупном капитале с 34,3 до 46,4% за десятилетие, более чем двукратное увеличение среднего капитала, выдвижение русских предпринимателей на первые позиции в стратегических секторах – всё это свидетельствует не о статическом «национальном свойстве», а о результате конкретных социально-экономических процессов, среди которых ключевую роль играет восстановление национального суверенитета над хозяйственными активами и трансформация структуры собственности после 2014 года и особенно после 2022 года.

Некоторые выводы

• **Доля русского народа** – государствообразующего в соответствии с частью 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации – в составе крупнейших владельцев собственности на протяжении всего рассматриваемого периода остаётся значительно ниже его демографической доли. Соотношение 44,5% в списке против 80,9% в населении (2014) и 50% против ≈80% (2025) фиксирует устойчивую структурную диспропорцию. Понятно, что концепция «национально-пропорционального представительства» критикуется большинством ответственных политических сил России. Однако это не отменяет понятия политически приемлемого баланса представительства государствообразующего народа в ключевых сферах жизнедеятельности общества.

• **В 2014–2025 годах разрыв между демографическим и экономическим представительством сократился**, но не был ликвидирован. Доля русских в списке выросла на 5,5 п. п., доля в совокупном капитале – на 12,1 п. п., хотя средний капитал увеличился в 2,15 раза. Но он увеличился в целом по совокупной условной группе миллиардеров Forbes.

• **Концентрация капитала в руках двух крупнейших этнических групп – русских и евреев – за десятилетие усилилась** с примерно 62 до примерно 73% совокупного состояния списка. На фоне этого процесса наиболее заметно сократилось присутствие украинской группы миллиардеров (с 14,6 до 4,7% капитала).

• **Русский сегмент концентрирует контроль над стратегическими секторами реальной экономики** – чёрной и цветной металлургией, газохимией, удобрениями, цифровой инфраструктурой. Это указывает на постепенное закрепление за представителями государствообразующего народа ключевых активов национальной хозяйственной системы.

• **Тезис о «непредпринимательском характере» русской нации**, сформулированный отдельными аналитическими публикациями начала 2010-х годов, не выдерживает проверки данными последнего десятилетия и должен расцениваться как методологически некорректное обобщение, игнорирующее исторические обстоятельства приватизации и социальное происхождение состава крупных собственников.

• **Долгосрочной задачей государственной национальной и экономической политики**, очевидно, остаётся приведение этнической структуры крупной собственности в соответствие с этнической структурой населения. Восстановление адекватного представительства русского народа в верхних имущественных стратах является одним из необходимых условий устойчивости социального согласия и национального единства Российской Федерации.

РАЗДЕЛ IV. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС: ДОСТУПНОСТЬ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ, ДИНАМИКА ПОДУШЕВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ИНДЕКСЫ БАЛАНСА РАЦИОНА ПО НОРМАМ МИНЗДРАВА

Один из ключевых пропагандистских тезисов, усиленно внушаемых официальными СМИ: никогда русский народ не питался так хорошо, как в нынешние реформаторские времена. Памятуя, что мемы про колбасные электрички и пустые прилавки – это обязательный атрибут в доказательстве значительного улучшения положения русского народа в современной Российской Федерации, оценим с помощью разного рода экономических показателей реальную ситуацию с питанием русского государствообразующего народа и других народов Российской Федерации.

4.1 «Русский народ и колбаса». Проблема доступности продукта как маркер общественного благополучия

Колбаса в России – не просто еда. Это маркер благополучия, индикатор инфляции и зеркало эпохи. Сравнивая советское прошлое и российское настоящее, можно увидеть не только цифры, но и то, что за ними стоит: качество, доступность и даже самообман.

Объёмы почти одинаковые, но разная начинка

В разгар перестройки, в **1990 году**, в РСФСР произвели **2,283 млн тонн** колбасных изделий. По оценкам, во всём СССР объём достигал **2,5–2,7 млн тонн**. За этими тоннами стояли очереди, талоны и фраза «нет колбасы». Правда, в государственных магазинах и по низкой цене. В кооперативных магазинах по цене свыше 6 руб. за кг такую же колбасу, как за 2.20 руб., спокойно, без очередей продавали без проблем. Да, производство было на высоком уровне, но до прилавка в свободную продажу и по низким ценам доходило не всё.

В **2023 году** в России выпустили **2,461 млн тонн**, а в **2024 году** – рекордные **2,5 млн тонн**. Почти столько же, сколько в лучшие советские годы. Но сегодня колбаса лежит на полках любого магазина в изобилии. А в РСФСР – только в кооперативных по кусачим ценам. Парадокс? Нет. Просто разная колбаса. И разная цена.

«Докторская» тогда и сейчас: битва составов

Советская «Докторская» (ГОСТ 23670-79) состояла из **90% мяса** – в основном говядины и свинины, плюс яйца, молоко, соль. Современная рядовая «Докторская» (по ТУ или новым ГОСТам) зачастую содержит **45–60% мяса**, а остальное – соевый белок, крахмал, фосфаты, вода, ароматизаторы. Это **почти вдвое меньше мяса**.

Что это означает для кошелька и вкуса?

Гипотетическая цена советской колбасы сегодня

Если бы сегодня производили «Докторскую» по советскому ГОСТу (90% мяса), её себестоимость была бы значительно выше. Расчёты показывают: такая колбаса должна стоить в рознице **около 1000–1100 рублей за килограмм** – вдвое дороже обычной современной (в среднем 500 руб./кг).

То есть **низкая цена сегодняшней колбасы – это иллюзия**. Она достигается за счёт замены мяса на дешёвые наполнители. Покупатель платит за колбасу, но получает наполовину соевый продукт.

Таблица 1

Сравнение доступности советской и современной российской колбасы

Показатель	СССР (1980-е)	Россия (2025)	
		обычная колбаса (45% мяса)	гипотетическая колбаса как в СССР (90% мяса)
Средняя зарплата	200 руб/мес	85 000 руб/мес	85 000 руб/мес
Цена за 1 кг	2,20 – 2,80 руб.	~500 руб.	~1000 руб.
Кг на среднюю зарплату	**71–91 кг**	**170 кг**	**~85 кг**

Покупательная способность: честное сравнение

Сравним, сколько килограммов настоящей мясной колбасы мог купить советский гражданин и сколько может купить россиянин сегодня – если привести цены к общему знаменателю (содержанию мяса) (табл. 1).

Вывод: если бы сегодня продавали колбасу **такого же качества, как в СССР**, на среднюю зарплату можно было бы купить примерно **85 кг** – почти столько же, сколько советский человек (71–91 кг). С учётом дефицита товаров по гарантированным низким ценам и очередей в СССР, современный покупатель получает вроде бы даже больше: гарантированное наличие и свободу выбора. Но только если готов платить настоящую цену.

Рост цен в 2024 году: народ голосует рублём

По данным «Нильсен» *(публикация «Ведомостей»)*, в 2024 году продажи колбасы в денежном выражении выросли на 16%, а в натуральном – всего на 5%. Простая арифметика: за год цены на колбасу взлетели примерно на **10,5%**. Это выше официальной инфляции, но люди всё равно покупают – пусть и ненамного больше, но заметно дороже.

Ассортимент: от трёх названий до сотен

В СССР, по воспоминаниям, локально производилось до 100 сортов, но реальный выбор на прилавке часто ограничивался двумя-тремя. Сегодня в любом супермаркете – сотни наименований: от «Докторской» за 300 рублей до «Московской» за 1200. Вопрос лишь в том, что внутри. Но это уже выбор каждого: дешёвая соевая колбаса (много) или дорогая мясная (столько же, сколько в СССР).

География: кто кормит страну?

В современной России производство колбасы сконцентрировано в Центральном федеральном округе – почти **50%** всего объёма. Таким образом, в регионах русского демографического ядра производится половина всей колбасы современной Российской Федерации. Лидируют Владимирская область, Москва и Подмосковье. В СССР основной объём давали РСФСР, Украина и Белоруссия. Теперь же, например, на Северном Кавказе производят всего около **1%**.

Что мы на самом деле едим?

Советский Союз производил колбасы почти столько же, сколько сегодняшняя Россия. Но тогда её не хватало, а сейчас – хоть завались. Однако доступность *качественной* мясной колбасы за 40 лет почти не изменилась: её по-прежнему можно купить примерно те же 80–90 кг в месяц на среднюю зарплату.

Но есть и прогресс: сегодня у россиянина есть выбор – купить дешёвую колбасу с соей (её можно съесть в два раза больше по весу) или заплатить вдвое дороже и получить продукт, близкий к советскому ГОСТу. В советском магазине выбора не было – была одна, зато мясная, но её дешёвой часто просто не было в продаже. А платить в 2,5 раза больше за такую же колбасу в кооперативном магазине граждане не очень желали.

Фраза «колбаса стала доступнее» верна только для её эрзац-версии. Ностальгия по той самой «Докторской» за 2 рубля 20 копеек остаётся, а в чеке сегодняшнего покупателя колбаса всё чаще соседствует с лупой для чтения состава.

Русский народ и колбаса – любовь длиною в жизнь. С дефицитом, с рекордами, с соей и ГОСТом. И, *судя по цифрам, совершенно прагматичная.*

4.2 Продовольственный вопрос: мифы и реальность советского и российского стола

Колбаса – лишь один штрих. Полная картина того, как и чем питался советский человек и чем питается сегодняшний россиянин, складывается из цифр, порой более красноречивых, чем политические лозунги.

СССР упрекают в дефиците и очередях, современную Россию хвалят за изобилие. Но если присмотреться к статистике потребления и главное – к тому, какую часть дохода семья тратит на еду, – картина оказывается совсем не такой однозначной.

Траектория роста: как менялся рацион в СССР

Советский Союз, вопреки расхожим мифам, не стоял на месте. Цифры неумолимо фиксируют устойчивый рост потребления базовых продуктов на душу населения, особенно в 1960–1980-е годы.

В 1965 году среднестатистический советский гражданин потреблял **41 кг** мяса, в 1980-м – уже **57,6 кг**, а к 1985-му – **61,4 кг.**

Потребление хлеба, напротив, сокращалось (с 156 до 133 кг за тот же период), что свидетельствовало о качественном улучшении структуры питания. По калорийности СССР вышел на уровень наиболее обеспеченных стран мира – **3440 килокалорий** в день (для сравнения: в ФРГ – 3448, во Франции – 3544).

К 1990 году потребление мяса и мясопродуктов (в пересчёте на чистое мясо) достигло **75 кг** на человека.

Молока пили **323 кг** в год, яиц съедали **260 штук.**

При этом главной проблемой оставалась не столько нехватка, сколько **потери при хранении и транспортировке** – до 40% продукции портилось, не доходя до прилавка.

Сегодняшняя Россия: количественное изобилие с нюансами

Современная Россия по некоторым абсолютным показателям потребления превзошла СССР. В 2024 году потребление мяса и мясопродуктов вплотную подошло к **100 кг** на человека

Овощей и бахчевых съели **110 кг** (против 107 кг в 2023-м), свежих фруктов и ягод – **46,7 кг**, молочных продуктов – **263 кг.**

Потребление хлеба снизилось до **86,2 кг** – минимального значения за последние 40 лет, показатели потребления соли и сахара устремились тоже вниз.

Казалось бы, сплошные рекорды. Но за ними скрывается тревожная деталь.

Главный показатель: сколько мы отдаём за еду?

Экономисты давно вывели закон Энгеля: чем беднее страна, тем большую долю доходов её жители тратят на питание. В развитых государствах этот показатель составляет **8–15%**, в бедных – доходит до 60–80%.

В СССР в 1990 году на еду уходило около 29,8% бюджета семьи. При этом медицина и образование были бесплатными, а квартплата – символической. Иными словами, советская семья тратила на еду **меньше трети** своих доходов, приближаясь к стандартам развитых стран.

В России в 2025 году доля расходов на питание достигла 39% – максимума с кризисного 2008 года. А с учётом общепита – почти **42%**. Это уровень, характерный для стран с низкими доходами населения. Об этом говорит главный экономист «Альфа-банка» Наталия Орлова:

«Рост доли расходов на продовольствие является тревожным сигналом: высокая доля трат на продукты характерна для стран с более низкими доходами населения. Например, в Индии – порядка 44%, тогда как в развитых странах она существенно ниже и не превышает 20% (в США – около 13%)».

За 35 лет Россия **откатилась** по этому показателю: с 30% в конце советской эпохи до почти 40% сегодня. В то время как в развитых странах люди тратят на еду всё меньше, россияне – всё больше.

А что мы едим? Качество вместо количества

Но даже эти цифры не отражают главного. **Что именно** попадает на стол?

Сегодняшний рацион среднестатистического россиянина, по данным ФИЦ питания и биотехнологии, ввергает в шок: сахара едим на **288% от нормы**, сливочного масла – на **160%**, сметаны и другой жирной молочки – на **220%**. Доля овощей в рационе не превышает **26%**, фруктов – **23%**, а настоящего мяса и птицы – лишь **20%**. Мясом у нас в основном считают колбасу и сосиски – их мы едим **в три раза больше, чем японцы**.

Каждый четвёртый взрослый россиянин страдает ожирением, а избыточный вес имеет **62% населения**. В 2024 году диагноз «ожирение» впервые получили **542 200 человек**, а общее число пациентов достигло **3 млн**. *Ожирение – причина **каждой третьей смерти** в стране.*

Что случилось за 30 лет?

В 1990-е годы произошёл обвал потребления: к 1999–2000 годам потребление мяса упало в 1,7 раза – до **45 кг** на человека. Страна пережила настоящий голод, пусть и не такой страшный, как в военные годы. С тех пор объёмы восстановились и даже выросли, но **качество** питания изменилось не в лучшую сторону. Доступные полуфабрикаты, обилие жиров и сахара, дефицит свежих овощей и фруктов – такова плата за «изобилие».

Ключевой парадокс: сегодня россияне едят **больше** по объёму, но платят за это **большую долю** своих доходов, а качество рациона оставляет желать лучшего. В СССР люди стояли в очередях за дефицитной колбасой, но **могли позволить себе сбалансированное питание** на 30% семейного бюджета, имея при этом бесплатную медицину и образование (табл. 2).

Таблица 2

Показатель	СССР (1990)	Россия (2025)
Потребление мяса на душу	~75 кг	~100 кг
Доля расходов на питание	~30%	~40%
Ожирение (доля населения)	крайне низкая	62% (избыточный вес)
Голод/дефицит	дефицит деликатесов, очереди	количественное изобилие при низком качестве

Сегодня полки магазинов ломятся от еды, но **половина покупаемой колбасы – соя, а почти 40% бюджета** уходит на то, чтобы эту еду купить. А лишний вес и ожирение стали национальной проблемой.

Итог: разные дефициты

Дефицит советской эпохи – это, скорее, **дефицит логистики и распределения**. Продукты были, но не всегда доходили до прилавка, а если доходили – то не всегда в нужном ассортименте.

Дефицит современной России – это **дефицит доступности и качества**. Еды много, но значительная её часть – эрзац, а её стоимость съедает растущую долю семейного бюджета.

СССР не смог решить логистические проблемы, но **гарантировал доступность базового набора продуктов** и не заставлял людей отдавать почти половину зарплаты за еду.

Современная Россия победила дефицит как отсутствие товара, но проиграла битву за **качество и экономическую доступность**.

Продовольственный вопрос в России не решён – он лишь приобрёл другую форму. Игнорировать этот факт, ссылаясь на рекордные тонны мяса, – значит закрывать глаза на то, что реально лежит на тарелке и в кошельке простого человека.

Продовольственная безопасность – это не только «есть ли еда на полке», но и «может ли семья её себе позволить, не отказывая себе в остальном». По этому критерию СССР был ближе к развитым странам, чем сегодняшняя Россия.

4.3 Динамика подушевого потребления основных продуктов питания в регионах русского ядра

А теперь рассмотрим динамику подушевого потребления основных продуктов в регионах русского ядра и других регионах современной Российской Федерации.

Источник: *Росстат – «Потребление основных продуктов питания по субъектам Российской Федерации» (2011–2021, 2024 гг.).*

Методология исследования проблемы продовольственного потребления в регионах русского ядра совпадает с предыдущим анализом данных по социально-экономическим показателям, показателям здравоохранения и т. п. В данном разделе анализируется потребление девяти продуктов питания в натуральном выражении (кг/чел/год или шт/чел/год) за 2011–2024 гг., при этом хлебные продукты – только до 2021 г. в соответствии с имеющимися данными Росстата.

Учитывая, что Московская и Ленинградская агломерации среди регионов русского ядра принципиально выделяются по ключевым показателям, анализировать ситуацию с продовольственным потреблением будем по группам. Для проведения исследования выделены семь групп, отличающихся по своим потребительским характеристикам, уровню доходов и географическому положению (табл. 3).

Таблица 3

Продовольственные потребительские характеристики анализируемых групп регионов

Группа	Состав	Характеристика
1	Москва	Часть Московской агломерации (~15% населения России). Высокие доходы, диверсифицированная пища
2	Московская обл.	Часть Московской агломерации. Крупный производитель мяса и яиц
3	Санкт-Петербург	Часть Северо-западной агломерации, молочный регион
4	Ленинградская обл.	Крупнейший производитель яиц, молочное животноводство
5	Остальное ядро (40 регионов)	Историческая провинция Центральной и Северо-Западной России
6	Около ядро (12 регионов)	Прилегающие регионы с преобладанием русских, включая Урал и Юг
7	Прочие (~40 регионов)	Северные, дальневосточные, национальные республики

Примечание: для Москвы и Московской области, а также для Санкт-Петербурга и Ленинградской области в таблицах 2–10 приведено единое среднее значение по агломерации на основе агрегированных данных, опубликованных Росстатом. Исключение: в таблице 4 (яйца) для 2022 г. использованы раздельные значения – Московская область 379 шт., Москва 369 шт. В столбце «% к ср. по России» показано отклонение последнего доступного года от среднероссийского значения; зелёным выделены превышения, красным – отставание.

Динамика по продуктам

Проанализируем региональные особенности продовольственного потребления в регионах как русского ядра, так и околоядра в сравнении со среднероссийскими показателями. Анализируются следующие продовольственные группы: мясо и мясопродукты, молоко и молочные продукты, яйца, картофель, овощи и бахчевые, фрукты и ягоды, растительное масло, сахар, хлебные продукты.

Динамика потребления мяса и мясопродуктов

Анализ потребления мяса и мясопродуктов демонстрирует устойчивый рост показателей во всех группах, при этом лидирующие позиции с большим отрывом занимает столичная агломерация (табл. 4).

Москва и Московская область: столичный регион стабильно потребляет мяса на 20–25% выше среднего по России. В 2022 г. произошёл скачок за счёт Московской области (крупный производитель). К 2024 г. показатель составил 101 кг/год против 82 кг по стране (+23%). Агломерация формирует один из крупнейших рынков сбыта мясных продуктов.

Санкт-Петербург и Ленинградская область: показатели чуть выше среднероссийских (+3%), но регион заметно отстаёт от Москвы. Динамика схожа с общероссийской. В 2020 г. потребление снизилось сильнее, чем у остальных групп (влияние пандемии и логистики).

Остальное ядро: наиболее интересная динамика – в 2011 г. остальное ядро потребляло мяса на 6% меньше среднего, а к 2024 г. вышло на уровень России (82,9 кг при средних 82 кг). Рост на 24,3% – лучший среди всех групп. Воронежская (103 кг), Белгородская (100 кг), Курская (93 кг) области выступают как развитые мясо-молочные регионы.

Околоядро: устойчиво ниже России на 7–8%: 75,8 кг в 2024 г. Потребление мяса в Краснодарском крае (96 кг) и Нижегородской области (88 кг) уравновешивается низкими показателями Саратовской (64 кг) и Тюменской (62 кг) областей. Роста относительно средних значений практически нет.

Динамика потребления молока и молочных продуктов

Потребление молока и молочных продуктов характеризуется значительным региональным разбросом показателей, где абсолютным историческим лидером выступает Северо-западная агломерация (табл. 5).

Москва и Московская область: наблюдается парадоксальный тренд – в 2011–2017 гг. потребление молока снижалось (с 229 до 204 кг) и находилось ниже среднероссийского. С 2018 г. произошёл разворот, и к 2024 г. показатель достиг 270 кг (+17,6% с 2011 г.), что сейчас выше уровня по стране на 6,7%. *Вероятная причина: рост доходов и переход на качественные молочные продукты (сыры, йогурты).*

Санкт-Петербург и Ленинградская область: абсолютный и устойчивый лидер на протяжении всего периода – рост с 287 до 306,5 кг (+6,8%). Показатель всегда выше среднероссийского на 18–21%. Санкт-Петербург как молочный центр Северо-Запада демонстрирует отличительную черту своей пищевой культуры.

Остальное ядро: хронически ниже России (отставание на 8,6% к 2024 г.). Спад в 2014–2017 гг. совпал с введением санкций и ростом цен на молочную продукцию. Вологодская (311 кг), Воро-

Таблица 4

Потребление мяса и мясопродуктов (кг/чел/год)

Группа/регион	2011	2014	2017	2020	2021	2022	2023	2024	Рост 2011–2024	% к ср. по России (2024)
Россия в целом	71	74	74	76	77	78	80	82	**+15,5%**	–
Москва	89,5	90,5	89,5	88,5	89,5	95,5	99	101	**+12,8%**	**+23,2%**
Московская обл.	89,5	90,5	89,5	88,5	89,5	95,5	99	101	**+12,8%**	**+23,2%**
Санкт-Петербург	74	76	76	73,5	75,5	80	82,5	84,5	**+14,2%**	**+3,0%**
Ленинградская обл.	74	76	76	73,5	75,5	80	82,5	84,5	**+14,2%**	**+3,0%**
Остальное ядро (40 регионов)	66,7	71,9	74,4	78	79,4	79,1	80,9	82,9	**+24,3%**	**+1,1%**
Околоядро (12 регионов)	66,9	70,4	69,5	70,9	72,5	72,6	74	75,8	**+13,3%**	**-7,6%**
Прочие (~40 регионов)	69,2	72,5	72,7	73,7	75,2	74,8	75,9	77,4	**+11,8%**	**-5,6%**

Источник: Росстат. Для Москвы и МО / СПб и ЛО – среднее значение по агломерации. Столбец «% к ср. по России» – отклонение 2024 г. от среднероссийского значения.

Таблица 5

Потребление молока и молочных продуктов (кг/чел/год)

Группа/регион	2011	2014	2017	2020	2021	2022	2023	2024	Рост 2011–2024	% к ср. по России (2024)
Россия в целом	243	239	228	238	239	241	247	253	**+4,1%**	–
Москва	229,5	226,5	204	234,5	230	250	259	270	**+17,6%**	**+6,7%**
Московская обл.	229,5	226,5	204	234,5	230	250	259	270	**+17,6%**	**+6,7%**
Санкт-Петербург	287	283	278	286,5	283	294,5	302	306,5	**+6,8%**	**+21,1%**
Ленинградская обл.	287	283	278	286,5	283	294,5	302	306,5	**+6,8%**	**+21,1%**
Остальное ядро (40 регионов)	222,1	220,6	208,8	219,7	222,5	221	229,5	239,2	**+7,7%**	**-5,5%**
Околоядро (12 регионов)	256	244	234,4	238,8	240,4	238,4	243,9	249,2	**-2,7%**	**-1,5%**
Прочие (~40 регионов)	237,2	231,5	223,8	224,7	227,4	227,6	234	239,1	**+0,8%**	**-5,5%**

Источник: Росстат. Примечание аналогично таблице 4.

нежская (307 кг), Калужская (290 кг) области потребляют много; Смоленская (173 кг) и Рязанская (187 кг) тянут средний показатель вниз.

Околоядро: в 2011 г. показатель был выше среднероссийского (+5,3%), но к 2024 г. опустился почти на средний уровень (-1,5%). Потребление практически не росло. Тюменская (174 кг), Омская (207 кг), Томская (211 кг) области показывают низкие значения. Краснодарский край (273 кг) и Самарская область (266 кг) – высокие.

Динамика потребления яиц

Динамика потребления яиц показывает аномальный скачок в столичном регионе на фоне плавного роста или стагнации в других субъектах Российской Федерации (табл. 6).

Москва и Московская область: зафиксирован аномальный скачок в 2022 г. (Московская область – 379 шт., Москва – 369 шт.). Вероятно, это связано с перераспределением экспортных потоков в условиях санкций и развитием птицефабрик. К 2024 г. показатель составил 373 шт., что выше среднего по стране на 27,3%. В 2011–2014 гг. потребление снижалось (с 287 до 250 шт.).

Санкт-Петербург и Ленинградская область: плавный рост на протяжении всего периода (с 285 до 332,5 шт., +16,7%). Показатель стабильно выше среднероссийского на 13–14%. Ленинградская область является крупным производителем яиц.

Остальное ядро: самая стабильная группа – рост с 277 до 285 шт. (+2,8%), значения постоянно находятся вблизи средних по стране. Костромская (358 шт.), Ярославская (327 шт.), Ивановская (286 шт.) области показывают высокие результаты; Брянская (250 шт.) и Тверская (268 шт.) – ниже средних.

Околоядро: выше уровня по России на 1,7% в 2024 г. (298 шт.). Кировская (330 шт.) и Самарская (318 шт.) области – лидеры группы.

Таблица 6

Потребление яиц (шт/чел/год)

Группа/регион	2011	2014	2017	2020	2021	2022	2023	2024	Рост 2011–2024	% к ср. по России (2024)
Россия в целом	272	270	280	281	279	288	290	293	**+7,7%**	**–**
Москва	287	250	275,5	283,5	273,5	369	369	373	**+30,0%**	**+27,3%**
Московская обл.	287	250	275,5	283,5	273,5	379	379	373	**+30,0%**	**+27,3%**
Санкт-Петербург	285	285	294	317,5	315	332	328	332,5	**+16,7%**	**+13,5%**
Ленинградская обл.	285	285	294	317,5	315	332	328	332,5	**+16,7%**	**+13,5%**
Остальное ядро (40 регионов)	277,2	277,1	281,8	282	282,6	283,4	285,8	285,1	**+2,8%**	**-2,7%**
Околоядро (12 регионов)	283,9	289,4	295	288,6	286,6	293,4	295,3	297,9	**+4,9%**	**+1,7%**
Прочие (~40 регионов)	229,8	234,6	242,1	247	245	245,8	249,2	249,7	**+8,7%**	**-14,8%**

Источник: Росстат. В 2022 г. Московская область – 379 шт., Москва – 369 шт. (данные источника). В прочие годы – среднее по агломерации. Примечание аналогично таблице 4.

Динамика потребления картофеля

Статистика потребления картофеля отражает классический урбанизационный тренд на снижение доли этого продукта в рационе жителей крупнейших мегаполисов при сохранении высоких показателей в исторической провинции (табл. 7).

Москва и Московская область: наименьшее потребление картофеля (70,5 кг – ниже среднего по стране на 16,1%). Устойчивое снижение на протяжении 13 лет (с 82 до 70,5 кг). Типичная картина для населения сверхурбанизованного региона: происходит замена картофеля рисом, макаронами и др..

Санкт-Петербург и Ленинградская область: схожая динамика – снижение с 85 до 72,5 кг (-14,7%). В 2020 г. произошло резкое снижение (вероятный пандемийный эффект нарушения логистики).

Остальное ядро: единственная группа, находящаяся выше среднего показателя по стране на протяжении всего периода (+16,1% в 2024 г.). Псковская (153 кг), Тверская (117 кг), Костромская (121 кг) области формируют «картофельный пояс». Снижение идёт очень медленно (со 102,6 до 97,5 кг за 13 лет).

Околоядро: ниже среднероссийского уровня на 2,0% в 2024 г. Тюменская (69 кг), Омская (75 кг), Кемеровская (76 кг) области – развитые индустриальные и городские регионы, где картофеля потребляют мало. Краснодарский край (96 кг) и Волгоградская область (87 кг) – выше.

Динамика потребления овощей и бахчевых

Потребление овощей и бахчевых культур наиболее высоко в южных аграрных регионах, в то время как мегаполисы и историческое ядро отстают от среднероссийских значений (табл. 8).

Москва и Московская область: ниже уровня по стране на 5,7% (100 кг против 106 кг). Мегаполис потребляет относительно мало овощей. С 2020 г. отмечается рост (+4,7%).

Таблица 7

Потребление картофеля (кг/чел/год)

Группа/регион	2011	2014	2017	2020	2021	2022	2023	2024	Рост 2011–2024	% к ср. по России (2024)
Россия в целом	96	92	90	86	83	84	86	84	**-2,5%**	–
Москва	82	71	68,5	62	61,5	67,5	72,5	70,5	**-14,0%**	**-16,1%**
Московская обл.	82	71	68,5	62	61,5	67,5	72,5	70,5	**-14,0%**	**-16,1%**
Санкт-Петербург	85	86	85	71,5	70	74,5	73,5	72,5	**-14,7%**	**-13,7%**
Ленинградская обл.	85	86	85	71,5	70	74,5	73,5	72,5	**-14,7%**	**-13,7%**
Остальное ядро (40 регионов)	102,6	103,4	104,6	101,9	99	98,5	99,8	97,5	**-5,0%**	**+16,1%**
Околоядро (12 регионов)	92,8	90,3	87,7	84,5	82,3	83	83,9	82,3	**-11,3%**	**-2,0%**
Прочие (~40 регионов)	101,1	96,9	94,6	91,7	88,7	89,7	90,4	89,2	**-11,8%**	**+6,2%**

Источник: Росстат. Примечание аналогично таблице 4.

Таблица 8

Потребление овощей и бахчевых культур (кг/чел/год)

Группа/регион	2011	2014	2017	2020	2021	2022	2023	2024	Рост 2011–2024	% к ср. по России (2024)
Россия в целом	102	101	103	106	103	104	105	106	**+3,9%**	–
Москва	92,5	91,5	89	95,5	89	97	98,5	100	**+8,1%**	**-5,7%**
Московская обл.	92,5	91,5	89	95,5	89	97	98,5	100	**+8,1%**	**-5,7%**
Санкт-Петербург	94	97	98	93	90	95,5	95,5	96,5	**+2,7%**	**-9,0%**
Ленинградская обл.	94	97	98	93	90	95,5	95,5	96,5	**+2,7%**	**-9,0%**
Остальное ядро (40 регионов)	95	92,4	95	99,9	96,1	94,6	95,3	96,6	**+1,7%**	**-8,9%**
Околоядро (12 регионов)	108,1	107,6	109,6	110	108	108,2	109,5	111	**+2,7%**	**+4,7%**
Прочие (~40 регионов)	97,5	99,1	102,9	106	103,7	103,4	104	105,2	**+7,9%**	**-0,8%**

Источник: Росстат. Примечание аналогично таблице 4.

Санкт-Петербург и Ленинградская область: стабильно ниже России на 8–9% на протяжении всего десятилетия. Сказываются климатические ограничения местного производства и сдержанное потребление.

Остальное ядро: также ниже среднероссийского значения на 8,9%. Центральная Россия исторически не является овощным регионом. Небольшой рост зафиксирован в 2020–2024 гг., но отставание от средних показателей не сокращается.

Околоядро: единственная группа, превышающая средний показатель по стране на 4,7% (111 кг). Краснодарский край (145 кг), Ростовская область (128 кг), Ставропольский край (132 кг), Волгоградская область (117 кг) – аграрные южные регионы с большим собственным производством.

Динамика потребления фруктов и ягод

Динамика потребления фруктов и ягод напрямую коррелирует с уровнем доходов населения, обеспечивая безусловное лидерство московского региона (табл. 9).

Москва и Московская область: безоговорочный лидер по фруктам – 75 кг, выше среднего по стране на 15,4%. Спад в 2017 г. (58,5 кг) мог быть связан с нарушением санкционных цепочек поставок. С 2020 г. возобновился рост.

Санкт-Петербург и Ленинградская область: ниже России на 5,4% (61,5 кг). Устойчивость без явного роста – петербуржцы потребляют фрукты умеренно.

Остальное ядро: ниже среднего по стране на 5,7% (61,3 кг). Рост наметился с 2020 г. после постсанкционного провала 2017–2019 гг.

Околоядро: ниже России на 7,5% (60,1 кг) – наименьший показатель из всех «русских» групп. Несмотря на наличие южных регионов (Краснодарский край – 76 кг), Омская (51 кг) и Тюменская (55 кг) области не позволяют выйти на общероссийский уровень.

Динамика потребления растительного масла

Потребление растительного масла демонстрирует разнонаправленные тенденции: стабильность в большинстве регионов и резкое снижение в Санкт-Петербурге (табл. 10).

Москва и Московская область: максимальное потребление масла – 15,6 кг, выше среднего по стране на 11,4%. В 2021 г. зафиксирован провал (13,9 кг), связанный с рекордным скачком цен на подсолнечное масло.

Санкт-Петербург и Ленинградская область: наиболее выраженное снижение – с 12,4 до 10,4 кг (-16,1%). К 2024 г. показатель ниже среднероссийского на 25,7%. Вероятно, в Петербурге формируется кулинарная культура с меньшим количеством жареной пищи.

Остальное ядро: показатель растёт – с 12,2 до 13,1 кг (+7,4%). Ранее был заметно ниже среднего, но постепенно приближается к нему (отставание -6,4%).

Околоядро: стабильно держится на уровне средних значений (14,0 кг в 2024 г.). Явной динамики нет.

Динамика потребления сахара

Анализ потребления сахара выявляет общероссийский тренд на снижение его доли в рационе, который наиболее ярко выражен в столичном регионе (табл. 11).

Москва и Московская область: группа начинала с максимального потребления (47 кг – выше России на 17,5%), но последовательно снижала его до 41,5 кг (+6,4% к среднему). Тренд на сокращение сахара – характерный признак «городской» диеты.

Таблица 9

Потребление фруктов и ягод (кг/чел/год)

Группа/регион	2011	2014	2017	2020	2021	2022	2023	2024	Рост 2011–2024	% к ср. по России (2024)
Россия в целом	59	62	59	61	62	63	66	65	**+10,2%**	–
Москва	70,5	68,5	58,5	64	68	71	76	75	**+6,4%**	**+15,4%**
Московская обл.	70,5	68,5	58,5	64	68	71	76	75	**+6,4%**	**+15,4%**
Санкт-Петербург	55	56	54	56,5	58,5	60	61,5	61,5	**+11,8%**	**-5,4%**
Ленинградская обл.	55	56	54	56,5	58,5	60	61,5	61,5	**+11,8%**	**-5,4%**
Остальное ядро (40 регионов)	55,2	60,9	57,4	59,9	62	60	62,1	61,3	**+11,1%**	**-5,7%**
Околоядро (12 регионов)	55,9	59,9	56,8	57,1	58,5	59	60,4	60,1	**+7,5%**	**-7,5%**
Прочие (~40 регионов)	50,1	55,7	54,3	56,3	57,5	57,2	59,1	59,5	**+18,8%**	**-8,5%**

Источник: Росстат. Примечание аналогично таблице 4.

Таблица 10

Потребление растительного масла (кг/чел/год)

Группа/регион	2011	2014	2017	2020	2021	2022	2023	2024	Рост 2011–2024	% к ср. по России (2024)
Россия в целом	13,5	13,7	13,8	13,8	13,5	13,8	13,8	14	**+3,7%**	**–**
Москва	15,4	15,1	15,6	15,5	13,9	15,1	14,8	15,6	**+1,3%**	**+11,4%**
Московская обл.	15,4	15,1	15,6	15,5	13,9	15,1	14,8	15,6	**+1,3%**	**+11,4%**
Санкт-Петербург	12,4	11,4	10,4	10,4	10,3	10,6	10,2	10,4	**-16,1%**	**-25,7%**
Ленинградская обл.	12,4	11,4	10,4	10,4	10,3	10,6	10,2	10,4	**-16,1%**	**-25,7%**
Остальное ядро (40 регионов)	12,2	12,8	13,2	13,4	13,3	13,3	13,3	13,1	**+7,4%**	**-6,4%**
Околоядро (12 регионов)	13,9	14,3	14,2	13,9	13,7	13,8	14	14	**+0,7%**	**+0,0%**
Прочие (~40 регионов)	12,2	12,3	12,1	12	11,9	12,1	12,1	12,2	**+0,0%**	**-12,9%**

Источник: Росстат. Примечание аналогично таблице 4.

Таблица 11

Потребление сахара (кг/чел/год)

Группа/регион	2011	2014	2017	2020	2021	2022	2023	2024	Рост 2011–2024	% к ср. по России (2024)
Россия в целом	40	40	39	39	38	39	39	39	**-2,5%**	**–**
Москва	47	47,5	41	41	39	42,5	41,5	41,5	**-11,7%**	**+6,4%**
Московская обл.	47	47,5	41	41	39	42,5	41,5	41,5	**-11,7%**	**+6,4%**
Санкт-Петербург	40	38	38	37	36,5	38,5	38,5	38,5	**-3,8%**	**-1,3%**
Ленинградская обл.	40	38	38	37	36,5	38,5	38,5	38,5	**-3,8%**	**-1,3%**
Остальное ядро (40 регионов)	40,6	40,6	40,4	40,9	40,9	40,2	40,3	40	**-1,5%**	**+2,6%**
Околоядро (12 регионов)	38,9	38,8	37,8	37,4	37,4	37,3	37,2	37,4	**-3,9%**	**-4,1%**
Прочие (~40 регионов)	36,8	38,3	35,9	36,2	36,2	35,8	36,1	36,4	**-1,1%**	**-6,7%**

Источник: Росстат. Примечание аналогично таблице 4.

Санкт-Петербург и Ленинградская область: ниже среднероссийского на 1,3%. Стабильный небольшой спад – единственная крупная агломерация, находящаяся на уровне или ниже средних показателей по сахару.

Остальное ядро: стабильно чуть выше средних значений (+2,6%): 40,0 кг против 39,0 кг. Традиционно высокое потребление сахара в центральных регионах сохраняется.

Околоядро: ниже уровня по стране (-4,1%): 37,4 кг. Постепенное снижение наблюдается на всей дистанции.

Динамика потребления хлебных продуктов

Данные по хлебным продуктам подтверждают отказ жителей крупных агломераций от традиционных углеводов в пользу более разнообразной диеты на фоне стабильного потребления в провинции (табл. 12).

Москва и Московская область: наименьшее потребление хлеба (101 кг в 2021 г.) – ниже среднего по стране на 10,6%. Значительное снижение за 10 лет (с 112 до 101 кг, -9,8%).

Санкт-Петербург и Ленинградская область: второй показатель снизу (106 кг, -6,2% к среднему по России). Тенденция схожа с московской, но выражена несколько мягче.

Остальное ядро: выше среднего по стране (+3,9%): 117,4 кг. Снижение идёт очень медленно – провинциальная Россия сохраняет традиционно высокое потребление хлеба.

Околоядро: максимальное потребление хлеба среди всех групп (117,7 кг – +4,1% к среднему). Высокое потребление объясняется меньшей урбанизацией части регионов группы.

Таблица 12

Потребление хлебных продуктов (кг/чел/год, данные до 2021 г.)

Группа / регион	2011	2014	2017	2019	2020	2021	Рост 2011–2021	% к ср. по России (2021)
Россия в целом	118	118	116	115	114	113	**-4,2%**	**–**
Москва	112	112	110	105	107	101	**-9,8%**	**-10,6%**
Московская обл.	112	112	110	105	107	101	**-9,8%**	**-10,6%**
Санкт-Петербург	115	114	111	108	109	106	**-7,8%**	**-6,2%**
Ленинградская обл.	115	114	111	108	109	106	**-7,8%**	**-6,2%**
Остальное ядро (40 регионов)	118,9	119,3	119,5	118,3	118,1	117,4	**-1,3%**	**+3,9%**
Околоядро (12 регионов)	124,2	123	119,3	118,3	117,6	117,7	**-5,2%**	**+4,2%**
Прочие (~40 регионов)	117,1	115,6	114,5	113,2	113	113,2	**-3,3%**	**+0,2%**

Источник: Росстат. Данные по хлебным продуктам публикуются до 2021 г.
Столбец «% к ср. по России» – отклонение 2021 г. от среднероссийского значения.

Таблица 13

Отклонение потребления групп регионов от среднероссийского уровня в 2024 г., %

Продукт	Москва	Московская обл.	Санкт-Петербург	Ленинградская обл.	Остальное ядро (40 регионов)	Около ядро (12 регионов)	Прочие (~40 регионов)
Мясо и мясопродукты	+23,2%	+23,2%	+3,0%	+3,0%	+1,1%	-7,6%	-5,6%
Молоко и молочные продукты	+6,7%	+6,7%	+21,1%	+21,1%	-5,5%	-1,5%	-5,5%
Яйца	+27,3%	+27,3%	+13,5%	+13,5%	-2,7%	+1,7%	-14,8%
Картофель	-16,1%	-16,1%	-13,7%	-13,7%	+16,1%	-2,0%	+6,2%
Овощи и бахчевые	-5,7%	-5,7%	-9,0%	-9,0%	-8,9%	+4,7%	-0,8%
Фрукты и ягоды	+15,4%	+15,4%	-5,4%	-5,4%	-5,7%	-7,5%	-8,5%
Растительное масло	+11,4%	+11,4%	-25,7%	-25,7%	-6,4%	+0,0%	-12,9%
Сахар	+6,4%	+6,4%	-1,3%	-1,3%	+2,6%	-4,1%	-6,7%

Примечание: положительные значения означают превышение среднего по России; отрицательные – отставание. Для хлебных продуктов – 2021 г.

Таблица 14

Абсолютный прирост/снижение потребления в % за период 2011–2024 гг.

Продукт	Россия в целом	Москва	Московская обл.	Санкт-Петербург	Ленинградская обл.	Остальное ядро (40 регионов)	Около ядро (12 регионов)	Прочие (~40 регионов)
Мясо и мясопродукты	+15,5%	+12,8%	+12,8%	+14,2%	+14,2%	+24,3%	+13,3%	+11,8%
Молоко и молочные продукты	+4,1%	+17,6%	+17,6%	+6,8%	+6,8%	+7,7%	-2,7%	+0,8%
Яйца	+7,7%	+30,0%	+30,0%	+16,7%	+16,7%	+2,8%	+4,9%	+8,7%
Картофель	-12,5%	-14,0%	-14,0%	-14,7%	-14,7%	-5,0%	-11,3%	-11,8%
Овощи и бахчевые	+3,9%	+8,1%	+8,1%	+2,7%	+2,7%	+1,7%	+2,7%	+7,9%
Фрукты и ягоды	+10,2%	+6,4%	+6,4%	+11,8%	+11,8%	+11,1%	+7,5%	+18,8%
Растительное масло	+3,7%	+1,3%	+1,3%	-16,1%	-16,1%	+7,4%	+0,7%	+0,0%
Сахар	-2,5%	-11,7%	-11,7%	-3,8%	-3,8%	-1,5%	-3,9%	-1,1%
Хлебные продукты*	-4,2%	-9,8%	-9,8%	-7,8%	-7,8%	-1,3%	-5,2%	-3,3%

* Хлебные продукты – за период 2011–2021 гг.

Сводные данные по отклонениям регионального потребления от среднероссийского уровня в 2024 году наглядно демонстрируют специфику продовольственных корзин каждой группы (табл. 13).

Итоговая динамика прироста или снижения потребления за весь период наблюдений с 2011 по 2024 год отражает долгосрочные изменения в пищевом поведении россиян (табл. 14).

Некоторые выводы

1. Москва и Московская область

Московская агломерация формирует наиболее богатую и диверсифицированную продовольственную корзину среди всех групп. В 2024 г. она лидирует по мясу (+23% к среднему по России), фруктам (+15%), яйцам (+27%) и растительному маслу (+11%). При этом регион потребляет меньше всех картофеля (-16%) и хлеба (-10%) – это классический «городской» рацион с замещением традиционных углеводов и клубневых более разнообразными продуктами.

Наиболее показательная динамика прослеживается в потреблении молока: в 2011–2017 гг. оно снижалось (с 229 до 204 кг, опустившись ниже среднего по стране), но после 2018 г. начало устойчиво расти, достигнув 270 кг к 2024 г. Это отражает смену структуры потребления молочных продуктов: отказ от дешёвого питьевого молока в пользу сыров, йогуртов и других молочных продуктов с более высокой добавленной стоимостью.

По сахару наблюдается выраженный тренд на снижение (с 47 до 41,5 кг), но показатель всё ещё выше среднероссийского: часть потребления «вшита» в кондитерские изделия московского производства.

2. Санкт-Петербург и Ленинградская область

Северо-западная агломерация выступает молочной столицей России: 306,5 кг молока и молочных продуктов при среднероссийском показателе 253 кг (+21%). Этот уровень устойчив на протяжении всего периода и обусловлен исторически развитым молочным животноводством Ленинградской области, а также традиционной петербургской кулинарной культурой.

По яйцам зафиксирован второй результат после Московского региона: 332,5 шт. (+13,5% к среднему по стране). Птицефабрики Ленинградской области выступают одними из крупнейших производителей яиц в России.

Самый тревожный тренд касается растительного масла: снижение с 12,4 до 10,4 кг (-16,1%) при общем росте по стране. К 2024 г. агломерация оказалась ниже среднероссийского уровня по маслу на 25,7% – аномально низкое значение. Возможная причина – более широкое использование сливочного масла либо смена кулинарных практик в пользу запекания.

3. Остальное ядро – 40 регионов

Группа демонстрирует наиболее традиционную и сбалансированную продовольственную корзину. По большинству продуктов показатели находятся вблизи среднероссийских значений, что само по себе показательно: при более низких доходах потребление продуктов не является пропорционально низким. Это отражает как более доступные цены на продовольствие в регионах, так и развитое приусадебное хозяйство.

Ключевые особенности:

Картофель – единственная группа с показателями выше среднероссийских (+16,1%) и минимальным снижением за 13 лет. Историческое ядро образует «картофельный пояс» России (Псковская, Тверская, Костромская области).

Хлеб – выше средних значений на 3,9% без заметного снижения.

Мясо – выдающаяся динамика: с отставания на 6% в 2011 г. до выхода на уровень средних значений по стране в 2024 г. Достижение среднероссийского потребления мяса является важным социальным маркером.

Слабые стороны: молоко (-5,5% к уровню по стране), овощи (-8,9%), фрукты (-5,7%). Низкие доходы ограничивают доступность импортных и дорогих продуктов.

4. Околоядро – 12 регионов

Регионы околоядра показывают наиболее неоднородную картину потребления. С одной стороны, группа устойчиво лидирует по двум продуктам: овощам (+4,7% к среднему по стране – за счёт Краснодарского, Ставропольского краёв и Ростовской области) и хлебным продуктам (+4,1%). С другой стороны, отстаёт по мясу (-7,6%), фруктам (-7,5%) и молоку (-1,5%).

Закредитованность населения регионов околоядра сказывается и на потреблении: при умеренных доходах значительная их часть уходит на обслуживание долгов, что ограничивает продовольственные расходы. Это объясняет, почему при росте зарплат потребление мяса и фруктов остаётся ниже среднероссийского.

5. Сквозные выводы

Первое. *Урбанизационный разворот в питании отчётливо прослеживается в статистических данных: Москва и Санкт-Петербург отказываются от картофеля, хлеба и сахара в пользу мяса, молочных продуктов и фруктов*. Провинциальная Россия (остальное ядро) сохраняет традиционный рацион – высокое потребление хлеба и картофеля при умеренном росте мясной корзины.

Второе. *За период 2011–2024 гг. остальное ядро значительно улучшило показатели потребления мяса* (с -6% до уровня средних значений по стране), продемонстрировав самый сильный относительный прирост (+24,3%) среди всех групп. Это прямо коррелирует с развитием животноводства в Воронежской, Белгородской, Курской и Липецкой областях.

Третье. *Санкт-Петербург и Ленинградская область выступают молочным лидером страны с устойчивым превышением среднероссийских показателей более чем на 20% на всём рассматриваемом отрезке*. Это структурное, а не случайное преимущество, укоренённое в специфике агропроизводства Ленинградской области.

Четвёртое. Околоядро обладает спецификой «аграрного Юга»: высокое потребление овощей на фоне умеренного потребления мяса. Южные регионы (Краснодарский край, Ростовская область, Ставропольский край) вытягивают средние показатели по группе вверх, тогда как сибирские и уральские субъекты (Тюменская, Омская, Томская области) демонстрируют потребление заметно ниже среднего.

Пятое. *Потребление сахара снижается во всех группах, что является позитивным общероссийским трендом*. Однако Москва снижает его быстрее остальных (-11,7%), тогда как остальное ядро практически стоит на месте: стабильно высокое потребление сахара остаётся характерным маркером провинциальной русской диеты.

4.4. Региональные ранги потребления и индекс баланса рациона по нормам Минздрава, 2024 г.

Источник данных: Росстат, бюллетень «Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации» (октябрь 2025).

Методика: Группы регионов (ядро, околоядро, прочие) выше рассматривались как агрегаты со средними значениями. Это позволяет видеть профиль группы в целом, но скрывает внутригрупповую неоднородность. Настоящий материал содержит:

- Региональные ранги по каждому из 9 продуктов (топ-5/боттом-5 по всей РФ, с указанием группы).
- Сводный индекс баланса рациона относительно норм Минздрава России (приказ № 614 от 19.08.2016), позволяющий ранжировать регионы по качеству структуры питания.
- Содержательное обсуждение выявляемых территориальных кластеров – «чернозёмного сахарно-хлебного пояса», «молочных республик Поволжья», «фруктово-овощного Юга», «дефицитного Севера».

Региональные ранги по продуктам (2024 г.)

В табл. 15 представлены региональные ранги по всем видам потребления анализированных продуктов.

Таблица 15 (Начало)

Региональные ранги по всем видам потребления анализированных продуктов питания

Мясо и мясопродукты (кг/чел в год)

Регион	Группа	кг/чел
ТОП-5 (наибольшее потребление)		
Московская область	ядро	114
Республика Калмыкия	прочие	103
Республика Алтай	прочие	101
Псковская область	ядро	99
Калининградская область	ядро	94
БОТТОМ-5 (наименьшее потребление)		
Чукотский АО	прочие	44
Республика Дагестан	прочие	48
Республика Крым	околоядро	49
Республика Ингушетия	прочие	54
Еврейская АО	околоядро	55

Размах: 44–114 кг (в 2,6 раза). Лидер – Московская область с 114 кг – статус регионального центра потребления и логистики мясной отрасли. Высокие значения у Калмыкии и Алтая отражают сохранение традиционно мясной (скотоводческой) модели питания. Низкие значения у Дагестана и Ингушетии – следствие как структуры рациона (преобладание молочно-зерновых блюд), так и более низкой покупательной способности.

Молоко и молочные продукты (кг/чел в год)

Регион	Группа	кг/чел
ТОП-5 (наибольшее потребление)		
Республика Татарстан	прочие	375
Псковская область	ядро	325
г. Санкт-Петербург	ядро	319
Оренбургская область	околоядро	310
Удмуртская Республика	прочие	310
БОТТОМ-5 (наименьшее потребление)		
Чукотский АО	прочие	117
Тульская область	ядро	150
Республика Крым	околоядро	155
Камчатский край	околоядро	159
Сахалинская область	околоядро	168

Размах: 117–375 кг (в 3,2 раза). Татарстан в одиночку достигает нормы Минздрава (325 кг) и превосходит её. Среди верхних строк – республики и области с развитым молочным животноводством. Низкие значения – у дальневосточных регионов с дефицитом локального молочного производства и завозными ценами.

Таблица 15 (Продолжение)

Региональные ранги по всем видам потребления анализированных продуктов питания

Яйца (шт/чел в год)

Регион	Группа	штук
ТОП-5 (наибольшее потребление)		
Ярославская область	ядро	384
Московская область	ядро	373
Костромская область	ядро	358
г. Санкт-Петербург	ядро	350
Краснодарский край	околоядро	349
БОТТОМ-5 (наименьшее потребление)		
Республика Тыва	прочие	134
Забайкальский край	околоядро	182
Сахалинская область	околоядро	187
Республика Алтай	прочие	189
Республика Ингушетия	прочие	189

Размах: 134–384 шт. (в 2,9 раза). Лидеры – индустриальные птицеводческие центры (Ярославская, Костромская, Московская области), располагающие крупными птицефабриками. Тыва – самое низкое потребление в РФ, что типично для регионов с традиционной скотоводческой моделью без значимого птицеводства.

Сахар (кг/чел в год)

Регион	Группа	кг/чел
ТОП-5 (наибольшее потребление)		
Тамбовская область	ядро	56
Липецкая область	ядро	54
Курская область	ядро	54
Воронежская область	ядро	51
Краснодарский край	околоядро	51
БОТТОМ-5 (наименьшее потребление)		
Республика Калмыкия	прочие	26
Республика Бурятия	прочие	27
Калужская область	ядро	27
Республика Тыва	прочие	28
Саратовская область	околоядро	28

Размах: 26–56 кг при норме 24 кг. Все регионы превышают норму, в верхней части – в 2,1–2,3 раза. Лидеры – почти исключительно регионы Черноземья (Тамбов, Липецк, Курск, Воронеж) и Краснодарский край: это исторический «сахарно-свекловичный пояс» РФ, где сложились высокие традиционные нормы потребления сахара.

Картофель (кг/чел в год)

Регион	Группа	кг/чел
ТОП-5 (наибольшее потребление)		
Брянская область	ядро	147
Республика Марий Эл	прочие	147
Чувашская Республика	прочие	137
Орловская область	ядро	131
Республика Татарстан	прочие	128
БОТТОМ-5 (наименьшее потребление)		
Чукотский АО	прочие	38
Республика Адыгея	прочие	38
Республика Калмыкия	прочие	43
г. Москва	ядро	52
Республика Коми	прочие	54

Размах: 38–147 кг при норме 90 кг. Лидеры – Брянщина и поволжские республики, исторически зоны интенсивного приусадебного картофелеводства. Москва на нижнем краю (52 кг) – это отражает характерное для крупных мегаполисов смещение углеводной части рациона в пользу переработанных продуктов.

Растительное масло (кг/чел в год)

Регион	Группа	кг/чел
ТОП-5 (наибольшее потребление)		
Краснодарский край	околоядро	21
Саратовская область	околоядро	21
Оренбургская область	околоядро	20
Ставропольский край	околоядро	19
Тульская область	ядро	18
БОТТОМ-5 (наименьшее потребление)		
Костромская область	ядро	9
Республика Саха (Якутия)	прочие	9
Республика Коми	прочие	9
Псковская область	ядро	9
Ленинградская область	ядро	10

Размах: 9–21 кг при норме 12 кг. Лидеры – регионы основного производства подсолнечника (Краснодар, Ставрополь, Саратов, Оренбург). Низкие значения – северные регионы, традиционно использующие в кулинарии больше животных жиров и сметаны.

Сводный индекс баланса рациона

Для агрегированной оценки качества структуры питания на уровне региона рассчитан двусторонний индекс отклонения от норм Минздрава. Он состоит из двух компонент:

Индекс дефицита – среднее по молоку, овощам и фруктам относительное недопотребление (превышение нормы не «штрафуется»). Чем выше – тем сильнее регион недобирает по «защитным» продуктам.

Индекс избытка – среднее по сахару и хлебу относительное превышение нормы (недопотребление не «штрафуется»). Чем выше – тем сильнее регион перегружен «индульгентными» продуктами.

Таблица 15 (Окончание)

Региональные ранги по всем видам потребления анализированных продуктов питания

Фрукты и ягоды (кг/чел в год)

Регион	Группа	кг/чел
ТОП-5 (наибольшее потребление)		
Кабардино-Балкарская Республика	прочие	126
Краснодарский край	околоядро	102
Республика Адыгея	прочие	95
Курганская область	околоядро	87
Приморский край	околоядро	85
БОТТОМ-5 (наименьшее потребление)		
Чукотский АО	прочие	10
Республика Тыва	прочие	22
Республика Калмыкия	прочие	32
Республика Бурятия	прочие	37
Томская область	околоядро	37

Размах: 10–126 кг при норме 100 кг. Только Кабардино-Балкария и Краснодарский край достигают нормы – это два региона с собственным крупным товарным садоводством. Большинство регионов не дотягивают и до 70 кг. На дне рейтинга – северные и южносибирские национальные республики (Чукотка, Тыва, Калмыкия, Бурятия) с минимальным потреблением, что обусловлено сочетанием климатических, экономических и культурных факторов.

Овощи и бахчевые (кг/чел в год)

Регион	Группа	кг/чел
ТОП-5 (наибольшее потребление)		
Республика Дагестан	прочие	226
Волгоградская область	околоядро	180
Астраханская область	околоядро	178
Кабардино-Балкарская Республика	прочие	176
Оренбургская область	околоядро	160
БОТТОМ-5 (наименьшее потребление)		
Чукотский АО	прочие	35
Республика Тыва	прочие	42
Республика Бурятия	прочие	66
Республика Саха (Якутия)	прочие	67
Иркутская область	околоядро	69

Размах: 35–226 кг при норме 140 кг. Дагестан – единственный регион, существенно превышающий норму (в 1,6 раза); это связано с национальной кулинарией и распространённостью приусадебного овощеводства. Группа низа – преимущественно северные и восточные регионы со сложными природными условиями для растениеводства.

Хлебные продукты (кг/чел в год)

Регион	Группа	кг/чел
ТОП-5 (наибольшее потребление)		
Тамбовская область	ядро	155
Алтайский край	околоядро	146
Курская область	ядро	140
Липецкая область	ядро	137
Чеченская Республика	прочие	137
БОТТОМ-5 (наименьшее потребление)		
Чукотский АО	прочие	54
Мурманская область	ядро	81
г. Санкт-Петербург	ядро	86
г. Москва	ядро	87
Ярославская область	ядро	94

Размах: 54–155 кг при норме 96 кг. Та же закономерность, что и для сахара: лидеры – Черноземье (Тамбов, Курск, Липецк) и Алтай, регионы с высокой долей сельского населения и устойчивой хлебной традицией. Москва и Санкт-Петербург – в низах рейтинга, что характерно для моделей питания в мегаполисах.

Сумма двух компонент даёт суммарный индекс несбалансированности рациона. Чем он ниже, тем ближе регион к рекомендуемой структуре питания (рис. 1). Метрика проста, прозрачна и не претендует на полноту: в неё не вошли мясо, яйца, картофель, рыба и растительное масло (для них вопрос о «правильном» направлении отклонения сложен и зависит от индивидуальных особенностей).

Парадоксальный вывод: притом, что русское ядро лидирует по абсолютным объёмам потребления мяса, яиц, картофеля и сахара, по интегральному качеству структуры рациона оно занимает последнее место среди трёх групп – главным образом из-за высокого «индекса избытка» (41,3% против 35,3% в околоядре). Дефицитная компонента у всех трёх групп практически одинакова (~31%); различия концентрируются именно в избытке сахара и хлеба (табл. 16).

Околоядро (преимущественно русские регионы фронтирной зоны – Юга, Поволжья, Урала, Сибири) демонстрирует наименее несбалансированный рацион – за счёт умеренного потребления как сахара, так и хлеба и относительно высокого потребления овощей и фруктов.

Рисунок 1

Дефицит и избыток в региональных рационах (близость к точке (0,0) – близость к нормам)

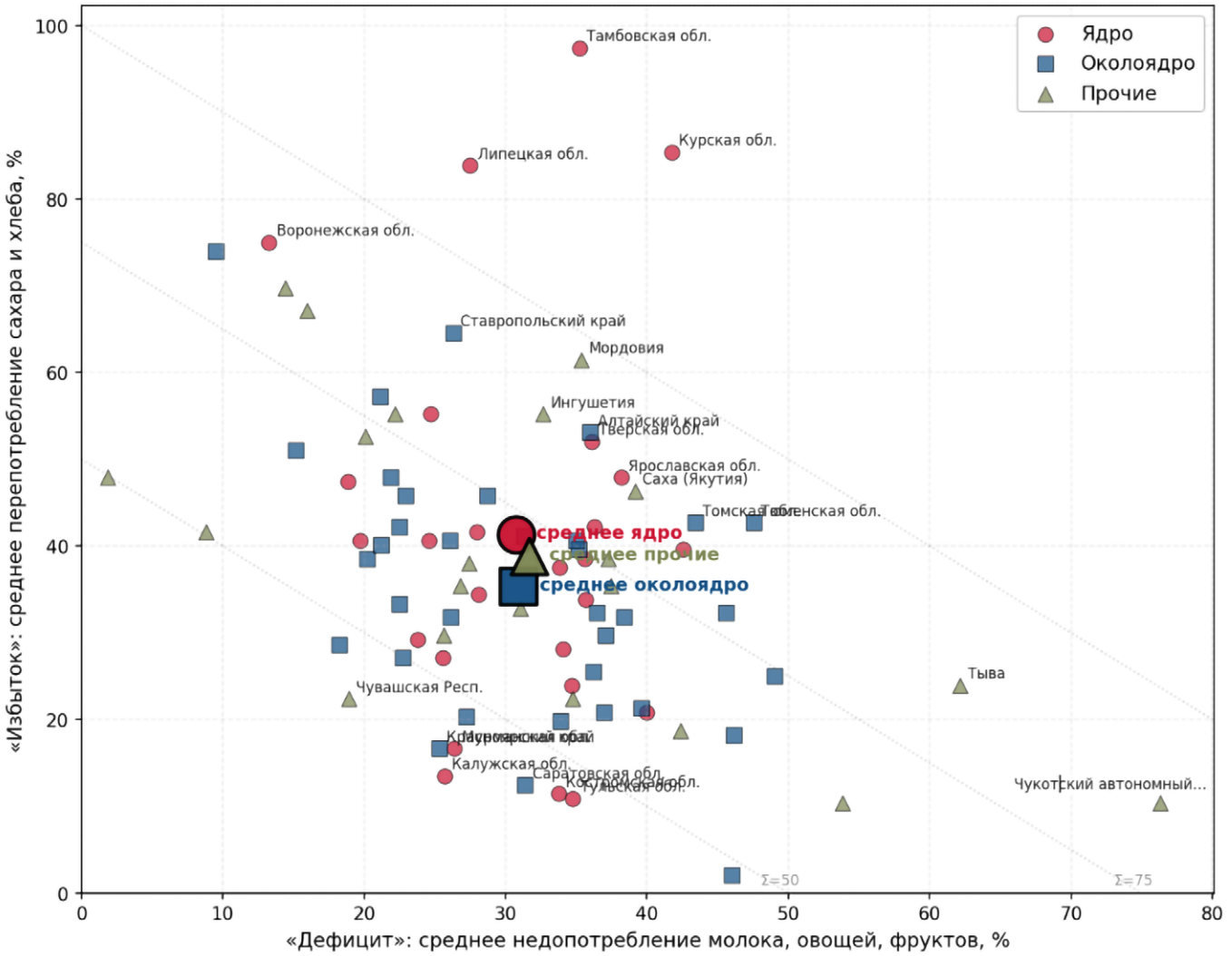

Таблица 16

Сводный индекс по группам (%, среднее значение по регионам группы)

Группа	Индекс дефицита	Индекс избытка	Суммарный индекс
Околоядро (35 регионов)	30,9	35,3	66,3
Прочие (21 регион)	31,6	38,8	70,5
Ядро (26 регионов)	30,7	41,3	72,1

Регионы с наиболее и наименее сбалансированным рационом

Десять регионов с наилучшим сводным индексом (ближе к нормам Минздрава) представлены в табл. 17

Десять регионов с наименее сбалансированным рационом питания представлены в табл. 18.

Бросается в глаза, что нижние четыре строки практически целиком заняты регионами черноземного сахарно-хлебного пояса – Тамбовская (132,6), Курская (127,1), Липецкая (111,3), Воронежская (88,3) области. Это исторические зоны производства сахарной свёклы и зерновых, где сложились очень высокие нормы потребления соответствующих продуктов. Хотя по абсолютным показателям благосостояния и доступа к продовольствию эти регионы вполне благополучны, относительно норм рационального питания их рацион выглядит наименее сбалансированным в стране.

Территориальные пищевые кластеры

Анализ ранжированных таблиц позволяет выделить устойчивые территориальные пищевые кластеры, не вполне совпадающие с разделением «ядро/околоядро/прочие». Это говорит о том, что природно-климатические, аграрно-хозяйственные и культурно-кулинарные факторы формируют параллельную геометрию территориальных различий, наложенную на этнотерриториальную.

Таблица 17

Десять регионов с наилучшим сводным индексом сбалансированности питания (ближе к нормам Минздрава)

№	Регион	Группа	Дефицит	Избыток	Сумма
1	Калужская область	ядро	25,7	13,5	39,2
2	Чувашская Республика	прочие	18,9	22,4	41,3
3	Красноярский край	околоядро	25,3	16,7	42,0
4	Мурманская область	ядро	26,4	16,7	43,0
5	Саратовская область	околоядро	31,4	12,5	43,9
6	Костромская область	ядро	33,8	11,5	45,2
7	Тульская область	ядро	34,8	10,9	45,7
8	Курганская область	околоядро	18,2	28,6	46,9
9	Хабаровский край	околоядро	27,2	20,3	47,5
10	г. Севастополь	околоядро	46,0	2,1	48,1

Таблица 18

Десять регионов с наименее сбалансированным рационом питания

№	Регион	Группа	Дефицит	Избыток	Сумма
73	Республика Ингушетия	прочие	32,7	55,2	87,9
74	Тверская область	ядро	36,1	52,1	88,2
75	Воронежская область	ядро	13,3	75,0	88,3
76	Алтайский край	околоядро	36,0	53,1	89,1
77	Тюменская область	околоядро	47,5	42,7	90,3
78	Ставропольский край	околоядро	26,3	64,6	90,9
79	Республика Мордовия	прочие	35,3	61,5	96,8
80	Липецкая область	ядро	27,5	83,9	111,3
81	Курская область	ядро	41,7	85,4	127,1
82	Тамбовская область	ядро	35,2	97,4	132,6

• **Чернозёмный сахарно-хлебный пояс** (Тамбов, Липецк, Курск, Воронеж, Краснодар, Алтай). Лидеры по сахару и хлебу. Рацион формировался вокруг местного производства сахарной свёклы, зерновых и хлебобулочных изделий. Соответственно – наиболее «несбалансированный» по интегральному индексу.

• **Молочный пояс Поволжья** (Татарстан, Башкортостан, Удмуртия, Чувашия, Мордовия, Оренбург). Лидеры по молоку. Регион с глубоко укоренённой молочной животноводческой традицией и сильными аграрными республиканскими политиками.

• **Фруктово-овощной Юг и Северный Кавказ** (Дагестан, КБР, Краснодар, Волгоград, Астрахань, Адыгея). Лидеры по овощам и фруктам – естественные климатические преимущества плюс развитая традиция семейного овощеводства/садоводства.

• **Подсолнечный пояс** (Краснодар, Ставрополь, Саратов, Оренбург). Лидеры по растительному маслу. Совпадает с зонами товарного производства подсолнечника.

• **Картофельный пояс Брянщины и Поволжья** (Брянская, Орловская области, Марий Эл, Чувашия, Татарстан). Лидеры по картофелю; традиционно сильное приусадебное производство.

• **Дефицитный Север и Восток** (Чукотка, Тыва, Якутия, Магадан, Камчатка, Бурятия). Глубокое недопотребление овощей, фруктов, частично молока. Сочетание климата, логистики и высоких цен.

• **Кластер мегаполисов** (Москва, Санкт-Петербург, Ярославль). Низкое потребление картофеля и хлеба, высокое – яиц и фруктов; рацион ближе к глобальному городскому типу.

Русское ядро (как этно-территориальная категория) одновременно содержит в себе сразу несколько таких кластеров: чернозёмный пояс – крайние южные области ядра (Тамбов, Липецк, Курск, Воронеж), кластер столиц (Москва, СПб), и срединный нечернозёмный массив (Тверская, Костромская, Ярославская, Псковская области), где интегральная сбалансированность рациона колеблется около средней.

Некоторые предложения

• **Региональные программы здорового питания целесообразно дифференцировать по выявленным кластерам**. Для чернозёмного пояса приоритет – снижение потребления сахара и хлебных продуктов; здесь интегральный индекс отклонения от норм наибольший именно из-за избытка, а не дефицита.

• **Для регионов Севера и Востока** (Чукотка, Тыва, Якутия, Бурятия) ключевая проблема – дефицит молочных продуктов, овощей и фруктов; решение лежит в сфере логистики и доступности (включая социальные программы и тепличное хозяйство).

• **Для регионов русского ядра в Нечерноземье** (Тверская, Псковская, Новгородская, Костромская) актуальна модернизация рациона в сторону повышения потребления овощей и фруктов: сегодня они находятся в средней зоне по интегральному индексу, но с устойчиво низкими показателями по овощам (70–92 кг при норме 140).

• **Для национальных республик Поволжья** сохраняется задача поддержания исторически высокого молочного потребления при одновременном расширении доступа к свежим овощам и фруктам.

• **Общероссийская задача – снижение потребления сахара** (сейчас в среднем по РФ 39 кг при норме 24, в 1,6 раза выше) и повышение потребления молочных продуктов (253 кг при норме 325, на 22% ниже). Это направления, по которым ни одна из трёх групп регионов не приближается к рациональным нормам.

***

Иллюзия изобилия и продовольственная деградация

Подводя итоги анализа продовольственного вопроса, эксперты ЦИПКР констатируют: настойчиво внедряемый официальной пропагандой тезис о небывалом гастрономическом изобилии современной России является опасным мифом. За красивыми витринами супермаркетов скрывается глубокий качественный и экономический регресс в структуре питания граждан.

Опираясь на статистические данные, авторы выделяют четыре фундаментальных проблемы:

1. Подмена качества суррогатами (эрзац-изобилие). На смену советскому дефициту логистики пришёл современный капиталистический дефицит качества. Видимость дешевизны базовых продуктов (на примере колбасных изделий) достигается за счёт тотальной замены натурального мяса соевым белком, крахмалом и химическими наполнителями. Реальная же покупательная способность населения в отношении качественных продуктов, соответствующих советским ГОСТам, за 40 лет практически не выросла. Современный покупатель платит не за еду, а за иллюзию выбора.

2. Социально-экономический откат (закон Энгеля). По ключевому индикатору благосостояния нации Россия совершила откат на десятилетия назад. Если в 1990 году советская семья тратила на полноценное питание менее 30% бюджета (имея бесплатную медицину и ЖКХ), то сегодня доля расходов россиян на еду достигла критических 39–42%. Мы скатились к показателям стран с низким уровнем доходов, где граждане вынуждены отдавать почти половину заработанного просто за право не голодать.

3. Катастрофический дисбаланс рациона и удар по здоровью. Структура питания населения грубо нарушена. Недоступность качественного белка, свежих овощей и фруктов компенсируется дешёвыми углеводами и жирами. Перепотребление сахара (на 288% выше нормы Минздрава) и суррогатной молочной продукции спровоцировало национальную эпидемию ожирения (избыточный вес имеют 62% граждан), которая бьёт по демографии и генофонду нации не слабее экономических потрясений.

4. Пищевое неравенство и парадокс русского ядра. Пространственный анализ выявил горькую закономерность: историческое ядро русского народа (особенно Черноземье) демонстрирует наихудший индекс сбалансированности рациона в стране. Русская провинция вынуждена выживать на углеводной модели (хлеб, картофель, сахар), в то время как качественная диета становится привилегией жителей мегаполисов (Москвы и Санкт-Петербурга).

Главный итог: продовольственная безопасность – это не просто физическое наличие товара на полке, а экономическая способность семьи купить здоровую еду, не отказывая себе в базовых жизненных потребностях. *Без смены социально-экономического курса, без опережающего роста реальных доходов трудящихся и введения жесточайшего государственного контроля за составом продуктов (возврата к подлинным ГОСТам) здоровье государствообразующего народа продолжит разрушаться под тяжестью эрзац-капитализма.*

Источник данных: Росстат (бюллетени потребления основных продуктов питания). Расчёт сводного индекса баланса выполнен на основании приказа Минздрава России от 19.08.2016 № 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов». Простой характер индекса ограничивает его интерпретационные возможности; для углублённого анализа целесообразно дополнить методику весами по компонентам и взвешенным усреднением по численности населения регионов.

РАЗДЕЛ V. НЕКОТОРЫЕ ОСТРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ РУССКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5.1. Двенадцать индикаторов социально-экономического положения регионов русского ядра

Методология. Как и в предыдущих разделах, для целей анализа регионы России разделены на пять групп на основании этнической и исторической принадлежности к русскому народу. Кроме того, внутри ядра выделены две крупнейшие столичные агломерации в отдельные подгруппы, поскольку их присутствие в составе общего ядра нивелирует реальное положение в исторической русской глубинке.

Анализируются 12 показателей социально-экономического развития по данным за 2024–2026 годы (FinExpertiza, Росстат, Центральный банк Российской Федерации). Каждая группа сравнивается:

1) со средним значением по Российской Федерации без регионов Новороссии (85 регионов),

2) с группой «прочие»,

3) с ТОП-10 лучших регионов по данному показателю.

1. Медианная зарплата к стоимости фиксированного набора товаров и услуг

В табл. 1 приведено отношение чистой медианной зарплаты к стоимости фиксированного набора товаров и услуг в 2025 году (чем выше, тем лучше).

ТОП-10: Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Магаданская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сахалинская область, Республика Саха (Якутия), Мурманская область, Москва, Иркутская область.

Москва + Московская область: Москва (3,0) и Московская область (2,7) – обе выше среднего по Российской Федерации на 16,7%, что обусловлено высокими зарплатами на крупном агломерационном рынке труда.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: Санкт-Петербург (2,9) и Ленинградская область (2,8) также выше среднего по стране на 16,7%, хотя отрыв от ТОП-10 (–23,6%) велик: столицы уступают ресурсным регионам с северными надбавками.

Остальное ядро: Остальное ядро – на 8,9%

Таблица 1

Отношение чистой медианной зарплаты к стоимости фиксированного набора товаров и услуг (раз, 2025 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	2,441	–	–	–
Москва + Московская обл.	2,850	+16,8%	+11,2%	–23,4%
Санкт-Петербург + Ленинградская обл.	2,850	+16,8%	+11,2%	–23,4%
Остальное ядро (40 регионов)	2,224	–8,9%	–13,2%	–40,2%
Околоядро (12 регионов)	2,345	–3,9%	–8,5%	–37,0%
Прочие регионы	2,562	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	3,720	–	–	–

Таблица 2

Соотношение среднедушевых доходов и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг (раз, 2025 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	2,533	–	–	–
Москва + Московская область	3,850	+52,0%	+48,2%	–8,5%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	2,970	+17,3%	+14,4%	–29,4%
Остальное ядро (40 регионов)	2,429	–4,1%	–6,5%	–42,3%
Околоядро (12 регионов)	2,337	–7,7%	–10,0%	–44,5%
Прочие регионы	2,597	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	4,209	–	–	–

ниже среднего по Российской Федерации и на 13,2% ниже «прочих» регионов. Ивановская (1,8), Тамбовская, Псковская, Костромская, Орловская области (2,0–2,1) – в числе беднейших по этому показателю в стране.

Околоядро: *Околоядро на 3,9% ниже среднего по стране.* Пензенская (1,8), Саратовская (1,9) области тянут вниз, тогда как Тюменская (2,8), Омская (2,5) области, Пермский край (2,6) близки к столичным значениям.

2. Доходы населения и фиксированный потребительский набор

Соотношение среднедушевых доходов и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в 2025 году показано в табл. 2 (чем выше, тем лучше).

ТОП-10: Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Москва, Магаданская область, Сахалинская область, Санкт-Петербург, Московская область, Мурманская область, Республика Адыгея.

Москва + Московская область: Москва (4,46) и Московская область (3,24) – единственная подгруппа русского ядра, уверенно опережающая и среднероссийский уровень (+52%), и «прочие» регионы (+48%). Близки к ТОП-10 (–8,6%).

Санкт-Петербург + Ленинградская область: Санкт-Петербург (3,46) и Ленинградская (2,48) дают среднее 2,97 – выше среднего по стране на 17,3%. Без Ленинградской области, которая существенно тянет вниз (разрыв с городом в 1,4 раза), позиция группы была бы ещё сильнее.

Остальное ядро: Остальное ядро на 4,1% ниже среднего по Российской Федерации. Характерны сильные разрывы: Нижегородская (2,98), Орловская (2,92), Липецкая (2,76) против Владимирской (1,99) и Вологодской (2,05) областей.

Околоядро: Наихудший результат среди всех пяти групп: –7,7% к среднему по стране. Пензенская (1,80), Саратовская (1,87), Самарская (1,94) области – в нижней трети общероссийского рейтинга по доходам.

3. Доля занятых с зарплатой ниже 45 тысяч рублей

Процент работающих с заработной платой ниже 45 тысяч рублей в месяц в 2024 году представлен в табл. 3 (чем ниже процент, тем лучше).

ТОП-10: Магаданская область, Камчатский край, Чукотский автономный округ, Мурманская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Сахалинская область, Москва.

Москва + Московская область: Москва (6,6%) и Московская область (14,3%) – второй и третий лучшие результаты после северных регионов. В среднем по группе 10,45% – на 67% лучше среднероссийского значения.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: Санкт-Петербург (10,6%) и Ленинградская область (18,0%) – также заметно лучше среднего

Таблица 3

Доля занятых с зарплатой ниже 45 тыс. рублей (%, 2024 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	31,7%	–	–	–
Москва + Московская область	10,4%	–67,0%	–65,7%	+212,9%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	14,3%	–54,9%	–53,1%	+328,1%
Остальное ядро (40 регионов)	35,9%	+13,1%	+17,6%	+973,4%
Околоядро (12 регионов)	33,6%	+6,1%	+10,3%	+907,3%
Прочие регионы	30,5%	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	3,340	–	–	–

(–54,9%). Санкт-Петербург близок к Московской области, но Ленинградская уже уступает многим регионам.

Остальное ядро: Острейшая проблема: 35,9% – на 13,1% хуже среднего по стране и на 17,6% хуже «прочих». Ивановская (49,9%), Орловская (46,8%), Тамбовская (47,2%), Псковская (44,5%), Смоленская (42,2%), Брянская (41,7%) области – практически половина работников исторических центров получает менее 45 тыс. рублей в месяц.

Околоядро: на 6,1% хуже среднего по Российской Федерации. Саратовская (44,4%), Пензенская (41,5%), Самарская (39,8%) области повторяют картину, характерную для периферии остального ядра.

4. Благосостояние семьи с двумя детьми

Потенциальный остаток средств среднестатистической семьи с двумя детьми после минимальных расходов в 2025 году (в рублях в месяц) показан в табл. 4 (чем выше остаток, тем лучше).

ТОП-10: Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Магаданская область, Москва, Ненецкий автономный округ, Сахалинская область, Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Московская область.

Москва + Московская область: более чем вдвое выше среднего по стране (+108,2%). Москва (66 780 руб.) и Московская область (52 879 руб.) – в ТОП-10 страны. Близки к уровню Республики Саха (Якутия) и уступают только северным ресурсным регионам.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: на 71,1% выше среднего по Российской Федерации. Санкт-Петербург (57 601 руб.) в ТОП-10, но Ленинградская область (40 769 руб.) уже заметно ниже и «разбавляет» среднее значение группы до 49 185 руб.

Остальное ядро: на 18,5% ниже среднего по стране и на 19,3% ниже «прочих». Ивановская (2 670 руб.), Псковская (8 079 руб.), Смоленская (11 568 руб.), Костромская (12 235 руб.) области – фактически у черты нулевого или отрицательного баланса для семьи с детьми. Остальное ядро – наиболее уязвимая группа по этому показателю.

Околоядро: практически равно среднему по Российской Федерации (–0,7%). Пермский край (38 720 руб.) и Челябинская область (32 000 руб.) тянут вверх, Пензенская (14 200 руб.) и Саратовская (15 500 руб.) области – вниз.

5. Расходы на жилищно-коммунальное хозяйство

Доля потребительских расходов семьи на оплату жилищно-коммунальных услуг и топлива в 2025 году отражена в табл. 5 (чем ниже доля, тем лучше).

ТОП-10: Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Астраханская область, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Белгородская область, Республика Адыгея, Чеченская Республика, Севастополь, Брянская область.

Москва + Московская область: Единственная подгруппа ядра, где расходы на ЖКХ заметно выше среднего (+9,8%). Москва (10,7%) – одна из самых высоких нагрузок в стране в абсолютных

Таблица 4

Потенциальный остаток средств семьи с двумя детьми после минимальных расходов (руб./мес., 2025 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	28 743 руб.	–	–	–
Москва + Московская область	59 830 руб.	+108,2%	+106,0%	–15,3%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	49 185 руб.	+71,1%	+69,3%	–30,3%
Остальное ядро (40 регионов)	23 439 руб.	–18,5%	–19,3%	–66,8%
Околоядро (12 регионов)	28 555 руб.	–0,7%	–1,7%	–59,6%
Прочие регионы	29 044 руб.	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	70 607 руб.	–	–	–

Таблица 5

Доля расходов на ЖКХ и топливо в потребительских расходах семьи (%, 2025 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	9,292	–	–	–
Москва + Московская область	10,2%	+9,8%	+9,9%	+54,1%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	9,650	+3,9%	+3,9%	+45,8%
Остальное ядро (40 регионов)	9,181	–1,2%	–1,1%	+38,7%
Околоядро (12 регионов)	9,295	+0,0%	+0,1%	+40,4%
Прочие регионы	9,285	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	6,620	–	–	–

рублях (10 875 руб./мес.), хотя ТОП-10 страны составляют регионы с совсем другой структурой доходов и расходов.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: незначительно выше среднего по стране (+3,9%). Санкт-Петербург (8,8%) – умеренная доля, Ленинградская область (10,5%) – выше среднего.

Остальное ядро: Единственная подгруппа ядра с нагрузкой ЖКХ ниже среднего по Российской Федерации (–1,2%). Белгородская (7,0%), Брянская (7,5%), Калужская (7,7%), Орловская (8,0%) области – в числе благополучных. Зато Новгородская (13,6%), Смоленская (11,1%), Тульская (11,2%) области дают аномально высокие значения.

Околоядро: практически равно среднему по стране (–0,0%). Наилучшие в группе – Новосибирская (7,9%), Курганская (8,2%), Кировская (8,2%) области, наихудшие – Самарская (10,9%), Тюменская (10,6%) области.

6. Уровень бедности

Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в 2024–2025 годах представлена в табл. 6 (чем ниже доля, тем лучше).

ТОП-10: Ямало-Ненецкий автономный округ, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Москва, Чукотский автономный округ, Белгородская область, Московская область, Сахалинская область, Ленинградская область, Воронежская область.

Москва + Московская область: Среднее 4,5% – практически на уровне ТОП-10 (4,476%). Москва (4,1%) и Московская область (4,9%) входят в 10 лучших регионов страны. Лидерство объясняется концентрацией высокодоходных рабочих мест.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: Санкт-Петербург (3,5%) – второй лучший результат в стране, входит в ТОП-10. Ленинградская область (5,4%) – также в числе лидеров. Столичные агломерации демонстрируют исторически наименьший уровень бедности.

Остальное ядро: Бедность 7,31% – на 19,3% ниже среднего по Российской Федерации и на 30,7% лучше «прочих» (10,55%). Значимое социальное преимущество: Воронежская (5,4%), Белгородская (4,4%), Нижегородская (5,6%), Калужская (5,9%), Липецкая (6,0%), Курская (6,3%) области – в верхней трети страны. Хуже всех в группе: Псковская (9,9%), Брянская (9,1%), Рязанская (9,4%) области.

Околоядро: на 2,7% ниже среднего по стране – умеренное преимущество. Мурманская область (5,5%), Пермский край (7,1%) сдерживают, тогда как Саратовская (10,7%), Омская (10,2%), Пензенская (9,8%) области тянут вниз.

7. Ввод жилья на одного жителя

В табл. 7 показан ввод жилья на одного жителя в 2025 году в квадратных метрах (чем выше значение, тем лучше).

ТОП-10: Ленинградская область, Тюменская область, Республика Алтай, Чеченская Республика, Московская область, Республика Тыва, Республика Адыгея, Калининградская область, Краснодарский край, Калужская область.

Таблица 6

Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (%, 2024–2025 гг.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	9,053	–	–	–
Москва + Московская область	4,500	–50,3%	–57,3%	+0,5%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	4,450	–50,8%	–57,8%	–0,6%
Остальное ядро (40 регионов)	7,310	–19,3%	–30,7%	+63,3%
Околоядро (12 регионов)	8,810	–2,7%	–16,5%	+96,8%
Прочие регионы	10,5%	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	4,476	–	–	–

Таблица 7

Ввод жилья на одного жителя (кв. м, 2025 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	0,698	–	–	–
Москва + Московская область	0,992	+42,1%	+41,5%	–32,1%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	1,264	+81,1%	+80,3%	–13,5%
Остальное ядро (40 регионов)	0,644	–7,7%	–8,1%	–55,9%
Околоядро (12 регионов)	0,665	–4,7%	–5,1%	–54,5%
Прочие регионы	0,701	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	1,461	–	–	–

Таблица 8

Доля семей, способных купить квартиру по рыночной ипотечной ставке (%, 2025 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	17,0%	–	–	–
Москва + Московская область	13,8%	−18,4%	−24,0%	−60,9%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	11,8%	−30,8%	−35,6%	−66,8%
Остальное ядро (40 регионов)	16,4%	−3,2%	−9,8%	−53,6%
Околоядро (12 регионов)	15,9%	−6,4%	−12,9%	−55,1%
Прочие регионы	18,2%	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	35,4%	–	–	–

Москва + Московская область: на 42% выше среднего по стране. Московская область (1,425) – в ТОП-10 страны. Москва (0,558) строит мало на душу: при огромном абсолютном вводе (7 394 тыс. кв. м) численность населения делает показатель на душу умеренным.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: Наилучший показатель среди всех пяти групп: +80,9% к среднему по Российской Федерации. Ленинградская область (2,051) – абсолютный лидер страны. Санкт-Петербург (0,476) аналогично Москве имеет скромный подушевой ввод.

Остальное ядро: на 7,8% ниже среднего по стране. Большинство регионов строят 0,4–0,8 кв. м. Архангельская (0,482), Брянская (0,413) области, Санкт-Петербург (0,476) – в нижней трети. Лишь Калужская область (0,99) – в ТОП-10.

Околоядро: на 4,7% ниже среднего по Российской Федерации. Тюменская область (1,816) – в ТОП-10, Краснодарский край (1,068) – также выше среднего. Но Кемеровская (0,364), Томская (0,373) и Омская (0,509) области – среди отстающих.

8. Доступность ипотеки

В табл. 8 приведена доля семей, способных купить квартиру по рыночной ипотечной ставке в 2025 году (чем выше, тем лучше).

ТОП-10: Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Чукотский автономный округ, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Магаданская область, Республика Коми, Сахалинская область, Камчатский край, Красноярский край.

Москва + Московская область: хуже среднего по стране на 18,4% и хуже «прочих» на 24,0%. Парадокс: высокие доходы сочетаются с экстремально высокими ценами на жильё. В Москве (12,3%) купить квартиру в ипотеку может лишь одна из восьми семей.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: Наихудший показатель в ядре: −30,8% к среднему по Российской Федерации и −35,6% к «прочим». В Санкт-Петербурге (9,2%) ипотека доступна лишь каждой 11-й семье – почти как в Краснодарском крае (6,7%). Дорогой рынок недвижимости при высоком уровне доходов делает покупку жилья для большинства нереальной.

Остальное ядро: почти на уровне среднего по стране (−3,2%). Лучшие: Липецкая (21,6%), Тульская (20,7%), Вологодская (19,7%), Калужская (19,4%) области. Худшие: Нижегородская (13,6%), Орловская (13,6%), Тамбовская (12,3%) области.

Околоядро: на 6,4% ниже среднего по Российской Федерации. Краснодарский край (6,7%) – в числе самых недоступных по ипотеке в стране. Лучшие: Пермский край (21,8%), Оренбургская (22,1%), Челябинская (23,1%), Кемеровская (25,3%) области.

9. Просроченная задолженность населения

В табл. 9 представлена доля просроченной задолженности населения перед банками по состоянию на март 2026 года (чем ниже значение, тем лучше).

ТОП-10: Севастополь, Республика Крым, Санкт-Петербург, Чувашская Республика, Республика Саха (Якутия), Москва, Республика Татар-

Таблица 9

Доля просроченной задолженности населения перед банками (%, март 2026 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs Прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	5,339	–	–	–
Москва + Московская область	4,050	−24,1%	−31,4%	+19,8%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	3,760	−29,6%	−36,3%	+11,2%
Остальное ядро (40 регионов)	4,804	−10,0%	−18,6%	+42,1%
Околоядро (12 регионов)	5,062	−5,2%	−14,2%	+49,7%
Прочие регионы	5,902	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	3,381	–	–	–

стан, Удмуртская Республика, Нижегородская область, Архангельская область.

Москва + Московская область: Москва (3,48%) входит в ТОП-10 страны. Московская область (4,62%) – выше, но всё равно ниже среднего. В целом группа на 24,1% лучше среднего по стране и на 31,4% лучше «прочих».

Санкт-Петербург + Ленинградская область: Лучший результат среди всех групп: –29,6% к среднему по Российской Федерации. Санкт-Петербург (3,23%) – третий лучший регион в стране. Финансовая дисциплина в обеих столичных агломерациях наиболее высокая.

Остальное ядро: на 10,0% ниже среднего по стране и на 18,6% лучше «прочих» – важное социальное преимущество. В ТОП-10 страны входят Нижегородская (3,66%) и Архангельская (3,72%) области. Хуже всех в группе – Тамбовская (6,29%), Ивановская (5,36%), Псковская (5,39%) области.

Околоядро: на 5,2% лучше среднего по стране. Пензенская (4,26%), Тюменская (4,20%), Свердловская (4,08%) области – хорошая дисциплина. Кемеровская (6,06%) и Саратовская (5,73%) области, Краснодарский край (5,69%) ухудшают картину.

10. Закредитованность населения

Соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплаты на начало 2026 года показано в табл. 10 (чем ниже процент, тем лучше).

ТОП-10: Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Москва, Республика Крым, Магаданская область, Севастополь, Ненецкий автономный округ, Камчатский край.

Москва + Московская область: лучший результат в ядре: –20,5% к среднему по стране. Москва (31,9%) – в ТОП-10 страны (пятое место). Московская область (51,8%) существенно хуже. Высокие доходы Москвы позволяют обслуживать кредиты с меньшей нагрузкой.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: близко к среднему (–3,6%). Санкт-Петербург (47,0%) – умеренная нагрузка, Ленинградская область (54,5%) – несколько выше. В целом агломерация не имеет значимого преимущества.

Остальное ядро: лучше среднего по стране (–4,7%). Лидеры: Липецкая (40,7%), Владимирская (43,3%), Тамбовская (47,1%) области. Аутсайдеры: Архангельская (61,9%), Костромская (61,5%), Орловская (57,1%) области.

Околоядро: единственная группа хуже среднего по Российской Федерации (+6,1%). Тюменская (76,8%), Омская (58,3%) области, Пермский край (60,6%) – в числе наиболее закредитованных регионов страны.

11. Номинальная начисленная заработная плата

В табл. 11 приведена среднемесячная номинальная начисленная заработная плата по полному кругу организаций за 2024 год (в рублях, чем выше сумма, тем лучше).

ТОП-10: Чукотский автономный округ (188 561), Ямало-Ненецкий автономный округ (163 879), Москва (162 572), Магаданская область (156 881), Камчатский край (132 710), Сахалинская область (130 360), Республика Саха (Якутия) (126 868), Ханты-Мансийский автономный округ

Таблица 10

Соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплаты (%, начало 2026 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	52,7%	–	–	–
Москва + Московская область	41,9%	–20,5%	–21,1%	+39,6%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	50,8%	–3,6%	–4,3%	+69,3%
Остальное ядро (40 регионов)	50,2%	–4,7%	–5,4%	+67,4%
Околоядро (12 регионов)	55,9%	+6,1%	+5,4%	+86,4%
Прочие регионы	53,0%	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	30,0%	–	–	–

Таблица 11

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (руб., 2024 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	89 069 руб.	–	–	–
Москва + Московская область	130 889 руб.	+47,0%	+57,6%	–8,0%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	96 250 руб.	+8,1%	+15,9%	–32,4%
Остальное ядро (40 регионов)	64 184 руб.	–27,9%	–22,7%	–54,9%
Околоядро (12 регионов)	67 323 руб.	–24,4%	–18,9%	–52,7%
Прочие регионы	83 041 руб.	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	142 276 руб.	–	–	–

Таблица 12

Прирост среднемесячной номинальной зарплаты за 2018–2024 гг. (%)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	103,7%	–	–	–
Москва + Московская область	92,5%	–10,8%	+0,9%	–21,5%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	85,4%	–17,6%	–6,9%	–27,5%
Остальное ядро (40 регионов)	104,6%	+0,9%	+14,1%	–11,2%
Околоядро (12 регионов)	105,7%	+1,9%	+15,3%	–10,3%
Прочие регионы	91,7%	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	117,8%	–	–	–

– Югра (124 744), Тюменская область* (121 907), Мурманская область (114 277).

Москва + Московская область: выше среднего по стране на 47,0% (130 889 руб.). Москва (162 572 руб.) – в ТОП–3 страны. Московская область (99 205 руб.) – выше среднего. Группа близка к ТОП-10 (–7,3%).

Санкт-Петербург + Ленинградская область: Санкт-Петербург (110 473 руб.) – ТОП–5 страны. Ленинградская область (82 026 руб.) – несколько ниже. Среднее группы (+30,3% к среднему по Российской Федерации) показывает, что вторая по величине агломерация страны даёт высокие доходы, хотя и вдвое уступает Чукотке.

Остальное ядро: наиболее острый дефицит, –27,9% к среднему по стране (64 184 руб. против 89 069 руб.). Ивановская (49 722 руб.), Тамбовская (55 168 руб.), Псковская (54 986 руб.), Орловская (56 134 руб.) области – в нижней трети страны. Без двух столичных агломераций реальная зарплата русского исторического ядра в 1,5 раза ниже официального среднего по Российской Федерации.

Околоядро: на 24,4% ниже среднего по стране. Лучшие: Тюменская область (84 330 без Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов), Мурманская область (82 400), Магаданская область (78 900). Худшие: Пензенская (57 468), Саратовская (58 200), Самарская (61 000) области.

12. Рост номинальной заработной платы в 2018–2024 годах

Прирост среднемесячной номинальной зарплаты за шесть лет (в процентах) отражён в табл. 12 (чем выше процент, тем лучше).

ТОП-10: Чувашская Республика (125,0%), Курганская область (124,5%), Саратовская область (118,6%), Курская область (117,5%), Республика Марий Эл (116,7%), Алтайский край (116,6%), Республика Татарстан (115,4%), Новосибирская область (115,1%), Брянская область (114,6%), Липецкая область (114,2%).

Москва + Московская область: ниже среднего по стране (–10,8%): высокая база 2018 года (83 801 руб.) замедляет относительный рост. Крупные агломерации с изначально высокими зарплатами объективно растут медленнее в процентном выражении.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: Наименьший темп роста среди всех групп (–17,6% к среднему по Российской Федерации). Санкт-Петербург (82,8%) и Ленинградская область (88,0%) также стартовали с высокой базы. Это не означает абсолютного ухудшения – зарплаты выросли почти вдвое.

Остальное ядро: чуть выше среднего по стране (+0,9%) – «догоняющий» тренд. Лидеры: Курская (+117,5%), Брянская (+114,6%), Липецкая (+114,2%), Тульская (+113,1%), Нижегородская (+111,1%) области. Отстающие: Архангельская область (+80,6%) – эффект высокой базы с включёнными северными надбавками.

Околоядро: Лучший результат из всех групп (+1,9% к среднему по Российской Федерации, +15,3% к «прочим»). Лидеры: Саратовская (+118,6%), Пензенская (+112,3%), Омская (+110,4%) области. Это «догоняющий» тренд, хотя абсолютный разрыв остаётся огромным.

Сводная сравнительная таблица

В табл. 13 сведены отклонения каждой группы от среднего по Российской Федерации. Зелёный фон – преимущество (выше нормы для позитивных показателей), красный – отставание. Нейтральный – разрыв менее 1,5%.

* Тюменская область в данных Росстата взята без Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов для корректного сравнения. Архангельская область – без Ненецкого автономного округа.

Таблица 13

Отклонение показателей групп регионов от среднего по Российской Федерации

Показатель	Москва + Московская область	Санкт-Петербург + Ленинградская область	Остальное ядро	Околоядро	Прочие vs РФ
Медианная зарплата (к набору)	+16,8%	+16,8%	−8,9%	−3,9%	+5,0%
Доходы населения (к набору)	+52,0%	+17,3%	−4,1%	−7,7%	+2,5%
Доля занятых с зарплатой < 45 тыс. руб.	−67,0%	−54,9%	+13,1%	+6,1%	−3,8%
Благосостояние семьи с двумя детьми	+108,2%	+71,1%	−18,5%	−0,7%	+1,1%
Расходы на ЖКХ	+9,8%	+3,9%	−1,2%	+0,0%	−0,1%
Уровень бедности	−50,3%	−50,8%	−19,3%	−2,7%	+16,5%
Ввод жилья на жителя	+42,1%	+81,1%	−7,7%	−4,7%	+0,4%
Доступность ипотеки	−18,4%	−30,8%	−3,2%	−6,4%	+7,4%
Просроченная задолженность	−24,1%	−29,6%	−10,0%	−5,2%	+10,5%
Закредитованность населения	−20,5%	−3,6%	−4,7%	+6,1%	+0,7%
Номинальная зарплата (2024 г.)	+47,0%	+8,1%	−27,9%	−24,4%	−6,8%
Рост номинальной зарплаты 2018–2024	−10,8%	−17,6%	+0,9%	+1,9%	−11,6%

Некоторые выводы

Москва и Московская область

Москва и Московская область – единственная подгруппа русского ядра, системно превышающая среднероссийские показатели: по 7 из 12 показателей группа выше среднего по стране. Москва входит в ТОП-10 страны по доходам, уровню бедности, просроченной задолженности, закредитованности и зарплате. Московская область – в ТОП-10 по вводу жилья и благосостоянию семей.

Вместе с тем *у агломерации есть значимые изъяны.* Расходы на ЖКХ – одни из самых высоких по стране (10,7% в Москве). Доступность ипотеки катастрофически низка: в Москве её могут позволить себе лишь 12,3% семей – прямое следствие экстремально дорогого рынка жилья. Рост зарплат 2018–2024 годов (+94%) ниже среднероссийского из-за изначально высокой базы.

Вывод: Московская агломерация – полноценный экономический лидер в составе русского ядра, сопоставимый по ряду показателей с нефтегазовым Севером, но с острейшей жилищной проблемой, делающей покупку недвижимости недоступной для подавляющего большинства жителей.

Санкт-Петербург и Ленинградская область

Вторая столичная агломерация превосходит среднее по Российской Федерации по 6 из 12 показателей. Санкт-Петербург – второй лучший регион страны по уровню бедности (3,5%), третий по просроченной задолженности (3,23%). Ленинградская область – абсолютный лидер страны по вводу жилья (2,051 кв. м на жителя).

Главная проблема – ипотека: в Санкт-Петербурге её могут позволить себе лишь 9,2% семей (один из худших показателей в стране). Дороговизна рынка жилья в сочетании с рыночными ставками делает покупку квартиры практически нереальной. Темп роста зарплат 2018–2024 годов (+85,4%) – наименьший из всех пяти групп: результат изначально высокой базы.

Вывод: Санкт-Петербургская агломерация демонстрирует стабильно сильные социальные показатели при критической жилищной недоступности. По уровню бедности и финансовой дисциплине – в числе лучших по стране.

Остальное ядро (40 регионов)

Это ключевая группа для понимания реального положения большинства русских, именно здесь сосредоточены исторические центры – Ярославль, Тверь, Псков, Новгород, Орёл, Тамбов, Смоленск, а также крупные регионы Юга (Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская области) и Сибири (Кемеровская, Новосибирская и Иркутская области, Красноярский край). Группа превышает среднее по стране лишь по 3 из 12 показателей (бедность, просроченная задолженность, рост зарплат). По остальным 9 – ниже среднего или значительно ниже.

Наиболее острые проблемы: зарплата ниже среднего по стране на 27,9% (64 184 руб. при среднем значении 89 069 руб.); доля получающих менее 45 тыс. руб. – на 13,1% выше среднего; благосостояние семьи с двумя детьми – на 18,5% ниже среднего и на 19,3% ниже «прочих»; доступность ипотеки – ниже «прочих» на 9,8%.

Вместе с тем остальное ядро обладает значимыми социальными достоинствами: уровень бедности (7,31%) на 19,3% ниже среднего по стране и на 30,7% лучше, чем у «прочих», то есть при от-

носительно низких доходах распределение более равномерное. Просроченная задолженность (4,80%) лучше среднего на 10,0%.

Вывод: остальное ядро находится в положении бедном, но социально устойчивом – низкие доходы сочетаются с более низким неравенством и лучшей финансовой дисциплиной, чем в большинстве регионов страны. Это территория с хроническим экономическим отставанием при сохранённых социальных институтах.

Околоядро – показатели ниже среднероссийских

Околоядро показывает результаты, близкие к остальному ядру, – и также преимущественно ниже среднероссийского уровня. По 5 из 12 показателей хуже среднего по стране (доходы, доля с низкой зарплатой, закредитованность, ввод жилья, доступность ипотеки). По 4 показателям – незначительно лучше (бедность, просрочка, рост зарплат, благосостояние).

Ключевая тревога – закредитованность: околоядро (+6,1% к среднему по Российской Федерации) хуже всех пяти групп. Тюменская (76,8%), Омская (58,3%) области, Пермский край (60,6%) – в числе наиболее обременённых долгами регионов страны. *Сочетание невысоких доходов и высокой долговой нагрузки создаёт финансовую уязвимость населения.*

Позитив – высокий темп роста зарплат 2018–2024 годов (+105,7%): именно в околоядре сконцентрированы лидеры роста среди своих регионов (Саратовская, Пензенская, Омская области). *Это «догоняющий» тренд, хотя абсолютный разрыв остаётся огромным.*

Околоядро – наиболее финансово уязвимая подгруппа русских регионов: сочетает умеренные доходы с высокой закредитованностью. При этом демонстрирует лучшую динамику роста зарплат, что при правильных структурных условиях может стать основой для улучшения положения.

Обобщающие выводы

Первое. Роль столичных агломераций в статистике. Ранее объединённое ядро показывало умеренные средние значения, скрывая катастрофический разрыв внутри группы. После разделения видно: без Москвы и Санкт-Петербурга остальное ядро уступает среднему по стране сразу на 27,9% по номинальной зарплате. Большинство регионов «исторической России» живут существенно хуже среднероссийского уровня, который искусственно завышен столицами и Севером.

Второе. Структурная природа отставания. Преимущество «прочих» регионов по зарплатам объясняется исключительно северными и дальневосточными надбавками, а не более высокой производительностью экономики. При этом по уровню бедности «прочие» (10,55%) уступают всем группам русского ядра.

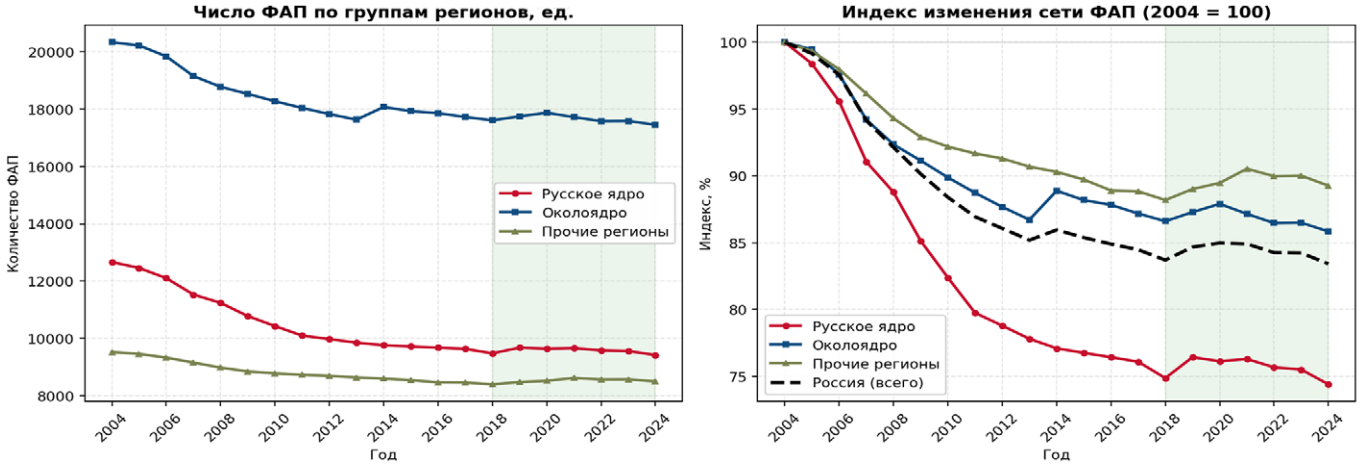
Третье. Жилищная проблема. Ипотека по рыночным ставкам недоступна во всех четырёх подгруппах: столичные агломерации страдают от дороговизны жилья, провинциальное ядро – от низких доходов. Это системный барьер для демографического и имущественного воспроизводства.

Четвёртое. Социальная устойчивость при экономическом отставании. Остальное ядро и околоядро демонстрируют лучшие показатели бедности и финансовой дисциплины, чем средняя Россия. Это говорит о том, что традиционные социальные практики частично компенсируют экономическое отставание – но не могут его отменить.

Пятое. Необходимость дифференцированной региональной политики. Четыре рассмотренные подгруппы имеют принципиально разные проблемы и требуют разных мер: для столичных агломераций – регулирование рынка жилья; для остального ядра – повышение производительности и зарплат; для околоядра – снижение долговой нагрузки и развитие промышленной базы.

Рисунок 1

Динамика числа ФАП по группам регионов, 2004–2024 гг.

5.2 Динамика деградации и последующего восстановления сети фельдшерско-акушерских пунктов в регионах русского ядра (2004–2024 гг.).

Методология

Под русским ядром, как и в предыдущих разделах, понимается совокупность 44 субъектов Российской Федерации с долей русского населения, как правило, превышающей 90%. *Итого 44 субъекта.*

Под околоядром понимается совокупность 12 субъектов с долей русского населения в диапазоне 85–90%. Всего 12 субъектов.

В категорию «прочие регионы» отнесены национальные республики, автономные округа, а также ряд регионов с более высоким этническим разнообразием.

Разделение регионов РФ по категориям «ядро» и «околоядро» носит аналитический характер и опирается на этнотерриториальный подход, принятый в отечественной географии (работы Б.Б. Родомана, Д.Б. Орешкина, В.Л. Каганского). Их применение позволяет анализировать дифференциацию социально-инфраструктурных процессов в этнически разных частях единого российского пространства.

Общая динамика сети фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП)

Сеть фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов является базовым звеном сельского здравоохранения России и ключевым показателем доступности медицинской помощи в малых населённых пунктах. За 2004–2024 гг. в её развитии чётко прослеживаются три фазы (рис. 1):

2004–2013 гг. – фаза интенсивной оптимизации: сеть сократилась на 14,8% (с 42 523 до 36 225 ед.). Сокращение шло в среднем на 700 ФАП в год.

2014–2018 гг. – фаза замедления: годовое сокращение упало до 130–200 ФАП. Локально (Крым, Севастополь) сеть расширялась за счёт интеграции новых субъектов.

2019–2024 гг. – фаза стабилизации в рамках национального проекта «Здравоохранение»: ежегодные колебания в пределах ±0,5%. Резкое сокращение прекращено, но и заметного восстановления не произошло – сеть так и не вернулась к уровню 2013 года.

Сеть ФАП в регионах русского ядра

Регионы русского ядра демонстрируют наиболее глубокое и длительное сокращение сети ФАП – с 24 486 ед. в 2004 г. до 19 169 ед. в 2024 г. (–21,7%, или –5 317 единиц).

Доля ФАП в регионах ядра в общероссийской сети ФАП за 20 лет снизилась с 57,6% до 54,0%. Среднее число ФАП на один регион ядра сократилось с 556 до 435 единиц.

Минимум по ядру достигнут именно в 2024 г. – то есть, в отличие от страны в целом, регионы ядра ещё не вышли из понижательного тренда. Это свидетельствует о том, что демографические и расселенческие процессы (депопуляция сельских территорий Центральной России и Северо-Запада) продолжают подталкивать оптимизацию сети.

Наиболее глубокое падение зафиксировано в регионах с устойчиво сокращающимся сельским населением (табл. 14).

Из 43 регионов ядра *(без Санкт-Петербурга, где ФАП фактически отсутствуют)* более половины – 23 субъекта – сократили сеть более чем на 20%. Лишь в Калининградской области сеть вернулась к уровню 2004 г. Положительная динамика после 2018 г. отмечена в Ленинградской (+21,8%), Тульской (+19,9%), Ивановской (+16,7%), Калининградской (+15,5%) и Владимирской (+9,8%) областях, а также в ряде регионов Сибири и Дальнего Востока – это результат либо развития пригородных территорий мегаполисов, либо точечного восстановления сети по линии нацпроекта.

Таблица 14

Регионы русского ядра с наибольшим сокращением сети ФАП

Регион ядра	2004	2013	2024	Изм. 2004–2024
Псковская область	539	347	263	–51,2%
Ленинградская область	370	200	229	–38,1%
Новгородская область	382	255	240	–37,2%
Рязанская область	791	532	497	–37,2%
Тверская область	857	566	556	–35,1%
Курская область	760	628	539	–29,1%
Калужская область	522	380	375	–28,2%
Архангельская область (без НАО)	584	449	424	–27,4%

Сеть ФАП в регионах околоядра

Околоядро – группа из 12 субъектов федерации: 6 199 ФАП в 2004 г. и 5 211 – в 2024 г. (–15,9%, или –988 единиц). Доля околоядра в общероссийской сети сохранилась на сопоставимом уровне – 14,6% в 2004 г. и 14,7% в 2024 г., что отражает относительно более устойчивую динамику по сравнению с ядром.

Среднее число ФАП на один регион околоядра (434 ед. в 2024 г.) сопоставимо со средним по ядру (435 ед.). В составе группы выделяются Саратовская (759 ФАП в 2024 г.), Омская (~760), Пермский край (681) и Самарская (570) области как наиболее крупные по сети.

Среди регионов околоядра наиболее значительное сокращение характерно для следующих регионов (табл. 15).

В то же время в околоядре заметно больше регионов с относительно стабильной или даже растущей сетью. Минимальное сокращение зафиксировано в Забайкальском крае (–1,0%), Омской области (–4,4%), Мурманской области (–6,7%), Тюменской области без АО (–9,0%) и Магаданской области (–10,0%). Камчатский край показал рост более чем в полтора раза (с 18 до 32 ФАП). Из 12 регионов околоядра лишь 3 (25%) сократили сеть более чем на 20% (Пензенская, Саратовская, Пермский край), тогда как в ядре таких – 23 из 43 (53%).

Сопоставление динамики: ядро, околоядро и прочие регионы

Сравнение трёх групп регионов выявляет устойчивую закономерность: **чем выше доля русского населения и чем дольше регион входит в зону русского расселения, тем глубже сокращение сети ФАП за 2004–2024 гг.** (табл. 16).

Содержательно картину можно интерпретировать следующим образом:

• **Депопуляция сельской местности – ключевой драйвер сокращения сети. Она наиболее выражена именно в русском Нечерноземье** (Псковская, Тверская, Новгородская, Костромская обл.) и в депрессивных частях ядра – отсюда самые глубокие провалы.

• **Околоядро (12 регионов) теряет сеть ФАП несколько медленнее расширенного ядра, а в ряде субъектов даже наращивает её** – прежде всего там, где идёт активное освоение или приток населения (Камчатский край). Регионы ядра, включающие субъекты Сибири и Дальнего Востока, в 2018–2024 гг. демонстрировали более устойчивую динамику, чем депрессивное Нечерноземье.

• **Национальные республики (Дагестан, Чечня, Башкортостан, Татарстан и др.), формирующие основную массу группы «прочих», сохраняют сеть лучше всего**. У этого есть как объективные причины (высокая рождаемость, преобладание сельского образа жизни, полити-

Таблица 15

Регионы русского околоядра с наибольшим сокращением сети ФАП

Регион околоядра	2004	2013	2024	Изм. 2004–24
Самарская область	700	595	570	–34,8%
Республика Карелия	460	390	380	–30,6%
Пензенская область	671	538	494	–26,4%
Саратовская область	1 013	826	759	–25,1%
Пермский край	897	625	681	–24,1%
Челябинская область	608	560	550	–24,0%
Тюменская область (без АО)	418	395	380	–21,8%

Таблица 16

Сводные показатели динамики ФАП по группам регионов

Группа регионов	2004, ед.	2024, ед.	Изменение	Доля в РФ, 2004	Доля в РФ, 2024
Русское ядро (44 региона)	24 486	19 169	–21,7%	57,6%	54,0%
Около ядро (12 регионов)	6 199	5 211	–15,9%	14,6%	14,7%
Прочие регионы	11 838	11 093	–6,3%	27,8%	31,3%
РФ всего	42 523	35 473	–16,6%	100,0%	100,0%

чески чувствительный характер сельской социальной инфраструктуры), так и институциональные (особенности межбюджетных отношений и приоритетов региональных властей).

Эффект национального проекта «Здравоохранение» (2019–2024)

Запуск национального проекта «Здравоохранение» с подпрограммой развития первичной медико-санитарной помощи привёл к радикальному изменению тренда. С 2018 по 2024 г. сокращение сети в РФ замедлилось до –0,3% (35 592 → 35 473), а в 2019–2021 гг. впервые за 15 лет фиксировалось увеличение.

Однако распределение эффектов по группам регионов оказалось не вполне симметричным:

• Русское ядро: –0,5% за 2018–2024 гг. Несмотря на стабилизацию, ядро так и не вышло из понижательного тренда. Точечный прирост сети в ряде регионов (Ленинградская, Тульская, Ивановская области, ряд субъектов Сибири и ДВФО) компенсировался продолжающимся сокращением в Псковской (–24,2%), Курской (–10,5%), Смоленской (–10,5%) областях.

• Околоядро: –0,6%. Также близко к нулю; точки роста – Камчатка, Магаданская область, Забайкальский край.

• Прочие регионы: +1,2% за 2018–2024 гг. – единственная группа с уверенным восстановительным трендом.

Таким образом, нацпроект позволил остановить разрушение сети, но не запустил её восстановление на территориях, где сокращение было наиболее глубоким. Это означает, что для регионов русского ядра требуется не только удержание текущего числа точек, но и опережающие меры по восполнению инфраструктурного дефицита, накопленного за 2004–2013 гг.

Некоторые выводы

Двадцатилетняя динамика сети фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) в Российской Федерации демонстрирует резкую территориальную асимметрию. Регионы русского ядра – историческое сердце страны – понесли наибольшие потери: каждый пятый ФАП, существовавший в 2004 г., был закрыт. Это превышает общероссийские темпы в 1,3 раза и темпы «прочих» регионов в 3,4 раза.

Сокращение сети ФАП в ядре в первую очередь является отражением долгосрочной депопуляции русского села в Нечерноземье и на Северо-Западе, однако его масштабы свидетельствуют о том, что инфраструктурный ответ на эту депопуляцию был организован преимущественно через оптимизацию, а не через переформатирование модели сельской медицинской помощи. Околоядро прошло этот период с меньшими потерями, а национальные республики фактически сохранили базовую сеть.

Принципиальный вопрос текущего этапа – будет ли стабилизация, достигнутая после 2018 г., конвертирована в восстановление сети именно там, где её утраты были наиболее тяжёлыми? Без целевых программ, ориентированных конкретно на исторически русские регионы Центрального и Северо-Западного федеральных округов, тенденция дальнейшего относительного отставания этих территорий по доступности первичной медицинской помощи сохранится.

Материал подготовлен на основании исходных данных, представленных в ответе Минздрава России на депутатский запрос С.П. Обухова. Разделение регионов РФ по категориям «ядро» и «околоядро» носит аналитический характер и опирается на этнотерриториальный подход, принятый в отечественной географии.

5.3. Оптимизация здравоохранения 2013–2024 гг. и демографические потери русского ядра

Источник данных: исследование «Равенство. Медиа» по данным Росстата и Минздрава РФ; данные по 85 субъектам РФ. Корреляция R = –0,40 (взвешенная по числу медиков), уравнение регрессии y = 0,33x – 17. Классификация регионов: Всероссийская перепись 2020 г.

Методология. Анализ проведён на основе данных исследования «Равенство.Медиа», включающего сведения о численности медицинских работников государственных и муниципальных учреждений здравоохранения по 85 субъектам РФ за 2013 и 2024 гг. *(источник: Росстат/Минздрав, fedstat.ru)*, а также данных о смертности граждан трудоспособного возраста (16–59/54 лет для мужчин/женщин) за 2013 и 2023 гг. в расчёте на 100 000 человек соответствующего возраста.

Три показателя формируют основу анализа:

1) относительное изменение численности медработников бюджетных учреждений за 2013–2024 гг., %;

2) численность медработников бюджетных учреждений на 2024 г., человек;

3) относительное изменение смертности трудоспособного населения за 2013–2023 гг., %.

Методология корреляционного анализа: коэффициент корреляции R = –0,40 получен взвешиванием по числу медработников в регионе на конец периода, что снижает влияние малонасе-

лённых регионов (Ненецкий АО, Чукотка) с экстремальными значениями. Уравнение регрессии y = 0,33x – 17 позволяет оценить ожидаемое изменение смертности при заданном сокращении медиков.

Настоящий анализ использует уже описанную в предыдущих разделах этнодемографическую типологию на основе Всероссийской переписи населения 2020 г. Типология разработана в рамках ранее подготовленного исследования *«Демографические тенденции в регионах русского ядра и околоядра»* и включает шесть уровней. В фокус настоящего исследования входят два верхних – русское ядро и околоядро регионов.

Последствия оптимизации для русского ядра

Из 44 регионов русского ядра все без исключения зафиксировали сокращение численности медицинских работников бюджетных учреждений за 2013–2024 гг. Диапазон значений – от –2,9% (Ленинградская обл.) до –41,1% (Архангельская обл.). Ни один регион ядра не показал прироста числа медиков.

Среднее сокращение по 44 регионам ядра составило –27,8%, что на 3,2 п. п. выше общероссийского показателя (–24,6%). Суммарно в 44 регионах ядра работало на 1 января 2024 г. около 1 265 600 медицинских работников бюджетных учреждений (62,0% от общероссийских 2,04 млн). Расчётно в 2013 году их было порядка 1 752 000 человек, то есть ядро потеряло около 486 000 медицинских работников за 11 лет.

По динамике смертности трудоспособного населения ядро также уступило общероссийскому тренду: среднее снижение составило –9,1% против –10,7% по РФ. Из 44 регионов 11 (Архангельская, Курганская, Ивановская, Костромская области, Алтайский край, Ненецкий АО как прочие, Приморский край, Амурская область) зафиксировали рост смертности трудоспособных или её стагнацию (0%). Ни один регион ядра не вошёл в первую десятку по «улучшению» (сокращению) показателей смертности, если исключить столичные агломерации (Ленинградская и Московская области, находящиеся под прямым влиянием мегаполисов).

Важен структурный разрыв внутри ядра: 14 регионов с наибольшими сокращениями медиков (более 30%) показали среднее сокращение смертности лишь на 3,2%, тогда как 14 регионов с наименьшими сокращениями (менее 20%) – на 17,1%. Эта внутренняя корреляция подтверждает: сокращение медиков остаётся значимым объяснительным фактором высокой смертности именно внутри ядра.

Центральный федеральный округ (18 регионов ядра)

ЦФО формирует крупнейший кластер ядра: 18 регионов, в том числе обе столичные агломерации – Москва и Московская область. Без учёта этих двух регионов ситуация значительно хуже: среднее сокращение медиков по 16 нестоличным регионам ЦФО составляет –29,4%, а улучшение показателей смертности – сокращение лишь 8,1%. Нечернозёмные регионы ЦФО – Ярославская (–39,0%), Тамбовская (–34,1%), Ивановская (–31,4%) – сочетают глубокое сокращение персонала с ростом или стагнацией смертности. Особенно показателен кейс Ивановской области: при сокращении медиков на треть смертность трудоспособных выросла на 3,6%, что на 14,3 п. п.

Таблица 17

Анализ последствий для русского ядра по федеральным округам

ФО (регионы ядра)	Ср. Δ медиков	Ср. Δ смертности
ЦФО (18 регионов ядра)	-28,6%	-10,5%
СЗФО (7 регионов ядра)	-23,7%	-13,3%
ЮФО (4 региона ядра)	-19,7%	-11,1%
ПФО (2 региона ядра)	-34,7%	-8,3%
УрФО (2 региона ядра)	-37,0%	-2,9%
СФО (6 регионов ядра)	-29,8%	-7,7%
ДФО (5 регионов ядра)	-28,1%	-1,8%
ИТОГО ядро (44 региона)	**-27,8%**	**-9,1%**

ниже общероссийской динамики. Калужская область демонстрирует исключение: сокращение медиков (–24,1%) сопровождается относительно сильным снижением смертности (–19,6%), обусловленным особыми экономическими зонами и притоком занятого населения.

Северо-Западный федеральный округ (7 регионов ядра)

СЗФО содержит наиболее трагический кейс русского ядра – Архангельскую область (–41,1% медиков, +1,4% смертности). Архангельская область потеряла наибольшую долю медперсонала из всех регионов ядра и оказалась в десятке аутсайдеров по смертности. В Вологодской области сокращение (–36,2%) привело к нулевому росту смертности на фоне снижения заболеваемости. Напротив, Ленинградская область (–2,9% медиков, –29,8% смертности) оказалась лучшим регионом ядра по данному показателю – но исключительно благодаря агломерационному эффекту: её жители де-факто пользуются медицинской инфраструктурой Санкт-Петербурга, а не региональными учреждениями. Калининград (–20,2%, –22,1%) демонстрирует лучший «органический» результат в СЗФО.

Уральский и Приволжский ФО (зоны максимального сокращения)

Два региона ядра в УрФО показали худшее в группе среднее сокращение медиков (–37,0%) при минимальном улучшении смертности (–2,9%). Курганская область (–39,6% медиков, +3,7% смертности) вошла в топ-2 аутсайдеров как по сокращению медиков, так и по росту смертности. Свердловская область при значительном сокращении (–34,4%) показала более умеренный результат по смертности (–9,5%) – в силу более диверсифицированной экономики и наличия Екатеринбурга как крупного медицинского центра.

В ПФО два региона ядра (Кировская и Нижегородская области) фиксируют сокращение медиков на 34,7%, это выше среднего по ядру. Нижегородская область, несмотря на серьёзные сокращения (–36,1%), обеспечила снижение смертности на –12,9% – несколько лучше среднего по ядру, что связано с присутствием крупного регионального центра.

Сибирь и Дальний Восток – высокие сокращения при нулевом результате по смертности

Шесть регионов ядра в СФО при среднем сокращении медиков на 29,8% дают лишь –7,7% по смертности. Особенно тревожен Алтайский край (–37,3% медиков, +0,5% смертности): при почти стопроцентном русском населении (95,45%) регион потерял более трети бюджетного медперсонала без какого-либо улучшения показателей смертности.

Пять регионов ядра в ДФО при среднем сокращении на 28,1% фиксируют среднее изменение смертности лишь –1,8%. Амурская область (–34,5% медиков) показала нулевую динамику смертности, Приморский край (–22,8%) – рост на 3,5%. Только Сахалинская область (–20,3%, –1,8%) выглядит относительно лучше благодаря нефтегазовым доходам. Следует учитывать: в ДФО бюджетные больницы и ФАПы являются единственным реальным источником медицинской помощи в обширных удалённых территориях. Их сокращение ведёт к прямой медицинской недоступности, не компенсируемой частными клиниками.

Регионы «двойного поражения»: максимальное сокращение при росте смертности

Наиболее показательны регионы, вошедшие одновременно в лидеры по сокращению медиков и в аутсайдеры по динамике сокращения смертности трудоспособных. В табл. 18 приведены все

Таблица 18

Регионы «двойного поражения»: максимальное сокращение при росте смертности

Регион	Δ медиков	Δ смертности	Топ-10 медиков	Топ-10 смертн.	Группа
Архангельская обл.	-41,1%	+1,4%	√	√	Ядро (СЗФО)
Курганская обл.	-39,6%	+3,7%	√	√	Ядро (УрФО)
Алтайский край	-37,3%	+0,5%	√	√	Ядро (СФО)
Ненецкий АО	-36,9%	+17,5%	√	√	Прочие (СЗФО)
Костромская обл.	-36,5%	+0,3%	√	–	Ядро (ЦФО)
Ивановская обл.	-31,4%	+3,6%	–	√	Ядро (ЦФО)
Приморский край	-22,8%	+3,5%	–	√	Ядро (ДФО)
Забайкальский край	-38,9%	+6,9%	√	√	Около (ДФО)
Республика Карелия	-33,8%	+7,0%	–	√	Около (СЗФО)
Мурманская обл.	-30,9%	+9,2%	–	√	Около (СЗФО)
Республика Бурятия	-30,0%	+2,1%	–	√	Прочие

регионы с ростом смертности (или стагнацией) при сокращении медиков более 20%, отсортированные по совокупному эффекту.

Из 10 регионов «двойного поражения» 7 относятся к ядру в чистом виде (Архангельская, Курганская области, Алтайский край, Костромская, Ивановская области, Приморский край), 3 – к околоядру или «прочим». Это означает: **тройная концентрация (высокая доля русских + глубокие сокращения медиков + рост смертности) – *явление специфически ядрового и приядрового пространства.***

Западное и восточное ядро: внутренний разлом

Внутри ядра прослеживается устойчивый географический разлом. Западное ядро – ЦФО и СЗФО (25 регионов без Москвы и Мособласти) – при среднем сокращении медиков –28,8% показало снижение смертности на 9,4%. Восточное ядро – СФО и ДФО (11 регионов) – при сопоставимом сокращении на 28,9% зафиксировало лишь –4,8% по смертности. Разрыв между западным и восточным ядром по динамике смертности – 4,6 п. п.

Причина: в Сибири и на Дальнем Востоке районные и участковые больницы являются единственной реальной медицинской инфраструктурой в радиусе 50–400 км. Сокращение медперсонала там не компенсируется ни частным сектором, ни транспортной доступностью крупных клиник. В Нечерноземье ЦФО и СЗФО, несмотря на схожую удалённость сельских районов, хотя бы часть населения имеет доступ к областным центрам.

Нечерноземье – зона демографического неблагополучия западного ядра

Особый субкластер образует Нечернозёмная зона: Ярославская, Костромская, Ивановская, Вологодская, Псковская, Новгородская, Тверская, Смоленская, Орловская, Тамбовская, Рязанская области. Все они фиксируют: сокращения медиков в диапазоне 25–39%, суммарный коэффициент рождаемости ниже 1,2 (по ряду регионов – ниже 1,1), долю лиц старше 65 лет в сельских районах 25–35%, продолжающийся миграционный отток молодёжи в Москву и Санкт-Петербург. *Сокращение ФАПов и районных больниц в этих регионах означает не «оптимизацию», а ликвидацию единственного пункта медицинской помощи в радиусе 20–80 км – с прямым следствием в виде поздней диагностики, запущенных заболеваний и предотвратимых смертей.*

Глубина сокращения медперсонала в регионах русского ядра

Табл. 19 содержит данные по всем 44 регионам ядра, ранжированные по глубине сокращения медицинских работников.

Демографические потери регионов русского околоядра из-за оптимизации здравоохранения

Двенадцать регионов русского околоядра отличаются от ядра как составом (более полиэтничный), так и демографическим профилем (в ряде случаев более высокая рождаемость за счёт нерусских меньшинств). Тем не менее по обоим ключевым показателям – сокращение медиков и динамика смертности – они оказались в худшем положении, чем в среднем по России.

Среднее сокращение медиков по 12 регионам околоядра составило 25,8%, что практически совпадает с общероссийским значением (–24,6%). Однако смертность сократилась лишь на 3,1% против –10,7% по РФ. Разрыв 7,6 п. п. – втрое хуже, чем у ядра (1,6 п. п.). Четыре из 12 регионов зафиксировали рост смертности трудоспособных: Мурманская область (+9,2%), Карелия (+7,0%), Забайкальский край (+6,9%), Камчатский край (+0,1%). Ещё два – Коми и Пензенская область – показали нулевую динамику или очень близкую к ней. Лишь два региона (Тюменская и Самарская области) показали снижение смертности, сопоставимое с лучшими регионами страны.

Существенный вклад в слабую среднюю динамику вносит концентрация демографически уязвимых северных регионов: Мурманская, Карелия, Коми, Магаданская, Камчатка. Эти пять субъектов с совокупной численностью бюджетных медработников около 48 600 чел. (2024 г.) зафиксировали среднее ухудшение смертности трудоспособных на 3,2%, что катастрофически хуже среднероссийского уровня.

Глубина сокращения ФАП по 12 регионам околоядра

Табл. 20 содержит данные по всем 12 регионам околоядра, ранжированные по глубине сокращения медицинских работников.

Критические зоны в Северо-Западном кластере околоядра. Три региона околоядра, входящих в СЗФО – Мурманская область, Республика Карелия и Республика Коми, – формируют *особую зону тревоги. Все* три характеризуются: а) значительным оттоком населения, продолжающимся с 1991 г.; б) высокой долей пожилого населения; в) экстремально малым числом медработников на душу населения после сокращений; г) минимальной доступностью частной медицины.

Таблица 19

Глубина сокращения медперсонала в регионах русского ядра

№	Регион	ФО	Δ медиков 2013–24, %	Медики 2024, чел.	Δ смертн. 2013–23, %	Оценка
1	**Архангельская обл.**	СЗФО	**-41,1%**	17 146	**+1,4%**	! Рост смертности !
2	**Курганская обл.**	УрФО	**-39,6%**	10 906	+3,7%	! Рост смертности !
3	Ярославская обл.	ЦФО	**-39,0%**	16 189	-4,5%	Стагнация
4	**Алтайский край**	СФО	**-37,3%**	30 439	**+0,5%**	! Рост смертности !
5	Кемеровская обл.	СФО	**-36,9%**	34 945	-11,2%	
6	**Костромская обл.**	ЦФО	**-36,5%**	8 347	**+0,3%**	! Рост смертности !
7	Вологодская обл.	СЗФО	**-36,2%**	14 830	-11,2%	
8	Нижегородская обл.	ПФО	**-36,1%**	39 886	-12,9%	
9	Хабаровский край	ДФО	**-36,1%**	17 677	-1,4%	Стагнация
10	Амурская обл.	ДФО	-34,5%	12 381	0,0%	Стагнация
11	Свердловская обл.	УрФО	-34,4%	51 684	-9,5%	
12	Тамбовская обл.	ЦФО	-34,1%	12 803	-9,0%	
13	Кировская обл.	ПФО	-33,3%	18 547	-3,6%	Стагнация
14	Рязанская обл.	ЦФО	-32,6%	15 028	-14,6%	
15	**Ивановская обл.**	ЦФО	-31,4%	12 908	**+3,6%**	! Рост смертности !
16	Брянская обл.	ЦФО	-31,3%	16 315	-15,7%	
17	Волгоградская обл.	ЮФО	-31,2%	33 426	-8,5%	
18	Тверская обл.	ЦФО	-30,7%	17 014	-11,7%	
19	Псковская обл.	СЗФО	-30,7%	8 374	-9,1%	
20	Липецкая обл.	ЦФО	-30,3%	16 039	-9,5%	
21	Иркутская обл.	СФО	-29,4%	34 543	-12,5%	
22	Новгородская обл.	СЗФО	-29,1%	7 470	-10,9%	
23	Ростовская обл.	ЮФО	-28,3%	50 845	-11,0%	
24	г. Москва	ЦФО	-28,1%	169 151	-11,3%	
25	Тульская обл.	ЦФО	-27,1%	18 676	-12,3%	
26	Еврейская АО	ДФО	-27,0%	2 539	-9,4%	
27	Новосибирская обл.	СФО	-26,9%	36 324	-6,4%	
28	Белгородская обл.	ЦФО	-26,5%	21 627	-4,0%	Стагнация
29	Орловская обл.	ЦФО	-26,5%	11 108	-13,1%	
30	Владимирская обл.	ЦФО	-26,3%	16 885	-13,1%	
31	Красноярский край	СФО	-26,0%	45 566	-6,0%	
32	Смоленская обл.	ЦФО	-25,9%	14 473	-7,4%	
33	Воронежская обл.	ЦФО	-24,7%	36 616	-11,3%	
34	Калужская обл.	ЦФО	-24,1%	13 274	-19,6%	Лучший в группе √
35	Курская обл.	ЦФО	-23,1%	17 232	-14,3%	
36	**Приморский край**	ДФО	-22,8%	26 206	**+3,5%**	! Рост смертности !
37	Томская обл.	СФО	-22,3%	17 274	-10,4%	
38	Сахалинская обл.	ДФО	-20,3%	10 160	-1,8%	Стагнация
39	Калининградская обл.	СЗФО	-20,2%	12 460	-22,1%	Лучший в группе √
40	Московская обл.	ЦФО	-15,9%	93 198	-21,0%	Лучший в группе √
41	Краснодарский край	ЮФО	-12,5%	77 975	-2,1%	Стагнация
42	г. Севастополь	ЮФО	-6,6%	7 237	-22,8%	Лучший в группе √
43	г. Санкт-Петербург	СЗФО	-5,3%	97 703	-10,4%	
44	Ленинградская обл.	СЗФО	-2,9%	22 164	-29,8%	Лучший в группе √

Таблица 20

Глубина сокращения медперсонала в регионах русского ядра

№	Регион	ФО	Δ медиков 2013–24, %	Медики 2024, чел.	Δ смертн. 2013–23, %	Характеристика
1	**Забайкальский край**	ДФО	**-38,9%**	15 289	**+6,9%**	Двойной аутсайдер; вошёл в оба топ-10
2	Омская обл.	СФО	**-36,4%**	26 877	-4,2%	Самое глубокое сокращение в околоядре
3	Пермский край	ПФО	**-34,1%**	30 005	-4,1%	Рост смертности при глубоких сокращениях
4	**Республика Карелия**	СЗФО	**-33,8%**	9 631	**+7,0%**	Рост смертности трудоспособных
5	Республика Коми	СЗФО	**-33,6%**	14 963	0,0%	Стагнация смертности при -33,6%
6	**Мурманская обл.**	СЗФО	**-30,9%**	14 240	**+9,2%**	Худший показатель смертности в околоядре
7	Пензенская обл.	ПФО	-27,0%	18 218	-0,1%	Умеренная динамика; Поволжье
8	Магаданская обл.	ДФО	-20,5%	3 552	-6,3%	Золотодобыча; убывающий
9	Самарская обл.	ПФО	-19,2%	45 962	-15,4%	Лучший результат по смертности в околоядре
10	Камчатский край	ДФО	-14,6%	6 248	**+0,1%**	Умеренные сокращения; ДФО
11	Саратовская обл.	ПФО	-14,2%	40 272	-10,4%	Поволжье; умеренный результат
12	Тюменская обл.	УФО	-6,2%	24 389	-19,4%	Лучший в околоядре; нефтегазовая база

Мурманская область сократила медиков на 30,9% – результатом стал рост смертности трудоспособных на 9,2% (второй наихудший результат по РФ). Карелия при сокращении на 33,8% фиксирует рост смертности на 7,0% – притом, что это национальная республика с преимущественно русским населением (86,4%). Коми при 33,6% сокращения медиков показала нулевую динамику смертности (0,0%).

Забайкальский край (ДФО) – третий по масштабу «оптимизатор» в группе (–38,9% медиков) с ростом смертности на 6,9%. При доле русских в 89,2% это пограничный с ядром регион, попавший под удар той же «логики сокращений» в условиях полного отсутствия альтернативной медицинской инфраструктуры в удалённых районах Забайкалья.

Относительно благополучные регионы околоядра. Тюменская область без АО – исключение в околоядре: при минимальных сокращениях медиков (–6,2%) зафиксировано снижение смертности на 19,4% – один из лучших показателей по 85 регионам России. Механизм: мощная нефтегазовая налоговая база обеспечивает финансирование здравоохранения на уровне, недостижимом для большинства регионов. Тюменская модель демонстрирует, что «оптимизация» – не неизбежность, а выбор: там, где есть финансовый ресурс, медперсонал можно сохранить.

Самарская область (–19,2% медиков, –15,4% смертности) показывает относительно хороший результат в контексте поволжских регионов околоядра. Саратовская область (–14,2%, –10,4%) демонстрирует динамику, близкую к общероссийской.

Сравнительный анализ: ядро, околоядро, прочие

Структурная асимметрия

Сравнение трёх групп выявляет структурную асимметрию, не объяснимую случайными факторами. **Регионы с высокой долей русского населения – как ядро, так и околоядро – сократили медицинский персонал сильнее среднего и при этом получили значительно худшие результаты по смертности, чем «прочие» регионы**. Иными словами, ***чем выше концентрация русского населения в регионе, тем глубже сокращение медиков и тем хуже демографический итог*** (табл. 21).

Прочие регионы (29 субъектов, включая национальные республики и нефтяные округа) при среднем сокращении медиков на 20,7% зафиксировали снижение смертности на 10,3%, практически совпадающее с общероссийским уровнем. При этом у «прочих» сокращение медиков было на 7,1 п. п. меньше, чем у ядра, а результат по смертности – на 1,2 п. п. лучше. Суммарный эффект: «прочие» выиграли 8,3 п. п. относительно ядра при меньших сокращениях.

Механизм диспропорции

Диспропорция объясняется несколькими взаимосвязанными механизмами.

Первый – финансовый: национальные республики Северного Кавказа и нефтяные округа располагают либо масштабными федеральными трансфертами (КЧР, Ингушетия, Даге-

Таблица 21

Структурная асимметрия последствий от сокращения медиков и ухудшения показателей смертности в регионах русского ядра, околоядра и прочих регионах

Группа регионов	Рег.	Ср. Δ медиков 2013–24	Ср. Δ смертности 2013–23	Отставание от РФ (смертность)
Русское ядро (90–98% русских)	**44**	**-27,8%**	**-9,1%**	**+1,6 п. п.**
Русское околоядро (85–90%)	**12**	**-25,8%**	**-3,1%**	**+7,6 п. п.**
Ядро + Околоядро (суммарно)	**56**	**-27,2%**	**-7,8%**	**+2,9 п. п.**
Прочие регионы РФ	29	-20,8%	-10,5%	≈ РФ
Россия в целом	**85**	**-24,6%**	**-10,7%**	–

Таблица 22

Регионы, выигравшие от оптимизации

Регион	Δ медиков	Δ смертности	Причины относительного благополучия
Чеченская Республика	-4,8%	**-29,1%**	Минимальное сокращение; дотации федерального центра; молодая возрастная структура
Ленинградская область	-2,9%	**-29,8%**	Ядро; сверхнизкие сокращения + агломерационный эффект Санкт-Петербурга
Республика Саха	-1,9%	**-21,4%**	Ресурсный регион; приоритетное финансирование; надбавки
Московская область	-15,9%	**-21,0%**	Ядро; прямая близость к московской медицинской инфраструктуре
г. Севастополь	-6,6%	**-22,8%**	Ядро; постприсоединительный период, федеральные вливания
Тюменская область	-6,2%	**-19,4%**	Околоядро; нефтегазовая база, хорошее финансирование здравоохранения
Республика Дагестан	-2,3%	**-15,4%**	Молодая демографическая структура; дотационная поддержка центра
Республика Татарстан	-9,7%	**-16,8%**	Собственные доходы бюджета; сохранение медперсонала как приоритет

стан – рост числа медиков или минимальное сокращение), либо **собственной ресурсной базой** (ХМАО, ЯНАО, Тюмень). *Ядро и околоядро таких «подушек» не имеют.*

Второй – политический: регионы с активными этническими лобби или федеральной политической значимостью (национальные республики Кавказа, Татарстан, Башкортостан) сохранили большую часть медперсонала. Русские регионы Нечерноземья, Урала, ДФО не имеют аналогичного механизма политической защиты.

Третий – структурный: в национальных республиках с высокой долей молодого населения (Чечня, Дагестан, Тыва, Ингушетия) смертность трудоспособных снижается в силу более молодой возрастной структуры вне зависимости от медицинского обеспечения. В ядре с постаревшим населением и минимальной рождаемостью даже умеренное сокращение медиков бьёт по смертности значительно сильнее.

Контрастная группа: кто остался в выигрыше

Лидеры по снижению смертности

Согласно данным исследования «Равенство. Медиа» (табл. 22), восемь регионов показали снижение смертности трудоспособных более чем на 19%: Чеченская Республика (–29,1%), Ленинградская область (–29,8%), Севастополь (–22,8%), Московская область (–21,0%), Якутия (–21,4%), Тюменская область (–19,4%), Калининградская область (–22,1%), Кабардино-Балкарская Республика (–20,8%). *Из восьми лидеров трое относятся к ядру, один – к околоядру, четыре – к «прочим».*

Феномен «агломерационных соседей» в ядре

Три региона ядра – Ленинградская область (–29,8% смертности), Московская область (–21,0%) и Севастополь (–22,8%) – показывают результаты, несопоставимые со средним по ядру (–9,1%). Их общий знаменатель: близость к мощной медицинской инфраструктуре соседних полю-

сов – Санкт-Петербурга, Москвы и федеральных учреждений.

При этом Ленинградская область фактически не имеет собственной развитой медицинской сети: её жители лечатся в Санкт-Петербурге. Аналогично Московская область «паразитирует» на московской инфраструктуре. Это означает, что данные регионы выживают не за счёт собственного здравоохранения – и их результаты недостижимы для удалённых регионов ядра (Архангельск, Курган, Алтай).

Феномен Чечни и других национальных республик Кавказа

Чеченская Республика сократила медиков лишь на 4,8% – минимальное значение среди 85 регионов за исключением Ингушетии (рост на 26,7%) – и зафиксировала максимальное снижение смертности трудоспособных (–29,1%). Этот результат частично объясняется молодой демографической структурой (медианный возраст в Чечне – один из наименьших в РФ), частично – федеральными дотациями на восстановление республики после войн, частично – политической невозможностью сокращать медперсонал в и без того дотационном регионе с острым политическим вниманием центра. Аналогичная логика действует в Ингушетии (+26,7% медиков: единственный регион с реальным ростом числа медработников), Дагестане (–2,3%), Якутии (–1,9%).

Демографические последствия оптимизации для регионов ядра и околоядра русского народа

Расчётный вклад последствий для регионов ядра

По расчётам «Равенство.Медиа», сохранение численности медицинских работников на уровне 2013 г. могло бы предотвратить около 190 тыс. смертей трудоспособного населения за период.

Распределение этих потерь по группам регионов

Трудоспособное население ядра составляет ориентировочно 60–63% от общероссийского. Если принять, что смертность трудоспособных благодаря современным методам диагностики и лечения в ядре снизилась на 1,6 п. п. меньше, чем в среднем по России, и применить это к численности трудоспособного населения ядра (порядка 35–38 млн чел.), расчётные избыточные потери только в ядре составят около 30 000 – 40 000 человек. Для околоядра при разрыве 7,6 п. п. и трудоспособном населении порядка 8–9 млн – ещё 20 000 – 25 000 человек.

Таким образом, расчётная доля ядра и околоядра в совокупных потерях 190 тыс. – от 25 до 35%, или порядка 50 000 – 65 000 человек. Остальные потери распределены по прочим регионам пропорционально численности трудоспособного населения. Однако важнее не абсолютный счёт, а структурный факт: **потери населения в регионах ядра и околоядра являются непропорционально высокими на единицу сокращения медперсонала** – именно потому, что в этих регионах нет альтернативной медицинской инфраструктуры.

Мультипликация депопуляции: цикл деградации

Для регионов ядра и околоядра сокращение медицинского персонала встраивается в системный цикл демографической деградации. Упрощённая схема:

1) закрытие ФАПов, роддомов, районных больниц → 2) снижение качества и доступности медицинской помощи → 3) рост смертности трудоспособных и рост заболеваемости → 4) ухудшение восприятия качества жизни → 5) отток молодых семей репродуктивного возраста → 6) снижение рождаемости → 7) старение оставшегося населения → 8) сокращение налоговой базы региона → 9) дальнейшее урезание бюджетов здравоохранения.

Этот цикл самоподдерживается без дополнительных внешних импульсов.

Данные подтверждают: 10 регионов с наибольшим сокращением медиков в ядре и околоядре одновременно имеют наибольшую естественную убыль населения, наибольший миграционный отток и наименьший суммарный коэффициент рождаемости (ниже 1,3).

Для Нечерноземья это означает: **ликвидация доступной медицины – не изолированный акт, а ускоритель окончательного демографического вымирания территорий.**

Гендерный аспект

Исследование «Равенства» показало, что корреляция между сокращением медиков и женской смертностью трудоспособных оказалась сильнее ($R = -0,45$), чем для мужской.

Это соответствует логике: женщины трудоспособного возраста активнее пользуются бюджетным здравоохранением (онкологический скрининг, акушерство, гинекология); сокращение соответствующих специалистов и среднего персонала бьёт по ним непропорционально.

Для регионов ядра с уже критически низкой рождаемостью рост женской смертности трудоспособного возраста означает дополнительное давление на репродуктивный потенциал.

Сокращение медиков как лишённый компенсации шок

Принципиальное отличие ядра и околоядра от «благополучных» регионов – отсутствие компенсирующих факторов. В нефтяных регионах (Тюмень, ХМАО, ЯНАО) финансовая надбавка удерживает медицинские кадры и позволяет привлекать новых. В национальных республиках Кавказа федеральные дотации и политическая невозможность «оптимизировать» обеспечивают сохранение персонала. В столичных агломерациях (Москва, СПб) оттягивание медицинских кадров из регионов создаёт локальный профицит. Ядро и околоядро не имеют ни финансовых надбавок, ни политической защиты, ни агломерационного буфера. Сокращение медиков там – шок без амортизации.

Некоторые выводы

1. **«Оптимизация» 2013–2024 гг. имела отчётливо асимметричный географический и этнодемографический профиль:** её стержневой удар пришёлся на русское ядро и околоядро – территории с наибольшей концентрацией русского населения и наибольшей демографической уязвимостью.

2. **Ядро (44 региона):** среднее сокращение медиков на 27,8% при среднем снижении смертности на 9,1% – оба показателя хуже общероссийских (–24,6% и –10,7%). Более того, в 11 из 44 регионов русского ядра зафиксировали рост смертности или её стагнацию.

3. **Околоядро (12 регионов):** среднее сокращение медиков на 25,8% при среднем снижении смертности лишь на 3,1% – разрыв с РФ по смертности составляет 7,6 п. п., что втрое хуже, чем у ядра. Четыре из 12 регионов показали рост смертности.

4. **Регионы «двойного поражения»** (в обоих топ-10 аутсайдеров) – Архангельская, Курганская области, Алтайский край, Забайкальский край – относятся к ядру или околоядру. Ни один регион национальных республик Кавказа или Поволжья не попал в список регионов «двойного поражения»: видимо, сработали лоббистские возможности руководства данных регионов и существующие преференции для национальных территорий.

5. **Контрастная группа** (национальные республики, нефтяные округа, столичные агломерации) при существенно меньших сокращениях медиков показала значительно лучшую динамику смертности. Исключения из ядра в группе лидеров (Ленинградская и Московская области, Севастополь) объясняются «агломерационным эффектом», а не состоянием собственного регионального здравоохранения.

6. **Сокращение медперсонала в регионах ядра и околоядра встраивается в системный цикл депопуляции**: медицинская деградация → отток → снижение рождаемости → старение → бюджетное сжатие → дальнейшая деградация. Прерывание этого цикла требует не «оптимизации», а целевых инвестиций в восстановления медицинской доступности в малых городах и сельских районах Нечерноземья, Русского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Сводная таблица демографических последствий «оптимизации» по всем регионам Российской Федерации.

В табл. 23 содержатся данные по 85 субъектам РФ, включённым в исследование «Равенство. Медиа». Регионы сгруппированы по этнодемографической принадлежности (ядро/околоядро/прочие) и ранжированы внутри каждой группы по глубине сокращения медицинских работников. Значения в столбце «Δ смертности» выделены жирным при росте смертности (положительное значение).

Таблица 23 (Начало)

Демографические последствия политики «оптимизации здравоохранения» по регионам Российской Федерации (2013-2024 гг.)

№	Регион	ФО	Δ медиков 2013–24, %	Медики 2024, чел.	Δ смертности 2013–23, %	Примечание
РУССКОЕ ЯДРО – 44 региона (доля русских 90–98%) среднее сокращение медиков: -27,8%; среднее изм. смертности: -9,1%						
1	Архангельская обл.	СЗФО	-41,1%	17 146	+1,4%	В обоих топ-10
2	Курганская обл.	УрФО	-39,6%	10 906	+3,7%	В обоих топ-10
3	Ярославская обл.	ЦФО	-39,0%	16 189	-4,5%	
4	Алтайский край	СФО	-37,3%	30 439	+0,5%	В обоих топ-10
5	Кемеровская обл.	СФО	-36,9%	34 945	-11,2%	
6	Костромская обл.	ЦФО	-36,5%	8 347	+0,3%	Стагнация смерт.

Таблица 23 (Продолжение)

№	Регион	ФО	Δ медиков 2013–24, %	Медики 2024, чел.	Δ смертности 2013–23, %	Примечание
7	Вологодская обл.	СЗФО	-36,2%	14 830	-11,2%	
8	Нижегородская обл.	ПФО	-36,1%	39 886	-12,9%	
9	Хабаровский край	ДФО	-36,1%	17 677	-1,4%	
10	Амурская обл.	ДФО	-34,5%	12 381	0,0%	
11	Свердловская обл.	УрФО	-34,4%	51 684	-9,5%	
12	Тамбовская обл.	ЦФО	-34,1%	12 803	-9,0%	
13	Кировская обл.	ПФО	-33,3%	18 547	-3,6%	
14	Рязанская обл.	ЦФО	-32,6%	15 028	-14,6%	
15	Ивановская обл.	ЦФО	-31,4%	12 908	+3,6%	Стагнация смертности
16	Брянская обл.	ЦФО	-31,3%	16 315	-15,7%	
17	Волгоградская обл.	ЮФО	-31,2%	33 426	-8,5%	
18	Тверская обл.	ЦФО	-30,7%	17 014	-11,7%	
19	Псковская обл.	СЗФО	-30,7%	8 374	-9,1%	
20	Липецкая обл.	ЦФО	-30,3%	16 039	-9,5%	
21	Иркутская обл.	СФО	-29,4%	34 543	-12,5%	
22	Новгородская обл.	СЗФО	-29,1%	7 470	-10,9%	
23	Ростовская обл.	ЮФО	-28,3%	50 845	-11,0%	
24	г. Москва	ЦФО	-28,1%	169 151	-11,3%	
25	Тульская обл.	ЦФО	-27,1%	18 676	-12,3%	
26	Еврейская АО	ДФО	-27,0%	2 539	-9,4%	
27	Новосибирская обл.	СФО	-26,9%	36 324	-6,4%	
28	Белгородская обл.	ЦФО	-26,5%	21 627	-4,0%	
29	Орловская обл.	ЦФО	-26,5%	11 108	-13,1%	
30	Владимирская обл.	ЦФО	-26,3%	16 885	-13,1%	
31	Красноярский край	СФО	-26,0%	45 566	-6,0%	
32	Смоленская обл.	ЦФО	-25,9%	14 473	-7,4%	
33	Воронежская обл.	ЦФО	-24,7%	36 616	-11,3%	
34	Калужская обл.	ЦФО	-24,1%	13 274	-19,6%	
35	Курская обл.	ЦФО	-23,1%	17 232	-14,3%	
36	Приморский край	ДФО	-22,8%	26 206	+3,5%	Стагнация смертности
37	Томская обл.	СФО	-22,3%	17 274	-10,4%	
38	Сахалинская обл.	ДФО	-20,3%	10 160	-1,8%	
39	Калининградская обл.	СЗФО	-20,2%	12 460	-22,1%	Лучший результат
40	Московская обл.	ЦФО	-15,9%	93 198	-21,0%	Лучший результат
41	Краснодарский край	ЮФО	-12,5%	77 975	-2,1%	
42	г. Севастополь	ЮФО	-6,6%	7 237	-22,8%	Лучший результат
43	г. Санкт-Петербург	СЗФО	-5,3%	97 703	-10,4%	Мин. сокращение
44	Ленинградская обл.	СЗФО	-2,9%	22 164	-29,8%	Лучший результат

Таблица 23 (Окончание)

№	Регион	ФО	Δ медиков 2013–24, %	Медики 2024, чел.	Δ смертности 2013–23, %	Примечание
РУССКОЕ ОКОЛОЯДРО – 12 регионов (доля русских 85–90%) среднее сокращение: -25.8%; среднее изм. смертности: -3.1%						
1	Забайкальский край	ДФО	-38,9%	15 289	+6,9%	В обоих топ-10
2	Омская обл.	СФО	-36,4%	26 877	-4,2%	
3	Пермский край	ПФО	-34,1%	30 005	-4,1%	
4	Республика Карелия	СЗФО	-33,8%	9 631	+7,0%	Рост смертности
5	Республика Коми	СЗФО	-33,6%	14 963	0,0%	
6	Мурманская обл.	СЗФО	-30,9%	14 240	+9,2%	Рост смертности
7	Пензенская обл.	ПФО	-27,0%	18 218	-0,1%	
8	Магаданская обл.	ДФО	-20,5%	3 552	-6,3%	
9	Самарская обл.	ПФО	-19,2%	45 962	-15,4%	
10	Камчатский край	ДФО	-14,6%	6 248	+0,1%	Стагнация смертности
11	Саратовская обл.	ПФО	-14,2%	40 272	-10,4%	
12	Тюменская обл.	УрФО	-6,2%	24 389	-19,4%	Мин. сокращение
ПРОЧИЕ РЕГИОНЫ – 28 регионов (нац. республики, смешанные, нефтяные округа) среднее сокращение: -20.8%; среднее изм. смертности: -10.5%						
1	Республика Ингушетия	СКФО	+26,7%	7 065	-7,7%	Мин. сокращение
2	Республика Саха (Якутия)	ДФО	-1,9%	21 737	-21,4%	Лучший результат
3	Республика Дагестан	СКФО	-2,3%	41 264	-15,4%	Мин. сокращение
4	Чеченская Республика	СКФО	-4,8%	17 097	-29,1%	Лучший результат
5	Ямало-Ненецкий АО	УрФО	-8,8%	10 997	-6,9%	Мин. сокращение
6	Республика Татарстан	ПФО	-9,7%	55 140	-16,8%	Мин. сокращение
7	Республика Тыва	СФО	-12,0%	7 494	-20,9%	Лучший результат
8	Республика Крым	ЮФО	-12,3%	32 451	-8,7%	
9	Республика Алтай	СФО	-16,5%	3 963	-5,2%	
10	Карачаево-Черкесская Респ.	СКФО	-15,7%	6 496	-8,8%	
11	Республика Адыгея	ЮФО	-18,7%	6 476	-20,8%	Лучший результат
12	Ставропольский край	СКФО	-21,2%	34 425	-6,1%	
13	Ханты-Мансийский АО	УрФО	-22,0%	31 036	-20,7%	Лучший результат
14	Кабардино-Балкарская Респ.	СКФО	-22,4%	11 839	-20,8%	Лучший результат
15	Ульяновская обл.	ПФО	-22,8%	19 689	-1,1%	
16	Республика Хакасия	СФО	-25,8%	7 694	-3,9%	
17	Республика Мордовия	ПФО	-29,1%	12 702	-11,3%	
18	Республика Бурятия	ДФО	-30,0%	13 530	+2,1%	Стагнация смертности
19	Астраханская обл.	ЮФО	-30,2%	16 135	-6,0%	
20	Чукотский АО	ДФО	-30,2%	1 116	-3,6%	
21	Чувашская Республика	ПФО	-30,2%	17 679	-6,9%	
22	Челябинская обл.	УрФО	-31,4%	41 263	-12,2%	
23	Республика Башкортостан	ПФО	-32,4%	50 237	-18,6%	
24	Республика Калмыкия	ЮФО	-33,3%	3 959	-9,9%	
25	Республика Марий Эл	ПФО	-35,5%	8 388	-10,5%	
26	Удмуртская Республика	ПФО	-35,6%	21 519	-9,7%	
27	Оренбургская обл.	ПФО	-37,2%	26 611	-9,8%	
28	Ненецкий АО	СЗФО	-36,9%	694	+17,5%	В обоих топ-10

Примечания. В столбце «Δ медиков»: «-» означает сокращение, «+» – рост. В столбце «Δ смертности»: «+» означает рост смертности трудоспособных – ухудшение показателя. Ненецкий АО отнесён к прочим регионам ввиду его административного статуса отдельного субъекта, не входящего в базовую типологию ядра (44 региона). Данные по Республике Крым включены с 2014 г. Источник данных: исследование «Равенство Медиа» на основе Росстата и Минздрава РФ.

5.4. Пять индикаторов состояния системы образование и культуры в регионах русского ядра

Источники: Росстат, Министерство просвещения РФ, данные региональных отчётов об исполнении бюджетов

Методология. Как и в предыдущих разделах, для целей анализа регионы России разделены на пять групп на основании этнической и исторической принадлежности к русскому народу. Кроме того, внутри ядра выделены две крупнейшие столичные агломерации в отдельные подгруппы, поскольку их присутствие в составе общего ядра нивелирует реальное положение в исторической русской глубинке.

Анализируются 5 показателей из сфер образования и культуры за 2024–2025 годы. Каждая группа сравнивается:

1) со средним по Российской Федерации (85 регионов),

2) с группой «прочие»,

3) с ТОП-10 лучших регионов по данному показателю.

1. Образование

1.1. Обеспеченность местами в детских садах (2024 г., мест на 1000 детей)

В табл. 24 представлены данные по обеспеченности местами в организациях дошкольного образования на 1 000 детей в возрасте 1–6 лет в 2024 году (чем выше значение, тем лучше).

ТОП-10: Кировская область, Чукотский автономный округ, Архангельская область, Республика Карелия, Вологодская область, Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Магаданская область, а также два региона, вошедшие в группу лидеров по показателю, но не перечисленные явно в кратком списке источника.

Москва + Московская область: худший результат среди всех пяти групп: −28% к среднему по Российской Федерации. Москва (506 мест – 83-е место в стране) и Московская область (783 – 68-е) страдают от хронической нехватки мест в условиях быстрого роста городского населения. Несмотря на высокие бюджеты, строительство детских садов не успевает за демографическим давлением агломерации.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: практически на уровне среднего по стране (+0,7%). Санкт-Петербург (861) и Ленинградская область (941) – умеренные показатели. Область незначительно превышает город, что типично для менее плотных территорий.

Остальное ядро: на 3,4% выше среднего по Российской Федерации (+9,7% к «прочим»). Исторические регионы с устойчивой демографической структурой хорошо обеспечены местами: Кировская область (1266 – 1-е место), Архангельская область (1225 – 3-е), Вологодская область (1206 – 5-е), Тамбовская область (1167 – 9-е), Новгородская область (1108), Смоленская область (1013). Проблемные регионы внутри группы: Краснодарский край (756 – значительный миграционный приток) и Курская область (609 – последствия приграничной ситуации).

Околоядро: наилучший результат среди всех групп, +7,6% к среднему по Российской Федерации. Республика Карелия (1219 – 4-е место), Магаданская область (1173 – 7-е), Мурманская область (1119 – 10-е), Камчатский край (1 038). Преимущество объясняется сочетанием развитой советской инфраструктуры и снижения численности детей в регионах с демографическим спадом. Уязвимые регионы группы: Забайкальский край (780), Тюменская область (794), Саратовская область (850).

1.2. Доля обучающихся во вторую и третью смены (2024/2025 уч. г., %)

В табл. 25 показан удельный вес обучающихся в общеобразовательных организациях, занимающихся во вторую и третью смены, в 2024/2025 учебном году (чем ниже значение, тем лучше).

ТОП-10: лучших (наименьшая доля): Москва, Санкт-Петербург, Тульская область, Ленинградская область, Республика Мордовия, Мурманская область, Белгородская область, Республика Калмыкия *(приведены субъекты, вошедшие в число лидеров в исходном материале).*

Москва + Московская область: значительно лучше среднего, −75% к среднему по Российской Федерации. Москва *(0% – 85-е место, то есть лучшее в стране по этому показателю)* полностью перешла на односменный режим, это результат

Таблица 24

Обеспеченность местами в детских садах (мест на 1000 детей, 2024 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	894	–	–	–
Москва + Московская область	645	−27,9%	−23,6%	−46,3%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	901	+0,7%	+6,8%	−24,9%
Остальное ядро (40 регионов)	925	+3,4%	+9,7%	−22,9%
Околоядро (12 регионов)	962	+7,6%	+14,1%	−19,8%
Прочие регионы	843	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	1 201	–	–	–

Таблица 25

Доля школьников, занимающихся во вторую и третью смены (%, 2024/2025 уч. г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	15,7	–	–	–
Москва + Московская область	4,0	−74,8%	−77,4%	+74,8%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	0,5	−96,8%	−97,1%	−77,9%
Остальное ядро (40 регионов)	16,0	+2,0%	−8,8%	+606,5%
Околоядро (12 регионов)	14,4	−8,3%	−18,0%	+535,6%
Прочие регионы	17,5	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	2,3	–	–	–

масштабного строительства школ в 2010−е годы. Московская область (7,9% – 68-е место) уступает городу: быстрый рост населения затрудняет обеспечение достаточного количества мест.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: абсолютный лидер среди всех групп, −97% к среднему по стране. Санкт-Петербург (0% – 84-е место в стране, практически идентично Москве) и Ленинградская область (1,0% – 82-е место) демонстрируют практически полное отсутствие многосменного режима. Вторая агломерация решила эту проблему не хуже первой.

Остальное ядро: Единственная группа, слегка превышающая средний по Российской Федерации уровень (+2,0%). Внутри группы – огромный разброс. Лучшие: Тульская область (0,8% – 3-е место), Белгородская область (3,6% – входит в ТОП-10 страны), Новгородская область (4,4%), Рязанская область (6,9%), Курская область (7,3%). Проблемные регионы: Томская область (31,4%), Новосибирская область (28,9%), Амурская область (25,6%), Краснодарский край (25,2%). Именно сибирские регионы ядра создают основное отставание группы.

Околоядро: на 8,3% лучше среднего по Российской Федерации, на 18% лучше «прочих» – умеренное преимущество. Лидеры: Мурманская область (2,3% – 6-е место, входит в ТОП-10), Пензенская область (4,7%), Саратовская область (5,9%), Республика Карелия (6,7%), Самарская область (12,9%). Аутсайдеры: Пермский край (25,7% – 9-е худшее в стране), Забайкальский край (24,4%), Омская область (23,1%), Челябинская область (21,4%).

2. Культура

2.1. Расходы бюджета на культуру (2025 г., тыс. руб.)

В табл. 26 приведён объём расходов консолидированных бюджетов регионов на культуру и кинематографию в 2025 году (среднее по регионам группы, в тыс. руб.; чем выше сумма, тем лучше).

ТОП-10: Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, Красноярский край, Ямало-Ненецкий автономный округ, Свердловская область, Краснодарский край (приведены регионы, вошедшие в число лидеров по данным исходного материала).

Москва + Московская область: доминируют за счёт Москвы, которая одна тратит 288 984 млн рублей – 27,5% всех расходов Российской Федерации на культуру. Московская область добавляет 35 454 млн рублей. Совокупное среднее по группе (162 219 тыс. рублей) многократно превышает любые другие группы, однако это эффект столичной концентрации, а не равномерного распределения ресурсов.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: Санкт-Петербург (46 085 млн рублей) – второй по объёму в России. Ленинградская область (13 244 млн рублей) также выше среднего по стране. Группа на 144% превышает общероссийский показатель, хотя уступает ТОП-10 за счёт разрыва между городом и областью.

Остальное ядро: среднее значение 8 249 тыс. рублей – на 32% ниже среднего по Российской Федерации, но на 11% выше «прочих». Внутри группы огромный разброс: Красноярский край (27 845), Свердловская область (24 461), Нижегородская область (18 159) против Орловской обла-

Таблица 26

Средний объём расходов консолидированных бюджетов на культуру и кинематографию (тыс. руб., 2025 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	12 152	–	–	–
Москва + Московская область	162 219	+1234,9%	+2084,4%	+199,0%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	29 665	+144,1%	+299,5%	−45,3%
Остальное ядро (40 регионов)	8 249	−32,1%	+11,1%	−84,8%
Околоядро (12 регионов)	8 653	−28,8%	+16,5%	−84,1%
Прочие регионы	7 426	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	54 258	–	–	–

сти (2 578), Псковской области (2 186), Еврейской автономной области (982 тыс. рублей). *Малые исторические регионы Центрального федерального округа хронически недофинансированы.*

Околоядро: среднее значение 8 653 тыс. рублей – незначительно выше остального ядра. Лидеры: Челябинская область (17 473), Пермский край (16 367), Самарская область (10 754). Аутсайдеры: Республика Карелия (3 572), Магаданская область (4 207), Пензенская область (4 677) – небольшие по населению регионы.

2.2. Посещения музеев на 1000 жителей (2024 г.)

В табл. 27 представлено число посещений музеев на 1000 человек населения в 2024 году (чем выше, тем лучше).

ТОП-10: Санкт-Петербург, Псковская область, Ярославская область, Новгородская область, Калининградская область, Республика Татарстан, Волгоградская область, Тульская область (приведены регионы, вошедшие в число лидеров по данным исходного материала).

Москва + Московская область: Москва (1408) – выше среднего, однако меньше, чем можно ожидать от культурной столицы: столичные жители посещают музеи чаще, но огромное население «разбавляет» показатель. Московская область (821) – умеренный результат. Группа на 31% выше среднего по стране и в 2 раза выше «прочих».

Санкт-Петербург + Ленинградская область: абсолютный лидер – Санкт-Петербург (5 328 посещений) – 1-е место в России, выше среднего значения ТОП-10. Ленинградская область (1100) также выше среднего по Российской Федерации. Группа превышает средний показатель ТОП-10 (+24%) и в 6 раз опережает прочие регионы – феномен музейной столицы.

Остальное ядро: на 19% выше среднего по стране и в 1,9 раза выше «прочих» – выраженное культурное преимущество исторических регионов. Лидеры: Псковская область (3565 – 2-е место в России), Ярославская область (3192 – 3-е), Новгородская область (2495), Калининградская область (2468), Волгоградская область (1688), Тульская область (1663). Аутсайдеры: Липецкая область (192 – одна из последних в стране), Алтайский край (246), Еврейская автономная область (248).

Околоядро: *на 24% ниже среднего по Российской Федерации – единственная группа ниже общероссийского уровня.* Лидеры: Республика Карелия (1533), Тюменская область (1509), Камчатский край (744). Аутсайдеры: Магаданская область (228), Челябинская область (270), Пермский край (372), Забайкальский край (372) – промышленные и отдалённые регионы с низкой музейной активностью.

2.3. Библиотечный фонд на 1000 жителей (2024 г.)

В табл. 28 показан библиотечный фонд на 1000 человек населения в 2024 году (экземпляров; чем выше, тем лучше).

ТОП-10: Чукотский автономный округ, Москва, Псковская область, Кировская область, Магаданская область, Костромская область, Санкт-Петербург, Тамбовская область *(приведены регионы, вошедшие в число лидеров по данным исходного материала).*

Москва + Московская область: разительный контраст внутри группы. Москва (12 020) – 2-е место в России, один из крупнейших библиотечных фондов на душу населения. Московская область (1716) – 83-е место, одно из последних в стране: стремительный прирост населения региона не сопровождается развитием библиотечной инфраструктуры. Среднее значение группы (6868) на 9% выше среднего по Российской Федерации.

Санкт-Петербург + Ленинградская область: аналогичная ситуация. Санкт-Петербург (9848 – 7-е место) с богатым библиотечным наследием против Ленинградской области (3165 – 78-е место). Среднее значение группы (6 507) на 3% выше среднего по стране.

Остальное ядро: все группы показывают практически одинаковый результат относительно среднего по Российской Федерации (+2%). Исторические регионы Центральной России хранят богатые фонды: Псковская область (10 513 – 3-е место), Кировская область (10 443), Костромская область (10 239), Тамбовская область (9313), Курганская область (9193). На другом полюсе – более урбанизированные территории: Свердлов-

Таблица 27

Число посещений музеев на 1000 жителей (посещений, 2024 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	848	–	–	–
Москва + Московская область	1 115	+31,5%	+108,4%	–56,9%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	3 214	+279,1%	+501,1%	+24,3%
Остальное ядро (40 регионов)	1 005	+18,5%	+87,9%	–61,2%
Околоядро (12 регионов)	643	–24,2%	+20,2%	–75,1%
Прочие регионы	535	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	2 586	–	–	–

Таблица 28

Библиотечный фонд на 1000 жителей (экземпляров, 2024 г.)

Группа регионов	Среднее	vs РФ	vs прочие	vs ТОП-10
Российская Федерация в целом (85 регионов)	6 301	–	–	–
Москва + Московская область	6 868	+9,0%	+14,8%	–34,6%
Санкт-Петербург + Ленинградская область	6 507	+3,3%	+8,7%	–38,0%
Остальное ядро (40 регионов)	6 429	+2,0%	+7,4%	–38,8%
Околоядро (12 регионов)	6 508	+3,3%	+8,8%	–38,0%
Прочие регионы	5 984	–	–	–
ТОП-10 лучших по показателю	10 499	–	–	–

ская область (3629), Приморский край (3564), Севастополь (2714).

Околоядро: равно показателю Санкт-Петербург + Ленинградская область (6508, +3% к среднему по стране). Высокий фонд у Магаданской области (10 337 – 5-е место), Республики Карелия (7556), Камчатского края (7388), Мурманской области (7283). Слабее – Пермский край (4729), Челябинская область (4343): крупные промышленные регионы с относительно малыми библиотечными фондами на душу населения.

Некоторые выводы

Анализ пяти индикаторов позволяет сформулировать ряд сквозных заключений, касающихся как образования, так и культуры в регионах русского ядра и околоядра.

1. Демографический фактор как ключевой вызов.

Наибольший дефицит мест в детских садах и высокая доля второй смены фиксируются там, где численность населения растёт (Москва, Московская область, Краснодарский край, Тюменская область), тогда как регионы с убывающим населением (Кировская, Вологодская, Тамбовская области) имеют избыток мест. В культурной сфере та же закономерность: стремительный рост населения Московской и Ленинградской областей привёл к тому, что *их библиотечные и музейные мощности не успевают за количеством жителей.*

2. Инфраструктурное наследие как конкурентное преимущество.

Исторические области Центральной России обладают уникальным культурным и образовательным потенциалом, созданным в предшествующие десятилетия. Псковская, Новгородская, Ярославская, Кировская области лидируют по музейной посещаемости и библиотечным фондам на душу населения, одновременно демонстрируя лучшие показатели обеспеченности детскими садами. *Это наследие, однако, требует постоянных вложений, иначе оно будет утрачено.*

3. Провалы финансирования малых исторических регионов.

При среднем уровне расходов на культуру по стране в 12,2 тыс. рублей на человека в регионе малые области Центрального федерального округа получают в разы меньше. Орловская, Псковская, Костромская, Ивановская области сопоставимы по расходам на культуру с Еврейской автономной областью, что контрастирует с их ролью хранителей культурного наследия. В образовании дефицит финансирования проявляется в высокой доле второй смены в Томской, Новосибирской, Амурской областях, где школьная инфраструктура не справляется с нагрузкой.

4. Сибирские и дальневосточные регионы как зона образовательного и культурного отставания.

В сибирской части русского ядра наихудшие показатели по сохранению второй смены в школах (Томская, Новосибирская области, Красноярский край). Регионы околоядро заметно уступают по музейной активности: промышленные и удалённые территории (Челябинская область, Пермский край, Забайкальский край) не имеют развитой музейной сети и страдают от нехватки школ. *Географическая удалённость и преобладание промышленной специализации не способствуют формированию культурной среды, сопоставимой с европейской частью страны.*

5. Столичные агломерации – полюса концентрации ресурсов и одновременно зоны напряжения.

Москва и Санкт-Петербург решили проблему многосменного обучения, но в дошкольном образовании Москва остаётся на 83-м месте по обеспеченности местами, уступая многим провинциальным регионам. В сфере культуры обе столицы аккумулируют более четверти всех бюджетных средств страны, однако быстрый рост их пригородов (Московская и Ленинградская области) создаёт «серые зоны», где культурная и образовательная инфраструктура серьёзно отстаёт от городских центров.

6. Необходимость разноскоростной политики.

Данные показывают, что единые для всей страны нормативы и программы не учитывают глубоких различий между группами регионов. Для столичных агломераций приоритетом должно стать расширение сети детских садов и библиотек в пригородных зонах. Для исторического ядра – целевое финансирование культуры и модернизация школьных зданий, особен-

но в Сибири. Для околоядра – развитие музейной и библиотечной инфраструктуры, а также строительство новых школ в промышленных центрах. Такой дифференцированный подход будет способствовать выровниванию образовательных и культурные условий, укрепив человеческий потенциал русского ядра.

Выводы по 5 разделу

Проведённый анализ четырёх взаимодополняющих срезов – динамики сети фельдшерско-акушерских пунктов (2004–2024), последствий «оптимизации» здравоохранения для смертности трудоспособного населения (2013–2024), а также состояния образования и культуры (2024–2025) – выявляет фундаментальную асимметрию, имеющую устойчивый этнотерриториальный профиль. Территории исторического расселения русского народа – русское ядро и околоядро – несут непропорционально тяжёлое бремя инфраструктурной и демографической деградации, в то время как национальные республики, нефтяные округа и столичные агломерации либо сохранили, либо усилили свои позиции.

Здравоохранение – стержневая ось депопуляции. Сеть ФАПов в регионах русского ядра сократилась на 21,7% (потеряно 5317 пунктов), причём в Нечернозёмной зоне – Псковской, Тверской, Новгородской, Костромской областях – утраты достигали 35–51%. Параллельная «оптимизация» стационарного звена привела к беспрецедентному сжатию медицинского персонала: среднее сокращение бюджетных медработников в ядре составило 27,8%, в околоядре – 25,8% (против –20,8% в прочих регионах). Итогом стал не просто худший, а в ряде территорий прямо противоположный общероссийскому тренд по смертности трудоспособных. Если по стране в целом показатель снизился на 10,7%, то ядро дало лишь –9,1%, а околоядро – катастрофические –3,1%. В 11 из 44 регионов ядра и 4 из 12 регионов околоядра зафиксирован рост смертности или её стагнация. Ключевой результат: географическая карта «двойного поражения» (одновременное попадание в топ аутсайдеров и по сокращению медиков, и по росту смертности) практически полностью совпадает с картой русского ядра и околоядра – Архангельская, Курганская, Ивановская, Костромская области, Алтайский и Забайкальский края. Ни один регион Кавказа, Поволжья или нефтяного Севера не оказался в этом списке. Это доказывает, что политика «оптимизации» не была социально нейтральной, а легла наиболее тяжёлым бременем именно на территории с преобладанием русского населения и отсутствием политико-экономических подушек безопасности.

Образование и культура – разрыв между наследием и финансированием. На фоне здравоохранительного коллапса инфраструктура образования и культуры выглядит менее драматично, но обнаруживает ту же структурную ловушку. Детские сады в ядре и околоядре обеспечены лучше среднероссийского уровня (за счёт демографического сжатия), однако многосменное обучение стало острой проблемой именно для сибирских регионов ядра (Томская, Новосибирская области) и промышленных центров околоядра (Пермский край, Забайкалье) – там каждый четвёртый-пятый школьник учится во вторую или третью смену. В культуре исторические русские регионы удерживают лидерство по музейной посещаемости и библиотечным фондам, но финансирование этой сферы удручающе мало: малые области Центральной России получают в 10–15 раз меньше бюджетных средств на культуру, чем Москва или Санкт-Петербург. Таким образом, культурный капитал, накопленный веками, не воспроизводится, а проедается.

Системный цикл деградации и его драйверы. Объединение трёх сюжетов позволяет описать самоподдерживающийся цикл: медицинская депривация → рост предотвратимой смертности и заболеваемости → миграционный отток молодых семей → падение рождаемости → старение населения → сжатие налоговой базы → дальнейшая «оптимизация» социальной инфраструктуры. В русском ядре, в отличие от ресурсодобывающих или политически защищённых национальных территорий, отсутствуют как финансовые надбавки, способные удержать кадры, так и политические механизмы, предотвращающие закрытие учреждений. Именно это отсутствие компенсаторов превращает каждую оптимизационную меру в неамортизированный демографический шок.

Императив разноскоростной региональной политики. Совокупность фактов свидетельствует о невозможности универсальных решений. Если для столичных агломераций приоритетами должны стать расширение дошкольной сети и выравнивание культурной инфраструктуры в пригородных зонах, то для исторического ядра и околоядра требуется принципиально иной подход. Необходимы:

1) целевая федеральная программа восстановления первичного звена здравоохранения (ФАПы, районные больницы) в Нечерноземье, на Русском Севере, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке с гарантированным нормативом кадровой обеспеченности;

2) опережающее финансирование культуры и образования в малых исторических регионах, признанных хранителями национального наследия;

3) механизмы удержания медицинских и педагогических кадров на селе, включая жилищные и подъёмные выплаты, кратно превышающие существующие.

Без перелома описанных тенденций исторические *русские территории рискуют окончательно замкнуться в ловушке депопуляции, а демографическая и культурная эрозия русского ядра станет необратимой.*

РАЗДЕЛ VI. ЦЕННОСТНЫЙ ЛАНДШАФТ РУССКОГО БОЛЬШИНСТВА: МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ, КУЛЬТУРНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И ВОЦЕРКОВЛЁННОСТЬ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ЭЛЕКТОРАТОВ

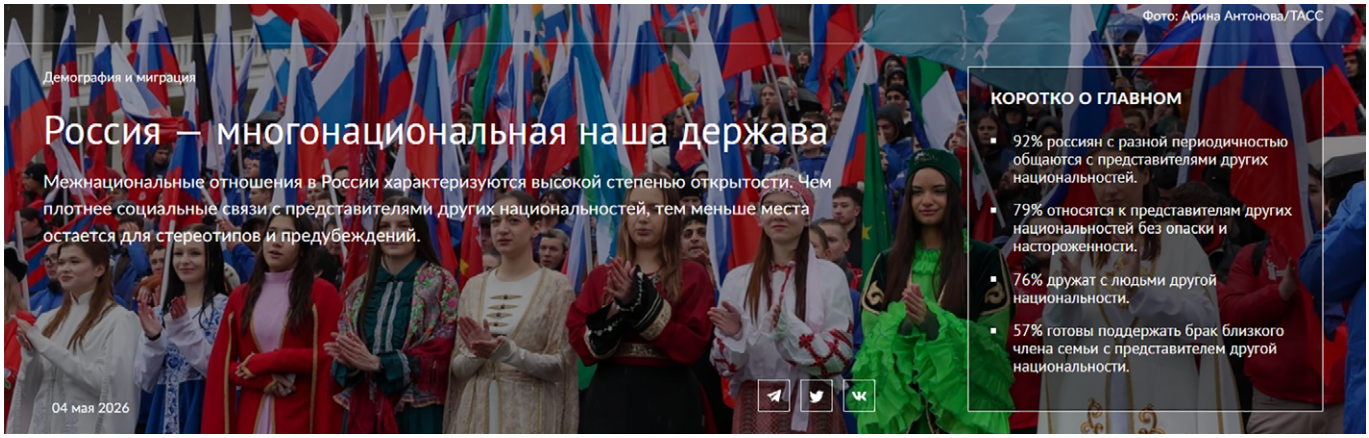
Настоящий раздел объединяет три аналитических сюжета, на первый взгляд разнородных, но связанных единой логикой – критическим переосмыслением данных, которые формируют публичный образ русского народа. В фокусе внимания оказываются не умозрительные конструкции, а конкретные социологические замеры, чьё некорректное прочтение или инструментальная ангажированность способны исказить государственную политику.

В первой части разбирается нашумевший индекс национальной терпимости АЦ ВЦИОМ. Показано, что его сводное значение для регионов русского ядра – не приговор о некой возможной ксенофобии, а математическая функция демографической структуры. Возможные попытки представить это как проблему, требующую исправления через, например, миграционные вливания, представляют политическую опасность для межнационального мира в Российской Федерации и самочувствия русского большинства.

Вторая часть раздела посвящена исследованию состояния православной религиозности русского народа. На стыке трёх независимых исследований (ПСТГУ/ФОМ, Russian Field, ВЦИОМ) фиксируется сложный процесс поляризации: размывание номинальной периферии «культурного православия» и одновременное интенсивное уплотнение литургического ядра.

Третья часть раскрывает парадоксальный ценностно-религиозный профиль электоратов партий, прежде всего КПРФ, сочетающий секулярность в исторической повестке с православной самоидентификацией. В контексте исследования некоторых аспектов идеологического профиля современного русского народа представляется анализ несовпадения этнического и религиозного ядра России.

В разделе исследуются некоторые важные показатели фактического состояния ценностных ориентаций русского большинства, критикуются спорные выводы от рейтингования регионов по степени национальной толерантности и некритическое усвоение ряда политико-идеологических стереотипов.

6.1 Межнациональные установки в регионах русского ядра и критический анализ методологии индекса национальной терпимости АЦ ВЦИОМ

Источник и параметры исследования

АЦ ВЦИОМ. «Россия – многонациональная наша держава». Опубликовано 4 мая 2026 г. Опрос «ВЦИОМ-Спутник», 5 апреля 2026 г.; N=1600 чел., 18+; погрешность ±2,5%.

Использованы все опубликованные таблицы публикации, а также данные Всероссийской переписи населения 2020 г. для демографического контекста.

Контекст: 2026 год объявлен в РФ Годом единства народов России. Исследование впервые рассчитывает сводный индекс национальной терпимости.

Аналитический центр (АЦ) ВЦИОМ опубликовал замер сводного индекса национальной терпимости с окружной разбивкой. Внешне результаты прямолинейны: лидер – Северо-Кавказский ФО (79 п.), замыкающая тройка – округа русского «ядра» (ЦФО – 52 п., ДФО – 52 п., СЗФО – 53 п.). При буквальном чтении индекса напрашивается вывод: русское ядро отстаёт по толерантности, и эту проблему нужно решать. ***Настоящий анализ показывает, что такое прочтение методологически некорректно и политически опасно.***

Демографический контекст: русское ядро как структурная константа

Как уже отмечалось, согласно итогам Всероссийской переписи населения 2020 г., русские составляют около 80% населения Российской Федерации. Их распределение крайне неравномерно: компактный массив с долей русских 85–95%+ тянется от Калининграда до Тихого океана – через большую часть областей Центрального ФО, юг и юго-запад СЗФО, русские области Поволжья, Юга России, Урала, Сибири и Дальнего Востока. На этом фоне выделяются национально-гетерогенные ареалы – Северный Кавказ, Татарстан и Башкортостан, республики Южной Сибири, Якутия и Бурятия – со своей этнокультурной спецификой и устойчивой долей нерусских этносов (рис. 1).

Карта наглядно показывает фундаментальный факт: **русское ядро – это не социологическая абстракция, а демографическая реальность, сложившаяся за столетия истории расселения.** В подавляющем большинстве муниципалитетов ЦФО, СЗФО (за исключением республик Карелия и Коми), а также в большинстве русских областей Юга, Урала, Сибири и значительной части Дальнего Востока, население почти полностью русское. Поэтому любой социологический инструмент, оценивающий межнациональные отношения, должен учитывать этот демографический ландшафт как условие задачи, а не как переменную (для коррекции).

Это принципиально важно при анализе широко разрекламированного индекса национальной терпимости АЦ ВЦИОМ, опубликованного в рамках мероприятий Года единства российских народов. Региональный срез индекса, где якобы в регионах и округах русского ядра индекс национальной терпимости явно неблагоприятен, справедливо требует *критического разбора и понимания методологических ошибок.*

Регион не может выбрать свою этническую структуру – она задана историей. Соответственно, и любой индикатор, чувствительный к этой структуре, измеряет не установки населения, а саму структуру. Чтобы проследить эту проблему в индексе ВЦИОМ, обратимся к его композиции.

Структурный порок сводного индекса национальной терпимости

Сводный индекс национальной терпимости ВЦИОМ агрегирует четыре субиндекса с разными «весами»:

- «**Брак**» **– 35%.** Готовность поддержать гипотетический межнациональный брак родственника. Формально – установка, фактически – частично функция реалистичности сценария.
- «**Отношение**» **– 25%.** Эмоциональная установка к представителям других национальностей: с опаской или напротив – без опаски. Чистая установка.

Рисунок 1

Абсолютная численность русских во всех населённых пунктах России

Источник: данные переписи населения 2021 г., визуализация t.me/parlernation.

• «**Дружба**» – **25%.** Наличие близких социальных связей за пределами своей этнической группы. Преимущественно структура среды.

• «**Взаимодействие**» – **15%.** Частота повседневного межнационального общения. Преимущественно структура среды.

Принципиально важна классификация субиндексов по тому, что они на самом деле измеряют.

Что измеряет каждый субиндекс

• «**Отношение**» **(25%) – единственный «чистый» замер установки.** Вопрос задаётся напрямую: вы относитесь к представителям других национальностей с опаской или без опаски? Ответ не зависит от того, как часто респондент с ними сталкивается. Этот субиндекс – единственный методологически корректный замер межнациональной терпимости как ценностной категории.

• «**Дружба**» **(25%) – структура среды, а не установка.** Наличие или отсутствие иноэтничных друзей определяется в первую очередь тем, кто живёт рядом, в одном дворе, учится в одной школе или работает на одном коллективе. В муниципалитете, где русские составляют 95% населения, иметь друзей другой национальности структурно затруднительно – вне зависимости от установки индивида.

• «**Взаимодействие**» **(15%) – структура среды, а не установка.** Частота повседневного общения с представителями других национальностей зависит от того, насколько они вообще присутствуют в зоне досягаемости респондента. В моноэтническом регионе ответ «почти ежедневно» физически невозможен – не из-за нежелания, а из-за отсутствия условий.

• «**Брак**» **(35%) – гибрид установки и опыта.** Формально это гипотетический вопрос об установке, но когнитивная нагрузка ответа сильно зависит от того, насколько такой сценарий реалистичен в среде респондента. Для жителя Махачкалы, например, вопрос о межнациональном браке родственника – это вопрос о повседневной реальности, а для жителя Тамбова – о редком исключении. Это не изъян в ответах респондентов – это естественное следствие демографической структуры.

Главный методологический вывод

Совокупный «вес» опытозависимых субиндексов – 75% (брак 35% + дружба 25% + взаимодействие 15%). И только 25% сводного индекса – чистая установка.

Соответственно, сводный индекс национальной терпимости ВЦИОМ на три четверти отражает не установки, а этническую гетерогенность территории. *Это не социология ценностей – это замаскированная демографическая статистика, поданная под социологической этикеткой.*

В демографическом контексте русского ядра, где русских 85–95%+, низкие значения сводного индекса национальной терпимости математически неизбежны, а *не диагностически значимы.*

Корректное прочтение: что говорят отдельные субиндексы

Если отказаться от агрегированного индекса и рассмотреть субиндексы раздельно, то картина межнациональных установок в русском ядре оказывается принципиально иной, чем может показывать интегральный вывод.

Субиндекс «Отношение» – реальные установки

Прямой вопрос ВЦИОМ – относитесь ли вы к представителям других национальностей с опаской или без опаски – даёт по России следующее распределение: **79% – без опаски, 17% – с опаской**. Это базовая, фоновая установка, не обусловленная плотностью контакта.

Перекрёстная таблица показывает, что среди тех, у кого **есть иноэтничные друзья, 85%** относятся к представителям других национальностей **без опаски, 12% – с опаской**; среди тех, у кого их **нет, 60% – без опаски, 33% – с опаской**. Разрыв, конечно, есть, но он не катастрофический. Главное же наблюдение: даже без иноэтничного дружеского окружения 60% россиян сохраняют доброжелательную установку. *Это и есть базовый уровень межнациональной терпимости в русском ядре.*

ВЦИОМ же не приводит разбивки по округам – и именно по этому субиндексу. Однако в публикации того же ВЦИОМ в июле 2024 г. был зафиксирован близкий показатель: в ЦФО 24% дают тревожные оценки межнациональных отношений (против 17% по РФ), а в СЗФО – 21%. То есть превышение над общероссийским уровнем – на 4–7 п. п., а вовсе не на 27 пунктов, как в сводном индексе. Это и есть реальный масштаб проблемы установок – *умеренное превышение, а не катастрофический разрыв.*

Субиндекс «Брак» в перекрёстной таблице

Среди россиян, не имеющих иноэтничных друзей, отношение к гипотетическому межнациональному браку родственника распределяется так: 14% полностью одобрят, 28% – скорее одобрят, 22% – безразлично, 15% – скорее не одобрят, 13% – полностью не одобрят. **Сумма позитивных и нейтральных позиций – 64%; категорическое неприятие – лишь 13%.** Большинство россиян даже без живого контакта не настроены против межнациональных браков – и это нормальный уровень брачной «терпимости» при умеренной плотности межнационального контакта.

Окружные данные по браку, проанализированные раздельно, тоже подтверждают: разрыв между лидером и аутсайдером по доле «полностью

одобрю» – 38% (СКФО) против 20% (ЦФО). Это значимый разрыв, но он отражает не только установку, но и реалистичность сценария: для жителя СКФО межнациональный брак – повседневность, для жителя же Центрального Черноземья – редкое исключение.

Правильное прочтение должно выглядеть так: ЦФО показывает консервативную брачно-семейную установку, типичную для моноэтнической традиционалистской среды. Это не дефект – это устойчивая ценностная позиция, нормальная для демографического профиля региона.

Субиндексы «Дружба» и «Взаимодействие» – карта плотности контакта

Эти субиндексы по своей логике измеряют этническую гетерогенность среды. Их окружные значения почти что зеркально воспроизводят демографическую карту страны: в СКФО (где доля русских – около 30%) 97% имеют иноэтничных друзей; в УрФО (большая доля нерусских – ХМАО, ЯНАО) – 88%; а в СЗФО (русские области с разреженным населением) – 65%. **Это не градиент установок – это градиент демографии**. Использовать эти показатели как индикатор толерантности – значит подменять понятия.

Сводный индекс по федеральным округам: для справки

Ниже приводим официальный сводный индекс ВЦИОМ (табл. 1) – с прямой оговоркой, что его прочтение должно учитывать структурный порок, описанный в разделе III. *Цифры даются для справки, а не для построения политических рекомендаций.*

Ранжирование на этом графике почти точно воспроизводит ранжирование регионов **по доле нерусского населения**: СКФО (русских ~30%) – 79 п., УрФО и ПФО (русских 68–70%) – 66–68 п., ЮФО и СФО (русских ~83–85%) – 62 п., ЦФО, СЗФО, ДФО (русских 90%+) – 52–53 п. Корреляция между этими двумя рядами – почти идеальная. Это и есть прямое визуальное подтверждение того, что *сводный индекс измеряет преимущественно этнодемографическую структуру, а не установки.*

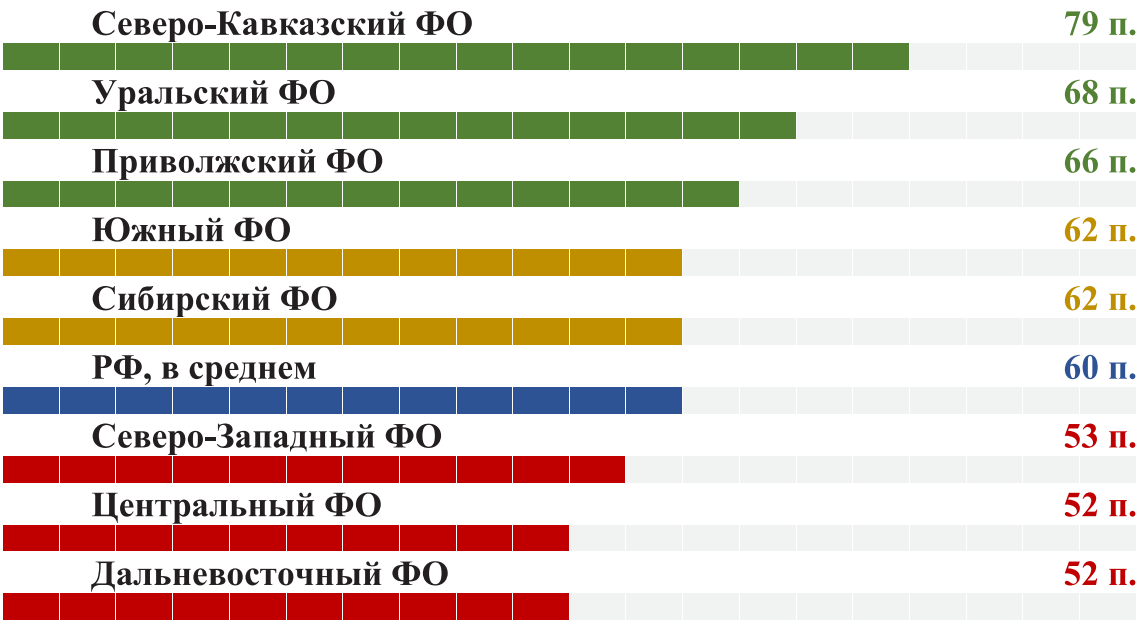
Полная «окружная» разбивка по базовым показателям

Раздел даёт «сырые» данные ВЦИОМ по трём базовым вопросам – с подсветкой лидеров и антирекордов, по строкам. Каждая таблица интерпретируется отдельно – с учётом методологических замечаний раздела III.

Таблица 1

Сводный индекс по федеральным округам

Федеральный округ	Индекс	Зона	Этнический профиль
Северо-Кавказский ФО	**79**	Лидер	Этнически гетерогенный
Уральский ФО	**68**	Лидер 2-го эшелона	Смешанный (рус. ядро + ХМАО/ЯНАО)
Приволжский ФО	**66**	Лидер 2-го эшелона	Смешанный (Татарстан, Башкортостан и др.)
Южный ФО	**62**	Середина	Преим. русское ядро + Калмыкия, Адыгея
Сибирский ФО	**62**	Середина	Преим. русское ядро + Тыва, Алтай, Хакасия
Россия в целом	**60**	Среднее РФ	–
Северо-Западный ФО	**53**	Замыкающий	Преим. русское ядро (Карелия, Коми – этнореспублики)
Центральный ФО	**52**	Замыкающий	Ядро русского ядра (моноэтнический)
Дальневосточный ФО	**52**	Замыкающий	Преим. русское ядро + Якутия, Бурятия

1. Частота повседневного общения

Лидеры по ежедневному общению (табл. 2) – этнически гетерогенные округа: СКФО (69%), ПФО (68%), УРФО (66%). Антилидеры – ЦФО, СЗФО и ДФО (по 49%). Это распределение почти что точно повторяет карту этнической структуры.

Показатель измеряет плотность контакта, а не желание контакта. Содержательно интересные строки – «никогда не общался» (ЦФО и СФО – по 8% – анклавы полной этноизоляции, преимущественно сельская и «старшая» городская среда) и «раз в полгода и реже» (СЗФО – 17%) – указывают на возрастные и территориальные подгруппы, у которых реально нет в повседневной среде возможности межнационального общения.

2. Дружеские связи

СКФО – рекорд (97% имеют друзей иной национальности; лишь 3% – нет). СЗФО – антирекорд (65%; 34% – не имеют). ***Этот показатель практически напрямую отражает долю нерусского населения в округе***. Использовать его как индикатор уровня терпимости – методологически неверно. Полезен он, однако, для другого – для оценки доли населения, у которого нет опыта личного дружеского общения, а установки формируются преимущественно через медиа (табл. 3).

3. Отношение к межнациональному браку

Самый «глубокий» субиндекс (табл. 4). Лидеры – этнически смешанные округа (СКФО – 38% полностью одобрят, УрФО – 33%, ПФО и СФО – по 30%). Замыкающая тройка – ЦФО (20%), ЮФО (22%), ДФО (23%). При этом доли категорического неприятия скромны: ДФО – 9% (рекорд), ЦФО – 7%, остальные округа – 5–7%. **Категорических противников межнационального брака – менее десятой части населения в любом из округов**. *Базовая брачно-семейная терпимость в стране устойчиво высока.*

ЦФО показывает сочетание низкой доли «полностью одобрю» (20%) – с относительно высокой долей «скорее не одобрю» (11% – рекорд). Это типичная **консервативно-традиционалистская брачная установка**, характерная для моноэтнической русской православной среды Центральной России и Черноземья. Эта установка – часть культурно-исторического профиля региона, и в политической «оптике» она не дефицит, а специфика. *Её не нужно исправлять – её нужно учитывать.*

Парадоксальный сюжет: в УрФО при высочайшей бытовой открытости (88% «друзей», 33% «полностью одобрят брак») – 7% категорических противников брака (выше среднего по РФ). Это, по всей видимости, отражение этноэндогамных установок национальных республик в составе ФО (Татарстан, Башкортостан): на уровне дружбы и общения – открытость, а вот на уровне семейного родства – внутригрупповая консервативность. Зеркальный сюжет к ЦФО – та же логика: традиционная брачная норма в этноконсолидированной среде, но только не русской, а тюркской.

Перекрёстный разрез: установки – в зависимости от наличия друзей

Это центральный аналитический материал публикации ВЦИОМ – табл. 5, показывающая разрыв в установках между подгруппами россиян «есть / нет иноэтничных друзей». Однако читать её нужно осторожно: она показывает не причинно-следственную связь («дружба создаёт терпимость»), а корреляцию двух факторов, оба из которых зависят от среды окружения.

Таблица 2

Значение индекса частоты общения по федеральным округам *(%)*

Частота общения с другими национальностями	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДФО
Почти ежедневно	57	**49**	**49**	62	**69**	68	66	54	**49**
Один-два раза в неделю	16	20	17	13	15	13	15	15	15
Один-два раза в месяц	9	10	7	10	8	7	7	8	11
Один-два раза в несколько месяцев	2	3	1	3	0	2	2	1	4
Раз в полгода и реже	8	8	**17**	5	**4**	6	**4**	10	9
Никогда не общался	6	**8**	4	5	**3**	4	4	**8**	7
Затрудняюсь ответить	2	2	5	2	1	0	2	4	5

Таблица 3

Индекс дружеских связей с людьми другой национальности *(%)*

Есть друзья другой национальности	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДФО
Есть	76	69	**65**	80	**97**	80	88	77	69
Нет	23	30	**34**	19	**3**	20	12	23	28
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1	0	0	0	0	3

Таблица 4

Отношение к межнациональному браку родственника

Вариант ответа	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДФО
Полностью одобрю	26	**20**	24	22	**38**	30	33	30	23
Скорее одобрю	31	32	32	35	28	28	30	30	33
Скорее не одобрю	8	**11**	8	9	7	8	**4**	5	6
Полностью не одобрю	6	7	**5**	6	**5**	6	7	**5**	**9**
Безразлично / нейтрально	23	22	24	25	18	25	19	26	22
В зависимости от ситуации	2	3	4	1	2	1	4	1	2
Затрудняюсь ответить	4	5	3	2	2	2	3	3	5

Что таблица **действительно** показывает: в подгруппе «есть друзья» установки в среднем благоприятнее, чем в подгруппе «нет друзей». В подгруппе «нет» – 33% настороженных, а 13% категорически против брака. В подгруппе «есть» – 12% и 4% соответственно.

Чего таблица **не доказывает**, несмотря на возможные интерпретации: что «принудительное наращивание контактов» поднимает уровень установок до уровня подгруппы «есть друзья». Подгруппа «есть друзья» формируется естественным образом – это люди, которые либо живут в этнически смешанной среде, либо склонны выбирать иноэтничных друзей по личным причинам. Перенос же этой подгруппы в качестве модели для всей страны **либо** требует **демографического перемешивания, что политически и этически неприемлемо, либо иллюзии.**

Тем не менее важная содержательная находка таблицы: даже у россиян из подгруппы «нет иноэтничных друзей» (а это в основном жители моноэтнического русского ядра) **60% без опаски, 64% позитивно или нейтрально относятся к гипотетическому смешанному браку, и лишь 13% категорически против**. И это картина вовсе не агрессивной этнозамкнутости, а скорее устойчивой бытовой терпимости, существующей независимо от плотности межнационального контакта.

Корректный политический вывод

Реальные установки россиян в русском ядре – преимущественно толерантные. Сводный индекс ВЦИОМ занижает их за счёт включения в «композицию» 75% «веса» показателей, отражающих не установки, а этнодемографическую структуру.

Если по возможным выводам исследования АЦ ВЦИОМ госорганы возьмут курс на «повышение контактности» в регионах русского ядра через миграционно-демографические инструменты – это будет не повышение толерантности, а её си-

Таблица 5

Установки в зависимости от наличия друзей иной национальности *(%)*

Показатель	Все	Друзья другой национальности		Разрыв
		есть	нет	
Без опаски, настороженности к др. национальности	79	**85**	**60**	**–25 п. п.**
С опаской, настороженностью к др. национальности	17	**12**	**33**	×**2,8**
Полностью одобрит брак родственника	26	**30**	**14**	×**2,1**
Полностью не одобрит брак	6	**4**	**13**	×**3,3**

Источник: АЦ ВЦИОМ, перекрёстные таблицы, публикации от 04.05.2026 г.

Таблица 6

Частота повседневного общения россиян разных поколений *(%)*

Частота общения	Все	Цифра (2001+)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное (1968–1981)	Застой (1948–1967)	Оттепель (до 1947)
Почти ежедневно	57	**62**	60	59	**62**	56	**41**
Раз в неделю	16	16	17	17	13	16	18
Раз в месяц	9	6	9	7	10	8	11
Раз в несколько месяцев	2	1	2	1	2	4	1
Раз в полгода и реже	8	10	9	11	6	6	7
Никогда не общался	6	**1**	3	3	5	7	**14**
Затрудняюсь ответить	2	4	0	2	2	3	8

мулякр, оплаченный размыванием демографического большинства.

Поколенческий разрез

Поколенческие данные ВЦИОМ дают вторую крупную аналитическую находку. Простая схема: молодые – открытее, старшие – консервативнее – в исследовании АЦ ВЦИОМ не подтверждается.

Поколенческая структура повседневного общения

По частоте общения молодёжь и трудоспособные поколения близки между собой (59–62% ежедневного общения). **Реформенное поколение (1968–1981 г.р., 45–58 лет) активнее всех идёт на ежедневный контакт (62%)**. Резкий обрыв – на поколении «оттепели» (до 1947 г.р., 79+ лет): 41% ежедневного общения и 14% – «никогда не общался». И это – *возрастная социальная изоляция, а не идеологическая установка* (табл. 6).

U-образная кривая отношения к межнациональному браку

Самая нетривиальная находка поколенческого разреза (табл. 7). **Доля «полностью одобрю брак» по поколениям образует U-образную кривую**: 31% – у поколения цифры, 24% – у младших миллениалов (минимум), 26% – у старших миллениалов, 25% – у реформенного поколения, 26% – у поколения застоя и 29% – у поколения оттепели.

Категорических противников: 1% – у зумеров, 7% – у миллениалов и старших, 6% – у реформенного поколения, 5% – у поколения застоя и 8% – у поколения оттепели. У старшего поколения – поляризованная позиция (одновременно лидеры и по принятию, и по неприятию). **Пик умеренного неприятия – у старших миллениалов и реформенного поколения (35–58 лет): 11% скорее не одобрят** – втрое выше, чем у зумеров и младших миллениалов.

Социологический портрет «зоны умеренного неприятия» в межнациональной повестке: миллениалы и реформенное поколение, активный трудоспособный электорат, ядро среднего возраста, доминирующее в интернет-аудитории и наиболее чувствительное к миграционной повестке. Молодёжь – нейтрально-открытая (31% – «безразлично», это максимум по выборке), старшие – поляризованные. А вот **средний возраст** – это слой, где неприятие находит повышенный отклик.

Анклавы этноизоляции

Отдельное наблюдение, заслуживающее внимания, – наличие в России устойчивых анклавов полной этноизоляции. По данным ВЦИОМ, 6% жителей в России практически *«никогда не общались»* с представителями других национальностей. Распределение этого показателя по округам: ЦФО – 8% (антирекорд страны; вместе с СФО), СФО – 8% (поляризация округа: лидеры по «полностью одобрю брак» и одновременно лидеры по полной этноизоляции»), ДФО – 7%, ЮФО – 5%, ПФО – 4%, УрФО – 4%, СЗФО – 4%, СКФО – 3%.

Поколенческий разрез показателя: 14% – у поколения оттепели, 7% – у поколения застоя, 5% – у реформенного, 3% – у миллениалов, 1% – у зумеров. То есть, «никогда не общались» – это, в первую очередь, возрастная социальная изоляция (старшие, особенно в моноэтническом ЦФО и в малых русских анклавах СФО).

Эта группа невелика количественно (около 9 млн чел. в общероссийском масштабе) и представляет собой **естественную возрастно-территориальную изолированную подгруппу,** а не зону политической напряжённости. Её установки формируются на основании медиакартины: без коррекции личным опытом, но, как показано ранее, даже при отсутствии контакта 60–64% россиян

Таблица 7

Отношение разных поколений россиян к межнациональному браку

Вариант ответа	Все	Цифра (2001+)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное (1968–1981)	Застой (1948–1967)	Оттепель (до 1947)
Полностью одобрю	26	31	24	26	25	26	29
Скорее одобрю	31	28	36	30	30	34	24
Скорее не одобрю	8	4	4	11	11	6	10
Полностью не одобрю	6	1	7	7	6	5	8
Безразлично/ нейтрально	23	31	26	22	22	20	23
В зависимости от ситуации	2	2	2	2	2	3	1
Затрудняюсь ответить	4	3	1	2	4	6	5

сохраняют толерантные установки. *Беспокоиться нужно не о численности этой группы, а о том, какие медианарративы формируют её картину мира.*

Некоторые политические выводы

Некритическое восприятие интегрального индекса национальной терпимости АЦ ВЦИОМ вполне может стать инструментом давления на органы власти регионов русского ядра для навязывания искусственных нарративов толерантности и открытия миграционных шлюзов под новым идеологическим обоснованием.

Низкий сводный индекс национальной терпимости от ВЦИОМ в регионах русского ядра ЦФО, СЗФО и ДФО – это математическое следствие демографической структуры этих округов, а не показатель какой-нибудь ксенофобии или нетерпимости их жителей. Органы госвласти должны последовательно различать эти две вещи.

Отвержение логики диффузии. Любые рекомендации в духе «повысить контактность через мобильность населения и миграционные программы» в русском ядре скрытно подразумевают размывание моноэтничности этих регионов. Это политически вредная и научно несостоятельная логика.

Защита базовых установок. Реальные межнациональные установки в русском ядре – преимущественно толерантные (60% – без опаски, даже без иноэтничных друзей, 64% – позитивны или нейтральны к смешанному браку). Э*ти данные – сильный аргумент для несогласия с возможными обвинениями экспертов и политиков в адрес регионов русского ядра в их якобы «отсталости» по межнациональной повестке.*

Региональная дифференциация. Каждый округ имеет свой профиль и свою специфику: ЦФО – традиционалистская брачная установка (часть исторического профиля региона, не дефицит); СЗФО – возрастная и территориальная изоляция (структурная, не идеологическая); ДФО – фоновая настороженность из-за миграционных сюжетов (требует регуляторных, а не «контактных» решений). Универсальные общероссийские месседжи о межнациональной терпимости для госполитики в регионах русского ядра явно нуждаются в региональной доработке с учётом мононациональной специфики.

Год единства народов – рамка, но не план демографической инженерии. 2026 год – это повод для культурно-просветительских мероприятий, образовательных программ, обмена культурным опытом, поддержки общероссийского медиапространства. Но *вовсе не повод для пересмотра демографического ландшафта в регионах русского ядра в угоду неверно методологически составленным для госструктур рейтингам толерантности.*

6.2 Православная религиозность в России 2025–2026: поляризация и уплотнение ядра

Источники:

1. ПСТГУ/ФОМ. «Ортодокс монитор: Православие в современной России. Отношение населения РФ к Русской Православной Церкви». Волны 2007, 2011, 2020, 2026. Научная лаборатория «Социология религии» ПСТГУ.

2. Russian Field. Всероссийский телефонный опрос, 15–22 июля 2025 года, выборка 1600 респондентов.

3. ВЦИОМ. Исследование религиозности, 2025 год, телефонный опрос, выборка 1600 респондентов.

В настоящем разделе дано сопоставление трёх массивов данных – мониторинга ПСТГУ/ФОМ «Ортодокс монитор» (2007–2026), всероссийского опроса Russian Field (июль 2025) и исследования ВЦИОМ (2025). Это позволяет реконструировать сложную и неоднозначную картину православной религиозности в современной России. С одной стороны, фиксируется сохранение высокого уровня православной самоидентификации, которая, однако, существенно превосходит масштабы регулярной церковной практики. С другой – за этим видимым статичным фасадом идут два встречных процесса: размывание номинальной периферии и интенсивное уплотнение глубоко воцерковлённого меньшинства. Иными словами, православие по-прежнему остаётся крупнейшей формой религиозной принадлежности, но степень включённости в церковную жизнь у разных групп православных различается радикально.

При этом для корректной интерпретации важно зафиксировать принципиальное обстоятельство. *В российском общественном, институциональном и социологическом контексте православность в массовых опросах обычно означает прежде всего принадлежность к Русской Православной Церкви или отнесение себя к её религиозно-культурной традиции.* Именно поэтому данные о православии в России описывают не абстрактную христианскую духовность вообще, а преимущественно отношение к Русской Православной Церкви как к центральному институту православной традиции в стране.

Не менее важно и другое. С учётом этноконфессиональной структуры России массив «православных» в общероссийских опросах отражает прежде всего религиозную самоидентификацию и религиозную практику русского большинства. Доля русских в составе населения, назвавшего национальность во время переписи 2020 года

составила 80,85%, а православная идентичность в стране в подавляющей степени совпадает именно с русской этнической идентичностью. В этом смысле данные о православии в значительной степени характеризуют состояние религиозности русского народа, который в Конституции Российской Федерации назван государствообразующим (ст. 67.1). Это не отменяет того, что православными могут быть представители разных этнических групп, однако *именно русские составляют основную демографическую и культурную базу православной идентичности в России.*

Почему сравнение трёх исследований принципиально важно

В публичных дискуссиях о религии в России обычно смешиваются три разных уровня анализа:

• религиозная вера – считает ли человек себя верующим;

• конфессиональная принадлежность – считает ли он себя православным;

• церковная практика – посещает ли храм, участвует ли в богослужении, исповедуется ли и причащается ли.

Это три разных социологических измерения. Человек может считать себя православным, но не быть регулярно практикующим. Может называть себя верующим, но не принадлежать к конкретной конфессии. Может посещать храм по праздникам, но не участвовать в таинствах. Поэтому всякий раз, когда в медийном поле появляется тезис о том, что *столько-то процентов россиян православные*, необходимо уточнять, о чём именно идёт речь – об идентичности, о вере или о практике.

Именно здесь сопоставление данных ПСТГУ/ФОМ, Russian Field и ВЦИОМ приобретает аналитическую ценность. Эти три исследования измеряют религиозность под разными углами и, при всей неоднородности инструментария, позволяют восстановить более точную картину состояния православной религиозности в России. При этом особую ценность представляет многолетний мониторинг ПСТГУ/ФОМ – он единственный даёт детализированную динамику не только идентичности, но и глубинных индикаторов воцерковлённости (частота причастия, участие в службах, молитва, религиозный опыт, ощущение общинной принадлежности).

Только комплексный подход, разграничивающий идентичность, веру и практику, позволяет избежать ошибочных интерпретаций, при которых «православное большинство» автоматически приравнивается к «церковному народу».

Источники и особенности методологии

ПСТГУ/ФОМ: «Ортодокс монитор» – динамика православности и глубины церковной практики

Исследование научной лаборатории «Социология религии» ПСТГУ совместно с ФОМ – это наиболее содержательный из трёх массивов с точки зрения анализа именно православной церковности. Его важнейшее преимущество – наличие длительной динамики (волны 2007, 2011, 2020 и 2026 годов) и детализированных показателей: доля православных в населении, частота посещения храмов, участие в богослужениях, частота причащения, молитвенная практика, религиозные переживания, ощущение принадлежности к религиозной общине. По сути, речь идёт не просто о фиксации религиозной самоидентификации, а о попытке измерить степень реальной воцерковлённости.

Ключевые данные ПСТГУ/ФОМ по волне 2026 года:

• доля православных – 65% населения;

• посещают храмы раз в месяц и чаще – 12% населения;

• причащаются раз в месяц и чаще – 5% населения;

• молятся ежедневно и чаще – 20% населения;

• никогда не причащаются – 37% православных;

• не ощущают принадлежности к церковной общине – 46% православных.

Предыдущие волны дали сопоставимые показатели, позволяющие выявить тренды: 2011 год – 78% православных, 2020 год – 67% и так далее. Детально эти цифры будут рассмотрены ниже.

Russian Field: религиозность как актуальный срез 2025 года

Компания Russian Field провела всероссийский телефонный опрос в июле 2025 года.

Параметры исследования:

• выборка – 1600 респондентов;

• дата проведения – 15–22 июля 2025 года;

• статистическая погрешность – не более 2,44% при доверительной вероятности 95%;

• контроль качества заявлен в полном объёме.

Сильная сторона исследования – актуальность и наличие данных не только по религиозной идентичности, но и по социально-демографическим и политическим корреляциям религиозности.

Ключевые данные Russian Field:

• верующие – 68%;

• православные – 52% от всех опрошенных;

• неверующие/атеисты – 28%;

• среди православных: посещают церковь хотя бы несколько раз в год – 72%; хотя бы раз в месяц – 24%; исповедуются и причащаются хотя бы раз в месяц – 11%.

ВЦИОМ: массовая религиозность и общий индекс практики

ВЦИОМ в 2025 году также провёл общероссийский телефонный опрос.

Параметры исследования:

- выборка – 1600 респондентов;
- метод – телефонный опрос;
- ошибка выборки – около 2,5%.

В отличие от ПСТГУ/ФОМ, ВЦИОМ в большей степени измеряет религиозность верующих вообще, а не только православных. Это существенно осложняет прямое сопоставление, но не делает его невозможным.

Ключевые данные ВЦИОМ:

- верующие – 79%;
- неверующие – 16%;
- среди верующих православных 91%; следовательно, православных от всей выборки – около 72%;
- среди верующих регулярно посещают храм не реже раза в месяц – 21%; посещают от случая к случаю – 47%; практически не посещают – 32%; молятся ежедневно – 36%; регулярно соблюдают посты – 23%; регулярно читают религиозную литературу – 17%.

Дополнительно ВЦИОМ выделяет типологию:

- воцерковлённые – 16% от верующих;
- полувоцерковлённые – 37%;
- невоцерковлённые – 47%.

Как видим, три источника взаимно дополняют друг друга: ПСТГУ/ФОМ обеспечивает глубину и динамику, Russian Field – оперативный срез с социально-демографическими коррелятами, ВЦИОМ – наиболее широкий охват с типологией верующих. При сопоставлении необходимо постоянно учитывать различия в основаниях счёта и формулировках вопросов.

Методологическое уточнение: что именно измеряют эти опросы

Перед любым сопоставлением необходимо зафиксировать: данные трёх исследований относятся к разным основаниям счёта.

- *Разные базы расчёта:* ВЦИОМ часто считает показатели от всех верующих, Russian Field значимую часть показателей считает от православных, ПСТГУ/ФОМ даёт ряд показателей в доле от всего населения, но применительно к православной группе.
- *Разные формулировки вопросов:* одна и та же практика может измеряться вопросами вроде «Как часто Вы посещаете храмы Русской Православной Церкви?», «Посещаю церковь хотя бы несколько раз в год», «Регулярно посещаю», «От случая к случаю».
- Разные уровни строгости: бинарные формулировки обычно завышают долю практикующих; детализированные шкалы дают более консервативную оценку.

Следовательно, *механическое сравнение процентов без учёта конструкции вопроса ведёт к искажению выводов.*

Методологическая прозрачность – обязательное условие корректной интерпретации: одни и те же цифры могут означать разное в зависимости от того, к какой базе (население, верующие, православные) они относятся и как был сформулирован вопрос.

Православная идентичность: массовая, но неоднородная

Сводные показатели трёх опросов

Сравнение ключевых параметров религиозной самоидентификации по трём источникам представлено в табл. 8.

Как видно из табл. 8, разброс оценок доли православных является следствием не столько статистической погрешности, сколько методологических различий в построении опросного инструментария и определении базовой совокупности.

Что означает этот разброс

Разница между 52% православных у Russian Field, 65% у ПСТГУ/ФОМ и около 72% у ВЦИОМ не может быть объяснена одной только статисти-

Таблица 8

Религиозная самоидентификация населения России (2025–2026 гг.)

Показатель	ВЦИОМ 2025	Russian Field 2025	ПСТГУ/ФОМ 2026
Верующие	79%	68%	–
Православные	~72%*	52%	65%
Неверующие/атеисты и вне конфессий	21%**	32%***	22%****

* Пересчёт: 91% от 79% верующих.

** Включая неверующих и затруднившихся с ответом.

*** 28% неверующих/атеистов и 4% затруднившихся.

**** 6% атеистов + 16% не относящих себя ни к какому вероисповеданию.

ческой ошибкой. Это именно методологическое расхождение, вызванное как минимум тремя причинами.

Таблица 9

Динамика конфессиональной самоидентификации (2011–2026 гг.)

Вероисповедание	2011	2020	2026
Православие	78%	67%	65%
Ислам	6%	8%	9%
Другое вероисповедание	2%	3%	3%
Я атеист(ка)	2%	7%	6%
Не отношу себя ни к какому вероисповеданию	11%	15%	16%
Затрудняюсь ответить	1%	1%	1%

Первая причина – различная логика вопроса. Если респондента сначала спрашивают, является ли он верующим человеком, а уже затем о конфессии, это сужает православную категорию. В неё не попадёт часть тех, кто считает себя православным по культуре, традиции или происхождению, но не готов жёстко назвать себя верующим.

Вторая причина – разная чувствительность к «культурному православию». ВЦИОМ, судя по результатам, шире захватывает слой номинально православных, тогда как Russian Field фиксирует более узкую, более требовательную к содержанию группу.

Третья причина – эффект общественно одобряемого ответа. В телефонных опросах по теме религии часть респондентов склонна давать ответы, которые воспринимаются как более социально легитимные. Это особенно вероятно в вопросах о вере и конфессиональной принадлежности.

Динамика православной самоидентификации по ПСТГУ/ФОМ

Мониторинг ПСТГУ/ФОМ даёт уникальную возможность увидеть динамику за пятнадцать лет. Соответствующие данные сведены в табл. 9.

Табл. 9 отчётливо фиксирует устойчивое сокращение православной идентичности и зеркальный рост нерелигиозных категорий. Совокупное снижение доли православных за пятнадцать лет составило 13 процентных пунктов, причём основное падение пришлось на 2010-е годы, а в последний межволновой период темп сокращения замедлился. Это даёт основание предполагать, что идентичность приближается к структурно устойчивому уровню – около 65%. Параллельно с этим суммарный нерелигиозный сегмент (атеисты и не относящие себя ни к какому вероисповеданию) вырос почти вдвое: с 13% в 2011 году до 22% в 2026-м.

Содержательно это означает, что *православная идентичность в России перестала быть идентичностью по умолчанию, какой она была в 1990-е и 2000-е годы, когда массовое обращение в православие после распада СССР приводило к тому, что многие номинально включали себя в эту категорию без какой-либо реальной религиозной практики.* Сегодня всё большее число граждан, ранее автоматически называвших себя православными, переходит в категорию «без вероисповедания» – не становясь ни атеистами, ни приверженцами иных религий. Это скорее переход от номинального к более честному самоопределению.

Вывод по самоидентификации

Если выйти за пределы буквального сопоставления и оценить совокупную картину, можно утверждать следующее: в 2025–2026 годах православную принадлежность в России декларируют примерно от половины до двух третей взрослого населения, а наиболее реалистичная рабочая оценка находится в диапазоне 60–65%.

Это означает, что православие сохраняет статус главной конфессиональной идентичности страны и в значительной степени остаётся религиозно-культурной формой самоописания русского большинства.

Вывод. Православная идентичность остаётся массовой, но переживает процесс очищения от номинальных наслоений, тогда как зона религиозной индифферентности и неверия заметно расширяется. Ключевой долгосрочный тренд – сокращение доли тех, кто называет себя православным по инерции.

Православность как принадлежность к Русской Православной Церкви

Для медийной интерпретации принципиально важно подчеркнуть: когда массовые исследования фиксируют православных в России, в подавляющем большинстве случаев речь идёт о людях, которые либо прямо относят себя к Русской Православной Церкви, либо отождествляют себя с её канонической и культурной традицией. Социологическая православность в российском контексте – это не абстрактная богословская категория и не принадлежность к мировому православию в широком смысле, а прежде всего принадлежность к Русской Православной Церкви как базовому религиозному институту страны.

Это обстоятельство имеет два следствия.

Во-первых, данные о православии – это в значительной мере данные об отношении населения к церковному институту РПЦ, а не

Таблица 10

Регулярное посещение храмов: данные трёх опросов

Показатель	ВЦИОМ 2025	Russian Field 2025	ПСТГУ/ФОМ 2026
Раз в месяц и чаще	21% от верующих	24% от православных	12% от населения

только к вере как внутреннему переживанию.

Во-вторых, поскольку основную массу православных в России составляют русские, такие исследования описывают преимущественно религиозную самоидентификацию и религиозную практику русского народа. С учётом конституционной формулы о русском народе как государствообразующем это означает, что речь идёт об одном из важнейших показателей символического и культурного состояния большинства страны. Именно поэтому динамика православной религиозности имеет не только конфессиональное, но и более широкое общественно-политическое и цивилизационное значение.

Вывод. Опросы о православных в России фактически измеряют отношение к Русской Православной Церкви как институту, а в силу этнодемографической структуры – в первую очередь религиозное самоопределение русского государствообразующего народа.

Посещение храмов: где проходит граница между идентичностью и практикой

Регулярное посещение – раз в месяц и чаще

Сопоставление доли регулярно (не реже раза в месяц) посещающих храм по трём опросам дано в табл. 10.

На первый взгляд данные сильно расходятся. Однако после приведения к сопоставимому знаменателю расхождение заметно сглаживается. Если у ПСТГУ/ФОМ 12% от всего населения – это православные, посещающие храм раз в месяц и чаще, а доля православных составляет 65%, то внутри православного массива это около 18%. Тогда оценки располагаются в диапазоне 18–24% от православных, что указывает на консенсус: регулярное посещение храма характеризует примерно каждого пятого православного.

Таблица 11

Частота посещения храмов православными (2011–2026 гг., % от населения)

Частота посещения храмов	2011	2020	2026
Раз в месяц и чаще	10%	14%	12%
Несколько раз в год	25%	24%	21%
Раз в год	12%	12%	12%
Реже одного раза в год	11%	9%	9%
Никогда	18%	8%	10%
Затрудняюсь ответить	2%	0%	1%

Динамика посещения храмов по данным ПСТГУ/ФОМ

Детальная многолетняя динамика доступна именно по мониторингу ПСТГУ/ФОМ (табл. 11).

Табл. 4 демонстрирует характерный V-образный профиль: пандемийный пик 2020 года (14% регулярных посетителей) сменился частичным откатом, но показатель 2026 года всё ещё выше уровня 2011-го. Схожая динамика у группы «несколько раз в год» (снижение с 25% до 21%) и у крайней категории «никогда» – резкое падение к 2020 году и последующий рост до 10%, что свидетельствует о возврате части номинальных православных к идентичности без практики.

Вывод 1. Несмотря на разницу в формулировках, все три исследования ведут к схожему итоговому выводу: регулярно, не реже раза в месяц, храм посещает примерно каждый пятый православный. Это один из наиболее устойчивых результатов всего сопоставления. Он показывает, что между широкой православной идентичностью и реальной приходской практикой существует значительный разрыв.

Вывод 2. Регулярная храмовая практика остаётся уделом меньшинства, причём на длинной дистанции заметен медленный, но устойчивый сдвиг от эпизодического присутствия к более частому посещению внутри самого этого меньшинства.

Эпизодическое посещение храма: широкая зона культурного православия

Ходят несколько раз в год и чаще

Объём эпизодической связи с храмом по трём замерам отражён в табл. 12.

У ПСТГУ/ФОМ показатель 33% от населения складывается из 12% (раз в месяц и чаще) и 21%

Таблица 12

Эпизодическое посещение храмов: сопоставление опросов

Показатель	ВЦИОМ 2025	Russian Field 2025	ПСТГУ/ФОМ 2026
Несколько раз в год и чаще	68% от верующих	72% от православных	33% от населения

(несколько раз в год). В пересчёте на православный массив (65% населения) это даёт около 51% православных. Таким образом, диапазон эпизодической практики среди православных составляет от половины до почти трёх четвертей – в зависимости от широты формулировки вопроса.

Таблица 13

Частота участия в религиозных службах (2011–2026 гг., % от населения)

Частота участия в службах	2011	2020	2026
Раз в месяц и чаще	8%	7%	6%
Несколько раз в год	20%	15%	11%
Раз в год	10%	10%	8%
Реже одного раза в год	10%	8%	8%
Никогда	28%	26%	32%
Затрудняюсь ответить	2%	1%	0%

Почему Russian Field и ВЦИОМ дают более высокие цифры

Причина, скорее всего, кроется в том, что формулировка «хотя бы несколько раз в год» или «от случая к случаю» охватывает очень широкий круг практик: посещение пасхальной службы, крещенские, венчальные, поминальные и семейные ритуалы, редкие визиты в храм без участия в литургии, символическое «захожу поставить свечу». У ПСТГУ/ФОМ шкала строже и лучше разделяет эпизодическое присутствие и церковное участие.

Вывод 1. Корректнее всего формулировать результат так: эпизодическую связь с храмом сохраняет от половины до двух третей православных, но для значительной части этой группы речь идёт не о регулярной церковной жизни, а о культурно-обрядовой связи с православной традицией.

Вывод 2. За высокими цифрами эпизодического посещения скрывается преимущественно обрядово-культурная модель поведения, а не устойчивая приходская практика.

Участие в богослужениях: более строгий маркер вовлечённости

Отдельного внимания заслуживает различие между простым посещением храма и участием в религиозных службах. Можно зайти поставить свечу, помолиться о близких, заказать требу – и при этом не оставаться на богослужение. Динамику этого более строгого индикатора по данным ПСТГУ/ФОМ иллюстрирует табл. 13.

Данные табл. 6 фиксируют последовательное снижение доли регулярных участников богослужений (с 8% до 6%) и почти двукратное сокращение группы «несколько раз в год» (с 20% до 11%). При этом доля никогда не участвующих в службах достигла максимума за весь период наблюдений – 32%. Это подчёркивает важный нюанс: *россияне могут физически заходить в храм, но всё реже становятся именно участниками литургической жизни.*

Вывод. Между посещением храма и участием в богослужении существует растущий разрыв, который указывает на распространение «внелитургической» религиозности даже среди номинально православных.

Причастие: наиболее надёжный критерий церковного ядра

Сопоставимые показатели

Сравнение данных по ключевому индикатору глубокой воцерковлённости – регулярному причастию – приведено в табл. 14.

При пересчёте данных ПСТГУ/ФОМ (5% от населения при 65% православных) получаем около 8% от православных. Таким образом, два независимых исследования сходятся на оценке 8–11% православных, регулярно участвующих в таинствах, что позволяет считать этот диапазон надёжным.

Динамика частоты причащения по ПСТГУ/ФОМ

Многолетняя эволюция евхаристической практики прослеживается в табл. 15.

Табл. 15 отчётливо показывает пандемийный пик евхаристической активности с последующей

Таблица 15

Частота причастия среди православных (2011–2026 гг., % от населения)

Частота причастия	2011	2020	2026
Раз в месяц и чаще	2%	6%	5%
Три-четыре раза в год	3%	4%	2%
Один-два раза в год	9%	14%	9%
Реже одного раза в год	11%	12%	12%
Никогда	50%	30%	37%
Затрудняюсь ответить	3%	1%	0%

Таблица 14

Регулярное причастие: Russian Field и ПСТГУ/ФОМ

Показатель	Russian Field 2025	ПСТГУ/ФОМ 2026
Исповедуются и причащаются раз в месяц и чаще	11% от православных	5% от населения

коррекцией. Доля регулярно причащающихся к 2026 году незначительно снизилась относительно 2020-го, но остаётся в 2,5 раза выше уровня 2011 года. Ключевой индикатор – доля никогда не причащающихся хотя и подросла до 37%, не вернулась к допандемийным показателям в 50%, что говорит о сохранении части накопленного литургического вовлечения.

Причастие – значительно более строгий индикатор, чем просто посещение храма. Человек может зайти в церковь, прийти на праздник, присутствовать на службе. Но регулярное участие в таинствах означает уже встроенность в церковную жизнь, а не только символическую принадлежность. Следовательно, именно этот показатель позволяет выделить глубоко воцерковлённое меньшинство.

Вывод. Церковное ядро, выделяемое по критерию регулярного причастия, составляет около 8–11% от православных. На длинной дистанции оно выросло, но остаётся сравнительно узким и испытывает колебания, связанные с внешними факторами.

Уплотнение церковного ядра: главный сюжет 2026 года

До сих пор приведённые данные демонстрировали неоднозначную, частично понижательную динамику. Однако если перейти от анализа всех православных к анализу воцерковлённой их части – тех, кто посещает богослужения раз в месяц и чаще, – открывается картина принципиально иного характера. Именно здесь, в подгруппе регулярно практикующих, фиксируется главный содержательный сюжет: резкое уплотнение и качественное углубление религиозной жизни.

Этот процесс количественно раскрыт в табл. 16.

Цифры в табл. 16 фиксируют тектонический сдвиг. За пятнадцать лет доля регулярно причащающихся среди активных прихожан выросла в 4,5 раза – с 14% до 64%. Иными словами, если в 2011 году среди десяти человек, регулярно ходящих в храм, лишь один-два причащались ежемесячно, то сегодня таких уже шестеро или семеро. Одновременно в разы сократились доли тех, кто, регулярно посещая службы, ограничивался редким причастием или вовсе обходился без него.

Таким образом, воцерковлённое сообщество в 2026 году принципиально иное, чем пятнадцать лет назад: регулярное посещение храма и регулярное причастие в нём практически слились. Численно эта группа невелика (около 5–6% населения), но по интенсивности религиозной жизни она формирует беспрецедентно плотное и дисциплинированное ядро. Это и есть процесс поляризации: православных в целом становится меньше, но те, кто остаётся в активной практике, живут церковной жизнью гораздо глубже.

Вывод по разделу 10. Ключевой структурный сдвиг 2026 года – не рост числа верующих, а качественное преображение самого понятия «воцерковлённый православный»: посещение богослужений и причастие превратились в единую литургическую норму.

Таблица 16

Частота причастия среди воцерковлённых православных (посещающих службы раз в месяц и чаще; 2011–2026 гг.)

Частота причастия (от воцерковлённых)	2011	2020	2026
Раз в месяц и чаще	14%	45%	64%
Три-четыре раза в год	15%	14%	10%
Один-два раза в год	30%	21%	13%
Реже одного раза в год	16%	8%	4%
Никогда	19%	10%	9%
Затрудняюсь ответить	6%	2%	0%

Таблица 17

Частота молитвы среди православных (2007–2026 гг., % от населения)

Частота молитвы	2007	2020	2026
Несколько раз в день	6%	10%	8%
Один раз в день	9%	14%	12%
Чаще, чем раз в неделю	4%	5%	4%
Один раз в неделю	3%	5%	4%
От одного до трёх раз в месяц	6%	5%	4%
Реже	21%	11%	13%
Никогда	22%	15%	19%
Затрудняюсь ответить	2%	2%	1%

Молитва: показатель важный, но ограниченно сопоставимый

Данные исследований

ПСТГУ/ФОМ, 2026 год (проценты от населения):

- несколько раз в день – 8%;
- один раз в день – 12%;
- итого ежедневно и чаще – 20%.

ВЦИОМ, 2025 год: ежедневно молятся 36% всех верующих.

Динамика молитвенной практики по ПСТГУ/ФОМ

Многолетняя динамика этого индикатора представлена в табл. 17.

Табл. 17 демонстрирует уже знакомый V-образный профиль: пандемийный всплеск ежедневной молитвы (суммарно 24% в 2020 году) сменился откатом до 20%, но показатель остаётся выше уровня 2007 года (15%). При этом доля никогда не молящихся (19% в 2026 г.) существенно ниже стартовой точки (22%), что свидетельствует о частичном удержании молитвенной дисциплины.

Почему разница не должна вводить в заблуждение

Молитва – один из наиболее чувствительных и субъективных индикаторов. Люди по-разному понимают термин: краткая молитва перед сном, утреннее и вечернее правило, спонтанное обращение к Богу, участие в церковной молитве. Более высокие показатели ВЦИОМ, вероятно, отражают широкое понимание и более мягкую схему ответа.

Вывод. Ежедневная молитвенная практика охватывает около пятой части православных, существенно уступая масштабам идентичности, но превосходя узкое ядро регулярно причащающихся. Это промежуточный слой с большим потенциалом дальнейшего воцерковления.

Внутренняя религиозность: вера, размышления и религиозный опыт

Мониторинг ПСТГУ/ФОМ содержит уникальные индикаторы, не имеющие прямых аналогов в массовых опросах ВЦИОМ и Russian Field. Они позволяют увидеть субъективную глубину религиозной жизни.

Таблица 18

«Интенсивность» веры в Бога (2007–2026 гг., % от населения)

Интенсивность веры	2007	2020	2026
Очень сильно верю	8%	15%	11%
Довольно сильно верю	17%	16%	14%
Средне верю	22%	24%	28%
Слабо верю	17%	8%	8%
Совсем не верю	6%	2%	2%
Затрудняюсь ответить	3%	2%	2%

«Интенсивность» веры в Бога

Распределение субъективной силы веры отражено в табл. 18.

Как видно из таблицы 18, доля очень сильно верующих сократилась по сравнению с пандемийным пиком, но удержалась выше уровня 2007 года. Наиболее заметный структурный сдвиг – рост средне верующих до 28% и резкое сокращение слабо верующих (с 17% до 8%). Сопоставление с долей православных (65%) показывает: лишь около 25% всего населения (сумма «очень сильно» и «довольно сильно») сочетают православную идентичность с интенсивной личной верой. Остальные 40% православных по самоидентификации – это носители умеренной или слабой веры, что дополнительно подтверждает масштаб культурно-этнической, а не сугубо религиозной принадлежности.

Частота религиозных размышлений

Частота когнитивной вовлечённости в религиозную тематику дана в табл. 19.

Табл. 19 фиксирует рост суммарной доли часто размышляющих о религии с 12% до 19% за два десятилетия при частичном откате от пика 2020 года. Это согласуется с общей логикой: внутренняя религиозная рефлексия расширилась, но не стала всеобщей.

Религиозный опыт

Самый устойчивый из всех индикаторов – частота переживания религиозного опыта – представлен в табл. 20.

Таблица 19

Частота размышлений на религиозные темы (2007–2026 гг., % от населения)

Частота размышлений	2007	2020	2026
Очень часто	2%	7%	6%
Часто	10%	14%	13%
Иногда	23%	20%	18%
Редко	24%	18%	17%
Никогда	14%	8%	11%

Таблица 20

Частота переживания религиозного опыта (2007–2026 гг., % от населения)

Частота переживания опыта	2007	2020	2026
Очень часто	2%	5%	6%
Часто	11%	12%	10%
Иногда	22%	21%	18%
Редко	15%	18%	17%
Никогда	19%	10%	11%

Таблица 21

Ощущение принадлежности к церковной общине среди православных (2020–2026 гг.)

Ощущение принадлежности к общине	2020	2026
Ощущаю очень сильно	1%	1%
Ощущаю довольно сильно	2%	2%
Ощущаю средне	6%	6%
Ощущаю слабо	8%	8%
Не ощущаю	47%	46%
Затрудняюсь ответить	3%	2%

Уникальность табл. 20 в том, что это единственный показатель, который не снизился в 2026 году относительно 2020-го: доля очень часто переживающих вмешательство Бога даже немного подросла (до 6%). Глубинный, мистический пласт религиозной жизни демонстрирует наибольшую устойчивость к внешним колебаниям.

Вывод. Внутренняя религиозность православных характеризуется ростом срединной зоны (умеренная вера, нерегулярные размышления) при сохранении небольшого, но стабильного слоя с интенсивным религиозным опытом. Именно этот опыт оказался наиболее резистентным к постпандемийному откату.

Воцерковлённость: сводный итог сопоставления

Три исследования, несмотря на методологические различия, сходятся в ключевом выводе: *в России существует сравнительно небольшое, но устойчивое ядро воцерковлённых православных.*

- По ВЦИОМ: воцерковлённые – 16% от всех верующих, что составляет примерно 13% населения.
- По ПСТГУ/ФОМ: ежемесячно посещают храм 12% населения; ежемесячно причащаются 5% населения; ежедневно молятся 20% православных.
- По Russian Field: ежемесячно посещают церковь 24% православных; ежемесячно исповедуются и причащаются 11% православных.

Сводный вывод: ядро воцерковлённых православных можно оценить как около 10–15% населения по мягким критериям (регулярное посещение) и около 8–11% православных по строгому критерию регулярного участия в таинствах. Именно в этой среде внутрицерковная дисциплина за пятнадцать лет радикально усилилась.

Вывод. Независимо от методики замера, исследователи фиксируют одну и ту же структуру: массовая идентичность, тонкий слой регулярно практикующих и ещё более узкое евхаристическое ядро.

Принадлежность к общине: слабое место российского православия

Отдельного и самого внимательного рассмотрения заслуживает вопрос об ощущении принадлежности к церковной, приходской или религиозной общине. Данные по этому индикатору – один из наиболее тревожных сигналов мониторинга – приведены в табл. 21.

Цифры в табл. 21 практически не изменились за межволновой период. Более половины православных (сумма «не ощущаю» и «слабо» – 54%) не воспринимают себя частью реальной церковной общности. Сильную или очень сильную принадлежность декларируют лишь 3% населения. Это означает, что даже на фоне углубления индивидуальной литургической практики общинное измерение остаётся неразвитым. Уплотнение ядра происходит через личное благочестие, а не через формирование устойчивых горизонтальных связей.

Такая ситуация имеет исторические корни: советский период полностью разрушил традиционные приходские структуры, и постсоветское возрождение не смогло восстановить общинную составляющую, которая остаётся самым слабым звеном современной российской церковной реальности.

Вывод. Общинная жизнь – главная институциональная проблема русского православия: глубокая личная вера и даже частое причастие не конвертируются в чувство принадлежности к приходу, что создаёт риск атомизации даже внутри воцерковлённого ядра.

Социальный смысл полученных данных: четыре слоя православного массива

С общественной точки зрения важно не только то, сколько людей называют себя православными, но и то, какую форму принимает эта православность. Сегодня можно говорить как минимум о четырёх слоях внутри православного массива:

1. **Институционально воцерковлённые** – регулярно посещают богослужения, исповедуются и причащаются, имеют устойчивую связь с приходской жизнью. Их сравнительно немного, но именно они формируют ядро церковного сообщества, и именно в этой группе зафиксировано радикальное уплотнение практики.

2. **Практикующие, но нерегулярные** – ходят в храм несколько раз в год, участвуют в религиозной жизни по большим праздникам, иногда соблюдают посты и молятся.

3. **Культурно-обрядовые православные** – наиболее широкий слой: считают себя православными, признают значение Церкви, участвуют в обрядах жизненного цикла, но не живут в режиме регулярной церковной дисциплины.

4. **Формально идентифицирующиеся** – те, для кого православие прежде всего знак происхождения, элемент национально-культурной принадлежности, часть цивилизационного самоописания России.

Именно движение между этими слоями и определяет реальную динамику религиозности.

Вывод. Социологически православное сообщество представляет собой не монолит, а четырёхслойную структуру, внутри которой происходят разнонаправленные процессы: часть номинальных верующих дрейфует в сторону секулярности, в то время как внутри ядра резко возросла литургическая дисциплина.

Динамика в целом: поляризация религиозного пространства

Суммируя пятнадцатилетнюю динамику ПСТГУ/ФОМ, можно сформулировать несколько фундаментальных трендов.

Сокращение православной идентичности. Доля православных снизилась с 78% до 65% (–13 п. п.). Основной этап сокращения пришёлся на 2010–е годы, после чего темп замедлился. Это очищение идентичности от номинальных наслоений 1990–2000-х.

Рост нерелигиозного сегмента. Атеисты – с 2% до 6%, не относящие себя ни к какому вероисповеданию – с 11% до 16%. Суммарно нерелигиозный сегмент вырос с 13% до 22% – почти вдвое. Это появление устойчивой светской группы.

Рост исламского сегмента – с 6% до 9% (+3 п. п.), отражающий демографические и миграционные процессы.

Пандемийный пик и последующий откат. Почти все показатели религиозности достигли пика в 2020 году и затем частично откатились. Пандемийный всплеск оказался по большей части ситуативным, но на некоторых показателях положительный сдвиг 2010-х закрепился.

Уплотнение и углубление церковного ядра. На фоне отката большинства показателей внутри воцерковлённой части идёт центростремительный процесс. Доля регулярно причащающихся среди регулярно посещающих службы выросла с 14% до 64% – в четыре с половиной раза.

Слабость общинного измерения. Более 70% православных не ощущают принадлежности к общине, и эта цифра стабильна, что указывает на структурный, а не конъюнктурный характер проблемы.

Поляризация. Главный обобщающий вывод: религиозное пространство современной России поляризуется. С одной стороны, формируется немногочисленное (5–6% населения), но интенсивно практикующее ядро. С другой – расширяется периферия (частично номинальные православные без практики плюс растущая группа нерелигиозных). Средняя зона – те самые средне верующие, формально православные и эпизодически бывающие в храме, – постепенно истончается и расщепляется в обе стороны.

Вывод. Динамика российской религиозности – это не линейный рост или упадок, а поляризация, при которой ослабевает середина и одновременно усиливаются как полюс секулярности, так и полюс глубокой церковности.

К вопросу о религиозности русского ядра

Данные всех трёх исследований собраны на общероссийских выборках и не позволяют напрямую разделить ответы по национальности. Однако с учётом того, что русские составляют около 80% населения, а православная идентичность в России в подавляющей степени совпадает с русской этнической идентичностью, общие тренды в очень значительной мере характеризуют именно религиозную динамику русского народа.

Сокращение православной идентичности с 78% до 65% – это в первую очередь сокращение её доли среди русских. Рост нерелигиозности также в значительной мере приходится на русское

население. Это означает, что в составе государствообразующего народа происходит постепенная, но уверенная секуляризация – параллельная процессу качественного углубления религиозной жизни у меньшинства.

Вывод. Религиозная поляризация в России имеет ярко выраженное этнокультурное измерение: она в первую очередь затрагивает русское большинство, внутри которого секуляризация и литургическое возрождение идут рука об руку.

Насколько сопоставимы три исследования

Подводя методологический итог:

• **Высокая степень сопоставимости:** общий вывод о массовом характере православной идентичности; общий вывод о том, что регулярная практика характерна для меньшинства; выделение небольшого воцерковлённого ядра.

• **Средняя степень сопоставимости:** показатели ежемесячного посещения храма; объём эпизодически практикующих.

• **Низкая степень сопоставимости**: абсолютный уровень православной самоидентификации; молитвенная практика; широкий показатель «посещают церковь хотя бы несколько раз в год».

Практический вывод: три исследования не дают полностью одинаковых цифр, но дают совместимую структурную картину. В этом и состоит главный научно значимый результат.

Вывод. Методологическая триангуляция подтверждает надёжность ключевых структурных выводов, даже если конкретные проценты варьируются.

Итоговая оценка состояния православной религиозности в России

На основании всего вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

Первое. Православие остаётся главной конфессиональной идентичностью России. В зависимости от метода измерения к православным себя относят от 52% до 72% населения, а наиболее вероятный уровень – около 60–65%.

Второе. Православность в российских исследованиях означает прежде всего принадлежность к Русской Православной Церкви или к её религиозно-культурной традиции.

Третье. Поскольку основную часть православного массива составляет русское население, полученные данные отражают состояние религиозной идентичности и религиозной практики русского народа как государствообразующего.

Четвёртое. Массовая православная идентичность не равна массовой церковной практике. Регулярно посещают храм около каждого пятого православного, регулярно причащаются около 8–11%.

Пятое. Ключевая тенденция последних лет – поляризация. Меньше становится автоматической, инерционной православности, больше значения приобретает осознанная и дисциплинированная церковная практика.

Шестое. Основной структурный сдвиг – сокращение номинальной периферии при одновременном уплотнении воцерковлённого ядра. Внутри этого ядра произошла качественная трансформация: регулярное посещение храма и участие в таинствах стали почти синонимами (64% регулярно причащающихся среди регулярно посещающих службы).

Седьмое. Самое слабое звено – общинное измерение церковной жизни. Более 70% православных не ощущают принадлежности к приходской общине, и этот показатель стабилен. Восстановление общинных связей остаётся стратегической задачей Русской Православной Церкви.

Вывод по разделу. Россия остаётся страной православной идентичности, но её религиозный ландшафт усложняется: идентичность без практики, интенсивная личная вера и общинная принадлежность образуют разноуровневую, а не единую картину.

Заключение

Если суммировать результаты трёх исследований в одной формуле, она будет звучать так: **Россия остаётся страной массовой православной идентичности, но не страной массовой церковной практики**. При этом внутри православного массива идёт глубокий процесс поляризации: расширяющаяся светская периферия соседствует с небольшим, но качественно растущим литургическим ядром.

Православие по-прежнему выступает важнейшей формой самоописания русского большинства и, следовательно, одним из центральных маркеров культурного и исторического самосознания страны. Но данные показывают, что эта идентичность перестаёт быть инерционной и автоматической. Она либо осознаётся и углубляется в регулярную церковную жизнь либо постепенно замещается секулярным самоопределением.

Иначе говоря, речь идёт не о линейном упадке и не о всеобщем религиозном подъёме, а о перестройке самой структуры православности в России. Именно эта двойственная динамика – одновременно и вызов, и точка возможного роста для Русской Православной Церкви в ближайшие десятилетия.

6.3. Религиозность электоратов парламентских партий и этнорелигиозный фактор фактор при оценке символических конфликтов 2025 года

Источник: *Всероссийский телефонный опрос Russian Field 15–22 июля 2025 года, выборка 1600 респондентов, репрезентативна по полу, возрасту, типам населённых пунктов и федеральным округам. Максимальная ошибка с вероятностью 95% – 2,44%.*

В общественном мнении господствует много стереотипов о религиозности электоратов различных партий, совпадении и несовпадении регионов этнического и религиозного ядра русского народа. В публикациях по итогам исследований редко анализируется партийно-политический и этнорелигиозный фактор при оценке тех или иных событий общественно-политической жизни.

Например, электорат КПРФ в массовом сознании нередко описывается как секулярный, ностальгически советский и дистанцированный от церковной жизни. Однако данные исследования Russian Field показывают существенно более сложную картину. Так, среди сторонников КПРФ большинство составляют верующие, около половины относят себя к православию, но при этом именно в этом электорате особенно высока доля номинально православных, не включённых в регулярную церковную практику. На фоне этой умеренной религиозности коммунистический электорат демонстрирует максимальную мобилизацию в вопросах Ленина, Мавзолея, оценки десталинизации и партийной исторической повестки.

Территориальный анализ показывает, что религиозность распределена по федеральным округам крайне неравномерно, и эта неравномерность хорошо описывается через концентрическую модель русского расселения. Этническое ядро не тождественно религиозному максимуму: столицы и Северо-Запад хотя и являются регионами русского ядра, но оказываются наиболее секулярными, тогда как Юг и Урал выступают опорными зонами православной практики. А религиозный электорат КПРФ сосредоточен в смешанных зонах русского большинства – Центральной России (без Москвы), на Юге, в Приволжье, на Урале и в части Сибири.

Методология. При интерпретации различий по федеральным округам в данном анализе используется концентрическая модель русского расселения в Российской Федерации. Эта модель позволяет рассматривать территорию страны не как механическую сумму округов, а как систему исторически сложившихся поясов с разной плотностью русского большинства, разной историей освоения и разной структурой конфессионального пространства.

В рамках этой модели выделяются четыре макрозоны:

1. **Русское ядро – Центральный и Северо-Западный федеральные округа.** Здесь сосредоточено 46,52% всех русских страны. Средняя доля русских – 91,88%. Это историческая территория формирования русского этноса.

2. **Околоядро – Южный федеральный округ.** Здесь сосредоточено 13,44% всех русских. Средняя доля русских – 86,05%. Это пространство казачьей колонизации и южного русского расширения.

3. **Субъядро – Уральский и Сибирский федеральные округа.** Здесь проживает 23,44% всех русских. Средняя доля русских – 83,62%. Это пояс индустриального и колонизационного освоения XVIII–XX веков.

4. **Зона регионов русского доминирования и периферии – Дальневосточный, Приволжский и Северо-Кавказский федеральные округа.** Здесь сосредоточено 31,22 млн русских, или 29,56% всех русских. Средняя доля русских – 64,30%. Это полиэтничное пространство, где сосуществуют округа русского большинства и округа, где русские составляют меньшинство.

Источник данных и методологические оговорки

В основе настоящего анализа лежат данные опроса Russian Field, проведённого 15–22 июля 2025 года. Исследование основано на всероссийском телефонном опросе, охватившем 1600 респондентов. Для анализа использованы блоки данных о религиозной идентичности, конфессиональной принадлежности, религиозных практиках, партийных предпочтениях, отношении к фильму «Мумия» (посвящённому Мавзолею В.И. Ленина), оценке решений съезда КПРФ, знании и участии в Народном референдуме КПРФ, а также различиях между более и менее воцерковлёнными православными.

Следует учитывать, что часть показателей рассчитывается по всей выборке, часть – исключительно среди православных, а часть – в разрезе партийных электоратов и федеральных округов. Для ряда партий подвыборки относительно невелики, особенно для «Яблока» и «Новых людей», что требует аккуратности в выводах. Наиболее надёжны и статистически устойчивы сравнения по крупным партийным группам: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия».

При всех оговорках:

• **Исследование обладает достаточной репрезентативностью** для сопоставления религиозности сторонников разных партий и жителей разных макрорегионов.

• **Сравнения по малым партиям носят скорее индикативный характер** и требуют осторожности при интерпретации.

Общий религиозный фон исследования

Прежде чем переходить к электоральным и территориальным различиям, необходимо зафиксировать общий религиозный контекст в масштабах всей страны. Данные по всей выборке задают точку отсчёта для дальнейших сравнений.

Базовое распределение общества по критерию отношения к вере представлено в табл. 22.

Две трети россиян уверенно называют себя верующими, в то время как чуть более четверти относят себя к атеистам или неверующим.

Таблица 22

Общая религиозная идентичность по выборке Russian Field *(%)*

Категория	Доля
Верующие	68,4
Неверующие/атеисты	28,1
Не определились/отказались	3,4

Как видим, Россия остается преимущественно верующим обществом, однако почти каждый третий респондент осознанно декларирует отсутствие религиозной идентичности, что формирует внушительную секулярную базу.

Детальная конфессиональная структура российского общества отражена в табл. 23.

Православие выступает доминирующей конфессией, охватывая абсолютное большинство (52%). Вторая по численности мировоззренческая группа – атеисты (28,1%).

Как видим, в религиозном поле России доминирует православие, но значительная часть населения находится вне конфессиональных рамок, формируя запрос на светскую политическую повестку.

Некоторые выводы.

• Верующие составляют более двух третей населения, атеисты – более четверти.

• Православие является безусловной конфессиональной доминантой, определяющей религиозный ландшафт страны.

Электорат КПРФ на религиозной карте партий

Первый ключевой аналитический вопрос: *насколько сторонники КПРФ отличаются по общей религиозной самоидентификации от сторонников других политических сил?*

Сравнение долей верующих и неверующих в разрезе партийных предпочтений представлено в табл. 24.

Электорат КПРФ (63,6% верующих) нельзя считать сугубо атеистическим, но по сравнению с «ЕР» (80,7%), ЛДПР (71,4%) и «СР» (71,9%) он заметно более секулярен. Доля неверующих у КПРФ (33,1%) почти вдвое превышает аналогичный показатель у «Единой России» (16,7%).

КПРФ занимает промежуточное положение между консервативно-религиозными электоратами системных партий и либерально-секулярными электоратами малых политических сил.

Таблица 23

Конфессиональная структура всей выборки *(%)*

Конфессия / мировоззренческая категория	Доля
Православие	52,0
Ислам	5,6
Христианство без уточнения конфессии	4,4
Верующий без конкретного вероисповедания	3,7
Атеизм/неверие	28,1
Прочие/неопределившиеся	6,2

Таблица 24

Верующие и неверующие среди сторонников разных партий *(%)*

Партия / электоральная группа	Верующие	Неверующие/ атеисты	Не определились/ отказ
В целом по РФ	68,4	28,1	3,4
«Единая Россия»	80,7	16,7	2,6
КПРФ	63,6	33,1	3,2
ЛДПР	71,4	25,6	3,0
«Справедливая Россия»	71,9	22,2	5,9
«Новые люди»	54,3	40,3	5,4
«Яблоко»	39,2	53,1	7,7
Ни за какую / не пойду	61,3	32,9	5,8

Краткие выводы:

• КПРФ – не партия атеистов, но она имеет один из наиболее секулярных крупных электоратов в стране.

• По уровню религиозной веры сторонники КПРФ ближе к группе абсентеистов («не пойду на выборы»), чем к ядерному электорату партии власти.

Конфессиональная структура сторонников КПРФ

Общая религиозность не даёт ответа на вопрос о конкретной конфессиональной принадлежности. Для глубокого понимания профиля партии необходимо проанализировать долю православных в электорате КПРФ.

Внутренняя мировоззренческая структура коммунистического электората показана в табл. 25.

Таблица 25

Конфессиональный профиль сторонников КПРФ *(%)*

Категория	Доля
Православие	**50,8**
Ислам	3,0
Христианство без уточнения конфессии	3,9
Верующий без конкретного вероисповедания	1,2
Язычество / неоязычество	1,7
Неверующие / атеисты	**33,1**
Прочие / неопределившиеся	6,3

Ровно половина сторонников КПРФ идентифицирует себя с православием. Ровно треть – убеждённые атеисты.

Православие остаётся крупнейшей конфессиональной группой среди избирателей КПРФ, доказывая, что партия опирается на традиционные культурные коды, однако эта группа не формирует подавляющего большинства.

Для сравнения доли православных у КПРФ с другими политическими силами обратимся к табл. 26.

По доле православных КПРФ уступает «ЕР», ЛДПР, «СР» и даже аполитичной группе «не пойду на выборы». Разрыв с «Единой Россией» составляет почти 13 процентных пунктов.

Таблица 26

Доля православных среди сторонников разных партий *(%)*

Партия / электоральная группа	Православие
В целом по РФ	**52,0**
«Единая Россия»	63,7
КПРФ	**50,8**
ЛДПР	56,4
«Справедливая Россия»	55,3
«Новые люди»	38,8
«Яблоко»	24,2
Ни за какую / не пойду	58,6

Православная идентичность у сторонников КПРФ выражена заметно слабее, чем у основных конкурентов на правом и центристском флангах.

Краткие выводы:

• Половина избирателей КПРФ – православные, треть – атеисты.

• По концентрации православного электората КПРФ занимает лишь четвёртое место среди крупных политических партий.

Православная идентичность и церковная практика: где начинается различие

Для социологии религии давно очевидно: недостаточно знать, сколько людей называют себя православными, критически важна их реальная практика.

Посещение церкви хотя бы несколько раз в год (минимальная практика)

Данные о минимальной связи с церковной жизнью среди тех, кто назвал себя православным, представлены в табл. 27.

Таблица 27

Посещение церкви хотя бы несколько раз в год среди православных сторонников партий *(%)*

Партия / электоральная группа	Да	Нет
В целом по РФ (православные)	**72,5**	**26,7**
«Единая Россия»	75,0	24,7
КПРФ	**64,0**	**34,7**
ЛДПР	70,9	26,8
«Справедливая Россия»	79,9	20,1
«Новые люди»	77,4	22,6
«Яблоко»	71,8	28,2
Ни за какую / не пойду	67,1	31,2

* Сумма менее 100% из-за затруднившихся с ответом (менее 2%).

Среди православных сторонников КПРФ только 64% посещают церковь хотя бы несколько раз в год – это самый низкий показатель среди всех партий. Доля тех, кто называет себя православным, но никогда не переступает порог храма, составляет 34,7% (самая высокая).

В электорате КПРФ особенно велика доля «культурных» (номинальных) православных, для которых религиозная идентичность выступает маркером национальной принадлежности, но не подкреплена даже минимальной обрядовой практикой.

Таблица 28

Посещение церкви хотя бы раз в месяц среди православных сторонников партий *(%)*

Партия / электоральная группа	Да	Нет
В целом по РФ (среди православных)	**23,5**	**75,2**
«Единая Россия»	24,1	75,6
КПРФ	**24,3**	**74,4**
ЛДПР	22,7	76,3
«Справедливая Россия»	32,0	68,0
«Новые люди»	25,0	72,5
«Яблоко»	17,9	82,0
Ни за какую / не пойду	16,2	83,8

Таблица 29

Исповедь и причастие хотя бы раз в месяц среди православных сторонников партий *(%)*

Партия / электоральная группа	Да	Нет
В целом по РФ (православные)	**10,9**	**88,0**
«Единая Россия»	12,2	87,5
КПРФ	**9,2**	**89,5**
ЛДПР	14,4	84,5
«Справедливая Россия»	10,0	89,9
«Новые люди»	15,7	81,8
«Яблоко»	~0	~100
Ни за какую / не пойду	8,8	90,4

Посещение церкви хотя бы раз в месяц (регулярная практика)

Срез по регулярной (ежемесячной) храмовой практике отражён в табл. 28.

Здесь кроется важный парадокс: по ежемесячному посещению храмов электорат КПРФ (24,3%) практически не отличается от электората «ЕР» (24,1%) и «Новых людей» (25,0%), даже опережая ЛДПР (22,7%).

У КПРФ есть собственное устойчивое практикующее ядро, сопоставимое по размеру с ядром партии власти; институциональная слабость религии в КПРФ заключается не в отсутствии практикующих верующих, а в огромном избытке номинальных.

Исповедь и причастие хотя бы раз в месяц (глубокая воцерковлённость)

Самый строгий критерий религиозности – участие в таинствах. Данные по нему показаны в табл. 29.

По уровню глубокой воцерковлённости электорат КПРФ (9,2%) уступает «ЕР» (12,2%), ЛДПР (14,4%) и даже «Новым людям» (15,7%). Интересен скрытый парадокс «Новых людей»: при самой низкой общей доле верующих, среди их немногочисленных православных сторонников фиксируется самая высокая концентрация глубоко практикующих христиан.

Практикующие православные в рядах КПРФ менее вовлечены в глубинную литургическую жизнь, чем верующие большинства партий-конкурентов.

Интегральный показатель церковной включённости

Обобщающий индикатор того, живёт ли человек церковной жизнью хотя бы минимально, представлен в табл. 30.

Это ключевой показатель всего раздела. У православных сторонников КПРФ самая низкая доля практикующих (66,0%) и самая высокая доля номинальных (33,9%).

КПРФ – это партия с самым высоким уровнем «культурного православия» (идентичности без практики) среди всех крупных политических сил России.

Краткие выводы:

- Для избирателя КПРФ характерна в целом невысокая по сравнению с большинством других партий церковная практика.
- Но по регулярной (ежемесячной) практике КПРФ – крепкий середняк, идущий наравне с «Единой Россией».
- По глубокой воцерковлённости (таинства) коммунисты уступают «ЕР», ЛДПР и «Новым людям».
- Интегральный показатель подтверждает: КПРФ – лидер по доле номинальных православных.

Таблица 30

Интегральная церковная включенность среди православных сторонников партий *(%)*

Партия / электоральная группа	Практикуют (посещают и/или исповедуются хотя бы несколько раз в год)	Не практикуют
В целом по РФ (православные)	**75,6**	**24,4**
«Единая Россия»	78,0	22,0
КПРФ	**66,0**	**33,9**
ЛДПР	75,0	24,9
«Справедливая Россия»	85,0	15,0
«Новые люди»	80,7	19,3
«Яблоко»	71,8	28,2
Ни за какую / не пойду	70,2	29,8

Сравнительный анализ: по каким показателям воцерковлённости избиратели электорат КПРФ наравне, а по каким уступает другим партиям

Для удобного обобщения всех метрик воцерковлённости и визуализации места КПРФ в партийном спектре сформирована сводная табл. 31.

Религиозный профиль КПРФ напоминает пирамиду с необычно широким основанием (номинальные верующие) и узкой вершиной (воцерковлённые).

Главная религиозная особенность избирателя КПРФ заключается не в масштабах ядра практикующих христиан в её рядах, а в избытке тех, кто называет себя православным лишь формально.

Краткие выводы:

• Избиратели КПРФ характеризуются невысокой по сравнению с избирателями других партий обрядовой практикой.

• По регулярности посещения храмов сторонники партии держатся в середине спектра.

• По уровню глубокой воцерковлённости электорат КПРФ уступает большинству избирателей других партий.

Фильм «Мумия» как тест символической лояльности

Выход документального фильма «Мумия», посвящённого вопросу перезахоронения В.И. Ленина и ликвидации Мавзолея, стал центральным символическим и мемориальным сюжетом 2025 года. Реакция на него ярко подсвечивает идеологические установки общества.

Осведомлённость о фильме

Уровень проникновения этой темы в различные электораты показан в табл. 32.

Сторонники КПРФ ожидаемо оказались одной из самых информированных групп (35,6%). Их осведомлённость почти вдвое превышает показатели электората «ЕР» (17,0%).

Коммунистический электорат чрезвычайно внимательно следит за любыми медийными сюжетами, затрагивающими фигуру Ленина и советское наследие.

Поддержка или неприятие позиции авторов фильма

Отношение к главному тезису фильма – необходимости перезахоронения вождя – отражено в табл. 33.

Сторонники КПРФ реже всех в стране поддерживают позицию фильма (лишь 16,8%) и чаще всех её категорически отвергают (72,3%).

Для электората КПРФ Мавзолей и фигура Ленина остаются не просто историей, а живым, неприкосновенным, символическим каркасом собственной политической идентичности.

Краткие выводы:

• КПРФ – одна из самых информированных партий о выходе фильма «Мумия».

• По уровню неприятия линии фильма (десоветизации Красной площади и десакрализации вождя-основателя нынешней Российской Федерации) коммунисты выступают абсолютными лидерами.

Таблица 31

Сводная позиция КПРФ относительно других партий по показателям воцерковлённости

Показатель (среди православных)	КПРФ vs другие	Кому уступает	С кем наравне
Посещение церкви несколько раз в год (минимальная практика)	Уступает всем	«ЕР», ЛДПР, «СР», «Новые люди», даже абсентеистам	–
Посещение церкви раз в месяц (регулярная практика)	Наравне	Только «СР» (сильно выше)	«ЕР», «Новые люди», ЛДПР
Исповедь и причастие раз в месяц (глубокая практика)	Уступает	«ЕР», ЛДПР, «Новые люди»	«СР» (близко)

Таблица 32

Осведомлённость о фильме «Мумия» по электоратам партий *(%)*

Партия / электоральная группа	Слышали о фильме	Не слышали/ затруднились
В целом по РФ	**23,8**	**76,2**
«Единая Россия»	17,0	83,0
КПРФ	**35,6**	**64,4**
ЛДПР	16,9	83,1
«Справедливая Россия»	36,8	63,2
«Новые люди»	20,3	79,7
«Яблоко»	35,6	64,4
Ни за какую / не пойду	29,9	70,1

Таблица 33

Отношение к позиции авторов фильма «Мумия» по электоратам партий *(%)*

Партия / электоральная группа	Скорее поддерживаю	Скорее не поддерживаю	Затруднились/ отказ
В целом по РФ	**36,4**	**44,4**	**19,2**
«Единая Россия»	33,0	49,5	17,5
КПРФ	**16,8**	**72,3**	**10,9**
ЛДПР	43,2	40,6	16,2
«Справедливая Россия»	37,5	52,0	10,5
«Новые люди»	46,3	32,5	21,2
«Яблоко»	62,2	24,9	12,9
Ни за какую / не пойду	30,5	59,1	10,4

Решение съезда КПРФ и оценка хрущёвской десталинизации

Важным маркером идеологической сплочённости стал вопрос об отношении к решению съезда КПРФ (официальное осуждение хрущёвской десталинизации и принятие формулы *«Сталин был на 70% прав, на 30% неправ»*).

Уровень солидарности с этой позицией представлен в табл. 34.

Электорат КПРФ демонстрирует максимальную лояльность антихрущёвской позиции партийного руководства (72% согласны) и минимальный уровень внутреннего расхождения (лишь 14,5% несогласных).

Высокие цифры поддержки свидетельствуют о том, что реабилитация сталинского периода является базовой историко-политической скрепой для современного избирателя КПРФ.

Краткие выводы:

• Сторонники КПРФ – самые лояльные решению своего съезда среди всех партийных групп.

• Уровень несогласия с партийной линией внутри КПРФ – самый низкий в партийной системе России.

Народный референдум КПРФ: знание и участие

Для оценки способности партии конвертировать идеологическую поддержку в практическую мобилизацию был исследован сюжет с Народным референдумом КПРФ.

Осведомлённость о референдуме

Узнаваемость акции среди населения зафиксирована в табл. 35.

Таблица 34

Отношение к решению съезда КПРФ о роли Сталина по электоратам партий *(%)*

Партия / электоральная группа	Скорее согласны	Скорее не согласны	Затруднились/отказ
В целом по РФ	**43,5**	**28,5**	**28,0**
«Единая Россия»	48,7	21,7	29,6
КПРФ	**72,0**	**14,5**	**13,5**
ЛДПР	50,9	29,5	19,6
«Справедливая Россия»	66,6	18,4	15,0
«Новые люди»	31,8	47,6	20,6
«Яблоко»	16,7	73,6	9,7
Ни за какую / не пойду	39,9	37,6	22,5

Таблица 35

Осведомлённость о референдуме КПРФ по электоратам партий, %

Партия / электоральная группа	Знают или что-то слышали	Не знают/ затруднились
В целом по РФ	**21,6**	**78,4**
«Единая Россия»	19,2	80,8
КПРФ	**46,1**	**53,9**
ЛДПР	20,6	79,4
«Справедливая Россия»	27,9	72,1
«Новые люди»	19,1	80,9
«Яблоко»	19,3	80,7
Ни за какую / не пойду	19,8	80,2

Электорат КПРФ логично оказался наиболее информированным (46,1%), опережая сторонников других партий почти в 2,5 раза.

Партийная информационная коммуникация внутри собственного ядра КПРФ работает весьма эффективно.

Реальное участие сторонников КПРФ в Народном референдуме

Однако конверсия знания в действие показывает иную картину, что отражено в табл. 36.

Таблица 36

Участие сторонников КПРФ в народном референдуме *(%)*

Статус	Доля
Знаю и участвовал	**6,0**
Знаю, но не участвовал	27,2
Что-то слышал	13,0
Не знаю/затруднился	53,9

Реальное участие на момент исследования в 2025 году зафиксировано на уровне лишь 6% – и это при высокой общей осведомлённости целевой аудитории.

Инициатива с референдумом работает исключительно как канал информационной раскачки и символической, а не массовой электоральной мобилизации.

Краткие выводы:

• Осведомлённость о референдуме среди сторонников КПРФ – самая высокая в стране.

• Участие широкого избирателя партии в Народном референдуме остается сугубо символическим.

Воцерковлённость и отношение к символическим сюжетам

Наиболее глубокий срез анализа – это выявление различий во взглядах на политику не между партиями, а между православными с разной степенью воцерковлённости.

Осведомлённость о фильме «Мумия» и воцерковлённость

Зависимость информированности от частоты посещения храмов показана в табл. 37.

Осведомлённость линейно растёт вместе с глубиной духовной практики. Наиболее информированы о фильме активно практикующие православные – ежемесячно причащающиеся (27,4%).

Как видим, воцерковлённые православные абсолютно не дистанцированы от общественных дискуссий и символических конфликтов современности.

Поддержка фильма и воцерковлённость (главный парадокс)

Влияние церковной жизни на отношение к Мавзолею отражено в табл. 38.

Здесь кроется ключевой парадокс исследования. *С ростом глубины религиозной практики неуклонно растёт поддержка идеи перезахоронения отца-основателя Российской Федерации В.И. Ленина.* Среди ежемесячно причащающихся этот показатель достигает 46,7% (против 34,0% у непричащающихся).

Вроде бы глубокая церковная практика объективно усиливает антисоветскую, десоветизирующую установку граждан по вопросу сохранения Мавзолея. Однако даже среди воцерковлённых почти половина не поддерживает антиленинские и антисоветские тезисы авторов фильма «Мумия».

Таблица 37

Осведомлённость о фильме «Мумия» среди православных разной степени воцерковлённости *(%)*

Группа православных	Слышали о фильме	Не слышали
Данные в целом по РФ	**23,8**	**76,2**
Посещают церковь несколько раз в год	21,9	78,1
Посещают церковь раз в месяц	23,1	76,9
Исповедуются и причащаются раз в месяц	**27,4**	**72,6**
Практикующие в той или иной степени (интегрально)	23,1	76,9
Непрактикующие	19,2	80,8

Таблица 38

Отношение к позиции авторов фильма среди православных разной степени воцерковлённости *(%)*

Группа православных	Поддерживают	Не поддерживают
В целом по РФ	**36,4**	**44,4**
Посещают несколько раз в год храм	36,6	47,5
Посещают раз в месяц	40,5	40,5
Исповедуются и причащаются раз в месяц	**46,7**	**39,9**

Отношение к решению съезда КПРФ и воцерковлённость

Восприятие партийной оценки Сталина через призму веры показано в табл. 39.

Зависимость здесь менее линейна, однако более воцерковлённые респонденты чаще имеют чётко оформленное мнение и несколько чаще соглашаются с решением съезда.

В отличие от вопроса о Мавзолее, сюжет с оценкой Сталина в большей степени определяется светскими политико-историческими взглядами, нежели сугубо религиозными догматами.

Осведомлённость о референдуме КПРФ и воцерковлённость

Связь между церковностью и интересом к партийным акциям отражена в табл. 40.

Воцерковлённость лишь умеренно повышает осведомлённость о референдуме. Этот эффект выражен гораздо слабее, чем в случае с фильмом, и значительно уступает фактору партийной принадлежности.

Громкий символический конфликт вокруг Мавзолея мобилизует церковно включённых граждан намного сильнее, чем рутинная партийная акция.

Краткие выводы:

• С ростом воцерковлённости пропорционально растёт осведомлённость о фильме «Мумия» и поддержка его идеологической позиции.

• Наиболее глубоко практикующие православные («причастники») чаще всего требуют перезахоронения Ленина.

• Влияние воцерковлённости на отношение к решению съезда КПРФ и её референдуму выражено слабее.

Сводные таблицы

Для удобства сопоставления данные сведены в три итоговые таблицы.

Общий электорально-религиозный профиль партий представлен в табл. 41.

Отношение различных электоратов к ключевым политико-идеологическим темам года обобщено в табл. 42.

Влияние церковной практики на политические взгляды сведено в **табл. 43.**

Территориальное измерение: религиозность и символические установки по федеральным округам

До сих пор анализ касался общероссийских партийных раскладов. Однако религиозность и отношение к символическим сюжетам существен-

Таблица 39

Отношение к решению съезда КПРФ среди православных разной степени воцерковлённости *(%)*

Группа православных	Согласны	Не согласны
Посещают несколько раз в год	37,6	34,1
Посещают раз в месяц	47,5	23,3
Исповедуются и причащаются раз в месяц	52,2	27,9

Таблица 40

Осведомлённость о референдуме КПРФ среди православных разной степени воцерковлённости *(%)*

Группа православных	Знают или что-то слышали	Не знают
Посещают несколько раз в год	18,8	81,2
Посещают раз в месяц	22,4	77,6
Исповедуются и причащаются раз в месяц	27,0	73,0
Практикующие	23,2	76,8

Таблица 41

Сравнительный религиозный профиль электоратов партий *(%)*

Показатель	По РФ	«ЕР»	КПРФ	ЛДПР	«СР»	«НЛ»	«Яблоко»	Ни за какую
Верующие	**68,4**	80,7	63,6	71,4	71,9	54,3	39,2	61,3
Неверующие	**28,1**	16,7	33,1	25,6	22,2	40,3	53,1	32,9
Православные	**52,0**	63,7	50,8	56,4	55,3	38,8	24,2	58,6
Посещают несколько раз в год*	**72,5**	75,0	64,0	70,9	79,9	77,4	71,8	67,1
Посещают раз в месяц*	**23,5**	24,1	24,3	22,7	32,0	25,0	17,9	16,2
Исповедь/причастие раз в месяц*	**10,9**	12,2	9,2	14,4	10,0	15,7	~0	8,8
Практикуют интегрально*	**75,6**	78,0	66,0	75,0	85,0	80,7	71,8	70,2

Примечание: * Среди православных.

Таблица 42

Отношение электоратов партий к ключевым символическим сюжетам *(%)*

Показатель	По РФ	«ЕР»	КПРФ	ЛДПР	«СР»	«НЛ»	«Яблоко»	Ни за какую
Слышали о фильме	**23,8**	17,0	35,6	16,9	36,8	20,3	35,6	29,9
Поддерживают идеи фильма	**36,4**	33,0	16,8	43,2	37,5	46,3	62,2	30,5
Не поддерживают фильм	**44,4**	49,5	72,3	40,6	52,0	32,5	24,9	59,1
Согласны с решением съезда	**43,5**	48,7	72,0	50,9	66,6	31,8	16,7	39,9
Знают о референдуме	**21,6**	19,2	46,1	20,6	27,9	19,1	19,3	19,8

Таблица 43

Православные разной воцерковлённости и отношение к сюжетам *(%)*

Группа православных	Слышали о фильме «Мумия»	Поддерживают идеи фильма «Мумия»	Не поддерживают	Согласны с решением съезда КПРФ по Сталину	Знают о референдуме КПРФ
В целом по РФ	**23,8**	**36,5**	**44,4**	**43,5**	**21,6**
Посещают несколько раз в год	21,9	36,6	47,5	37,6	18,8
Посещают раз в месяц	23,1	40,5	40,5	47,5	22,4
Исповедуются и причащаются раз в месяц	27,4	46,7	39,9	52,2	27,0
Практикующие в разной степени (интегр.)	23,1	35,8	46,5	–	23,2

но различаются по макрорегионам. Ниже данные представлены в строгой логике концентрической модели русского расселения (ядро, околоядро, субъядро, периферия).

Этническое ядро России неоднородно: Центральный округ выступает мощной опорой православной идентичности, в то время как Северо-Запад и столицы подверглись глубокой секуляризации.

Базовая религиозная карта по округам

Религиозная принадлежность в территориальном разрезе показана в табл. 44.

Самый высокий уровень общей религиозности фиксируется на Северном Кавказе (82,5%), но это зачастую исламская религиозность (46,2% мусульман). Наиболее православным округом ожидаемо является Центральный без Москвы (63,9% православных). При этом наиболее секулярны Москва, Петербург и Северо-Запад (доля атеистов 38–41%).

Православная практика по округам

Глубина церковной жизни в регионах отражена в табл. 45.

Лидерами по регулярному (ежемесячному) посещению храмов выступают Петербург (28,8%), Урал (28,1%), Юг (26,8%) и Москва (26,1%). По глубокой практике (исповедь/причастие) первенство также за Петербургом (19,0%) и Северо-Западом (16,2%). Напротив, Сибирь – один из самых слабых регионов по глубокой воцерковлённости (всего 3,4% причащающихся).

Таблица 44

Религиозная структура по федеральным округам (и городам), %

Федеральный округ / город	Верующие	Православие	Ислам	Неверующие/ атеисты
Северо-Западный (без Санкт-Петербурга)	59,1	48,5	0,0	37,8
Центральный (без Москвы)	74,3	63,9	0,2	23,3
Приволжский	69,7	53,4	7,3	27,4
Южный	73,8	58,5	2,6	22,3
Северо-Кавказский	82,5	28,2	46,2	13,9
Уральский	71,1	57,0	3,0	27,3
Сибирский	64,9	45,6	2,3	33,0
Дальневосточный	62,7	50,2	3,1	32,0
Москва	53,2	41,0	1,5	38,8
Санкт-Петербург	54,5	44,3	1,6	41,2

Таблица 45

Православная практика по федеральным округам *(%, среди православных)*

Федеральный округ / город	Посещают церковь хотя бы несколько раз в год	Посещают хотя бы раз в месяц	Исповедуются и причащаются раз в месяц
В целом по РФ	**72,5**	**23,5**	**10,9**
Северо-Западный (без Санкт-Петербурга)	72,2	23,8	16,2
Центральный (без Москвы)	76,8	24,0	10,9
Приволжский	70,1	20,2	7,4
Южный	74,9	26,8	14,9
Северо-Кавказский	51,2	24,5	15,4
Уральский	78,0	28,1	10,5
Сибирский	68,8	20,1	3,4
Дальневосточный	64,5	15,4	11,2
Москва	75,7	26,1	14,3
Санкт-Петербург	69,0	28,8	19,0

Наиболее высокая церковная дисциплина наблюдается в Южном округе, на Урале и в столицах, а не в «классическом» демографическом ядре страны.

Символические сюжеты по округам

Отношение к политическим и историческим символам в региональном разрезе показано в табл. 46.

Наиболее высокая поддержка линии фильма (демонтаж Мавзолея) зафиксирована в Петербурге (47,3%), на Северном Кавказе (47,2%) и в Москве (42,9%). Наиболее сильное неприятие – в Сибири (51,8%) и на Дальнем Востоке (50,3%). Согласие с решением съезда КПРФ выше всего на Урале (51,7%) и Юге (48,2%).

Символический конфликт не сводится к банальной оси «религиозность – нерелигиозность»: столицы и мусульманский Северный Кавказ чаще поддерживают десоветизацию, а Сибирь и Дальний Восток – яростно защищают Мавзолей.

Интерпретация в терминах концентрической модели

- **Русское ядро расколото:** Центр сохраняет высокую православную идентичность и «среднюю» практику; Северо-Запад более секулярен; столицы максимально секулярны, но парадоксальным образом обладают интенсивным церковным ядром.
- **Околоядро (Юг)** выступает мощной опорной зоной православной практики: здесь сочетаются

Таблица 46

Отношение к ключевым сюжетам 2025 года по федеральным округам, %

Округ/город	Слышали о фильме «Мумия»	Поддерживают идеи фильма	Не поддерживают	Знают о референдуме КПРФ	Согласны с решением съезда КПРФ по Сталину
В целом по РФ	**23,8**	**36,4**	**44,4**	**21,6**	**43,5**
Северо-Западный (без Санкт-Петербурга)	28,6	32,4	48,5	28,0	37,5
Центральный (без Москвы)	23,7	36,5	42,0	22,0	44,7
Приволжский	21,2	34,3	45,1	22,1	41,6
Южный	22,2	35,7	46,3	17,6	48,2
Северо-Кавказский	20,8	47,2	35,7	26,6	44,9
Уральский	23,8	35,6	45,5	23,0	51,7
Сибирский	24,8	30,8	51,8	25,1	47,0
Дальневосточный	24,6	30,0	50,3	27,0	45,7
Москва	26,6	42,9	39,3	12,0	30,9
Санкт-Петербург	29,4	47,3	37,0	14,6	38,3

высокая идентичность, высокая регулярная практика и низкая доля атеистов.

• **Субъядро неоднородно:** Урал близок к православно-консервативной модели, в то время как Сибирь представляет собой более разреженную и секуляризированную территорию.

• **Зоны относительного этнодоминирования русских и периферия разнообразны:** Приволжье (смешанный православно-мусульманский пояс), Дальний Восток (секулярный фронтир), Северный Кавказ (максимально религиозный, но не православный).

Краткие выводы:

• Этническое ядро русского народа не тождественно его религиозному максимуму.

• Юг и Урал – наиболее сильные регионы по сочетанию православной идентичности и реальной практики.

• Либеральные столицы и Северный Кавказ – лидеры по поддержке вопросов десоветизации и десакрализации Мавзолея.

• Сибирь и Дальний Восток выступают главными бастионами неприятия антисоветского фильма.

Где вероятнее всего расположен религиозный электорат КПРФ?

На основе общероссийских партийных профилей и территориальных различий можно сделать обоснованный аналитический прогноз о географии религиозного электората КПРФ.

Электорат КПРФ характеризуется тремя вводными:

1. половина – православные,

2. более низкая воцерковлённость, чем у «ЕР» и «СР»,

3. высочайшая символическая мобилизация по советским мемориальным сюжетам.

Следовательно, наиболее вероятные зоны его концентрации – это регионы, где органично сочетаются значительная православная идентичность, не предельная (но и не минимальная) церковная практика и высокая чувствительность к советской исторической памяти.

Такими зонами, согласно данным табл. 23–25, являются:

• **Центральный округ без Москвы** (высокая православная идентичность, средняя практика, умеренная поддержка фильма).

• **Южный округ** (высокая идентичность и практика, низкая секулярность, мощная поддержка решений съезда КПРФ по Сталину).

• **Приволжье** (смешанный макрорегион, но с устойчивой православной основой и средней религиозной практикой).

• **Урал** (высокая практика, максимальная поддержка решений съезда КПРФ в защиту Сталина – 51,7%).

• **Сибирь** (высокий уровень неприятие фильма «Мумия», высокий уровень поддержки антихрущёвских решений съезда КПРФ, но слабая православная практика, то есть более номинальное православие).

Напротив, маловероятные зоны для религиозного электората КПРФ:

• **Москва и Петербург** (секулярны, активно поддерживают антисоветские и антиленинские нарративы фильма «Мумия»).

• **Северный Кавказ** (неправославная религиозность).

• **Северо-Запад** (секулярен, средневысокая поддержка идей фильма «Мумия»).

Краткий вывод: Религиозный электорат КПРФ сосредоточен в смешанных зонах русского большинства и исторической памяти – это Центральная Россия (без столиц), Юг, Приволжье, Урал и часть Сибири.

Некоторые выводы

У избирателей КПРФ чётко выделяется практикующее православное ядро, обширная зона декларативной православности, и более, чем у других партий, выражена зона светской идентификации.

Верующие (как практикующие, так и декларативные) составляют 63,6%, электората КПРФ, атеисты – 33,1%. По сравнению с партией власти (80,7% верующих) избиратель КПРФ заметно секулярнее.

Православие у сторонников КПРФ чаще носит идентификационный, а не практический характер.

34,7% православных сторонников КПРФ никогда не посещают церковь – это самый высокий показатель среди сторонников парламентских партий.

Вместе с тем по регулярной (ежемесячной) практике избиратель КПРФ идёт наравне с «ЕР» и «Новыми людьми» (24,3%).

С одной стороны, у избирателя КПРФ высокая секуляризованность и доля «культурного православия». С другой – воцерковлённость на уровне остальных партий.

У КПРФ есть устойчивое церковное ядро, главная институциональная особенность партии – в избытке номинальных верующих.

По глубокой воцерковлённости (исповедь/причастие) КПРФ уступает ряду политических

конкурентов. С показателем 9,2% коммунисты несколько отстают от «ЕР», ЛДПР и «Новых людей», но опережают другие партии.

По защите советского символического наследия КПРФ – самый мобилизованный электорат. 72% категорически не поддерживают идею фильма «Мумия», 72% полностью согласны с решением съезда КПРФ по Сталину.

Чем выше воцерковлённость православных, тем выше поддержка политико-идеологической линии фильма «Мумия».

Воцерковлённый электорат более десоветизированный. Но эта десоветизация явно будет со временем продолжать размываться, так как пока ещё не воцерковлённая часть православных, проходящая процесс воцерковления, более просоветская.

Территориально по русскому ядру регионов Российской Федерации религиозность и символические партийно-политические установки распределены крайне неравномерно.

Русское ядро не является монолитом: Центр – глубоко православный, Северо-Запад и столицы – секулярны. Юг и Урал выступают опорными зонами православной практики. Поддержка десоветизации, десакрализации Мавзолея максимальна в столицах и на Северном Кавказе, неприятие – в центральном русском ядре, Сибири и на Дальнем Востоке.

География религиозного электората КПРФ.

Он, вероятнее всего, сосредоточен в Центральной России (без Москвы), на Юге, в Приволжье, на Урале и в части Сибири – именно там, где православная идентичность гармонично сочетается с умеренной практикой и сильной «советской мобилизацией».

Электорат КПРФ в 2025 году можно чётко определить как **православный по самоописанию, умеренно секулярный по практике и советский по символической мобилизации**, с выраженной территориальной концентрацией в поясах русского исторического расширения.

Источник данных: *Russian Field. Всероссийский телефонный опрос, 15–22 июля 2025 года, выборка 1600 респондентов, максимальная статистическая погрешность – не более 2,44%.*

Некоторые выводы по итогам раздела

Индекс национальной терпимости ВЦИОМ – это замаскированная демография, а не социология ценностей. На 75% он состоит из показателей, отражающих не установки людей, а объективную этническую гетерогенность среды. Низкие баллы регионов русского ядра (ЦФО, СЗФО, ДФО) – не свидетельство нетерпимости, а математически неизбежное следствие моноэтнической структуры. Корректный маркер – субиндекс «Отношение» – показывает, что даже без иноэтничных контактов 60% русских сохраняют доброжелательную установку.

Политически вредна и научно порочна логика повышения толерантности через размывание ядра, которая вытекает из данных индекса национальной терпимости АЦ ВЦИОМ, выведенного для русских регионов. *Любые возможные рекомендации наращивать «межнациональную контактность» в ЦФО или СЗФО через миграционные программы означают подмену предмета:* вместо изменения установок предполагается изменить саму демографическую структуру, что равносильно упразднению русского большинства как исторической константы.

Православие остаётся стержневой идентичностью русского народа, но переживает структурную поляризацию. Да, доля номинально православных сокращается (с 78% до 65% за 15 лет), а доля секулярной периферии растёт. Но при этом внутри церковного ядра произошёл тектонический сдвиг: регулярное причастие среди воцерковлённых стало литургической нормой (рост с 14% до 64%), что говорит о качестве, а не о количестве. Слабое звено – атомизация и неразвитость общинных связей в приходах РПЦ.

Этническое и религиозное ядра русского народа территориально не совпадают. Наиболее православными по идентичности выступают не столицы и не Северо-Запад, а Центральное Черноземье, Юг и Урал. Именно здесь концентрируется практикующее большинство, в то время как *две крупнейшие агломерации являются зонами глубокой секуляризации.* Это требует дифференцированной культурной и информационной политики.

Электорат политических партий в России имеет доминирующий православный характер. При этом, например, избиратель КПРФ демонстрирует уникальный ценностный сплав: православный по самоописанию, но советский по символической мобилизации. Половина сторонников партии – православные, однако именно здесь рекордная доля тех, кто никогда не переступает порог храма (34,7%). При этом по вопросам защиты Ленина, Мавзолея и осуждения десталинизации мобилизация достигает 72%, что формирует феномен *«культурного православия» без воцерковления*, сконцентрированный преимущественно в Центральной России (без столиц), на Юге, Урале и в Сибири.

РАЗДЕЛ VII
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государствообразующий народ между укреплением конституционного статуса и угрозами депопуляции и деградации: некоторые итоги доклада ЦИПКР – 2026

Аналитическое резюме ежегодного доклада Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР) для фракции КПРФ в Государственной Думе ФС РФ

В современной России сложился глубокий парадокс: историческое признание русского народа государствообразующим на высшем законодательном уровне в результате внесения поправок в Конституцию в 2020 году сопровождается нарастанием системных угроз его демографическому, социально-экономическому и культурному воспроизводству.

Доклад ЦИПКР «О положении государствообразующего русского народа в Российской Федерации. 2026» представляет собой первую попытку комплексного аудита состояния и положения русского большинства в Российской Федерации.

Очевидны не только сохраняющиеся лакуны в определении правовых основ государствообразующего статуса русского народа, но и потребность их скорейшего законодательного и нормативного устранения. Кроме того, цепочка взаимосвязанных кризисов – от пространственного сжатия русского расселения даже в регионах исторического ядра до продовольственной и инфраструктурной деградации исторических русских территорий – сохраняет актуальность вопросов даже не столько развития, сколько выживания государствообразующего народа. Фиксируется возникновение самоподдерживающегося цикла упадка, для разрыва и преодоления которого нужна научно обоснованная программа решительных перемен государственного социально-экономического и политического курса.

Правовой вакуум: от деклараций к реальному статусу

Закрепление в 2020 году в Конституции РФ понятия «государствообразующий народ» стало результатом почти тридцатилетней политической борьбы, авангардом которой неизменно выступала КПРФ. Однако сегодня этот статус носит преимущественно декларативный характер, будучи сведённым к узкой языковой функции. Причём даже профильный закон «О языках народов РФ» 1991 года до сих пор не инкорпорировал новую конституционную категорию.

Понятие «государствообразующий народ» парадоксальным образом отсутствует в базовых документах, регулирующих миграционную политику и защиту традиционных ценностей (указы № 809, № 622, № 738). Даже в миграционной сфере реализован узкий «лингвистический» подход вместо широкой этнополитической трактовки.

Вместе с тем принятая в 2025 году стратегия государственной национальной политики до 2036 года впервые прямо утверждает, что русский народ – это «*государствообразующий народ, чьи язык, культура и традиции нуждаются в защите и продвижении*». Более того, даже вводится конкретный измеримый показатель: доля мероприятий по популяризации русской культуры должна составлять не менее 50%. Такой переход, пусть даже весьма ограниченный, от пассивной характеристики к активному инструменту можно только приветствовать. Однако *очевидная фрагментарная реализация конституционного положения о государствообразующем статусе русского народа оставляет системное напряжение между провозглашённым государствообразующим статусом и реальными механизмами его обеспечения.*

Демографический кризис и эрозия исторического ядра

За фасадом внешней статистической стабильности (сохранение численности русских на уровне около 119 млн человек) скрывается глубокая демографическая трансформация.

Постсоветский период (1991–2025 гг.) по масштабу русских потерь сопоставим с трагедиями XX века, однако имеет принципиально иную, невоенную природу.

Социально-экономический коллапс, обвал рождаемости в целом по Российской Федерации с позднесоветского показателя 2,01 до 1,16 ребёнка на женщину в 1999 г. и лишь небольшое после этого восстановление к актуальным 1,40 (1,23 в ядре русских регионов), сверхсмертность и три волны эмиграции. Плюс структурные сдвиги:

старение (доля населения в возрасте 65+ выросла с 8% до 22%), гендерный дисбаланс, формальное снижение доли русских по переписи с 81% до 71% (из-за огромной доли не указавших свою этническую идентификацию). Все эти и другие факторы могут сделать последствия кризиса необратимыми, если не будет смены всей парадигмы развития.

Территориальным фундаментом русской демографии остаются 44 региона ядра с долей русского населения свыше 90%, где проживает 73,44% всех русских страны. Именно здесь разворачивается критическая дифференциация. С одной стороны, агломерационная концентрация стягивает почти треть русского населения ядра в шесть крупнейших регионов (Москва, Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Ростовская и Свердловская области). С другой – обширная зона Нечерноземья и даже Черноземья (Псковская, Смоленская, Тверская, Ивановская, Костромская, Орловская, Тамбовская и др. области) превратилась в пояс хронической депопуляции с суммарным коэффициентом рождаемости (СКР) ниже 1,2.

При этом расчётный СКР регионов русского ядра в 2024 году (1,28) на 8,8% ниже общероссийского. А в Ленинградской области зафиксирован уникально минимальный для РФ показатель – 0,888, что ниже среднероссийского на 36,6%. Да, *общефедеральный показатель более высокий за счёт национальных республик с высокой рождаемостью и полиэтнических регионов с русским доминированием. Но этот чуть более повышенный СКР скорее лишь маскирует реальную демографическую яму в русских регионах.*

Параллельно Дальний Восток и Русский Север переживают физическую утрату населения. Входящие в русское ядро Магадан, Камчатка, Карелия, Забайкалье, Еврейская АО теряют русское присутствие при формально высокой его доле.

Впервые в новейшей истории фиксируется миграционное размывание монолитного русского пространства изнутри – в Калужской, Орловской и Московской областях формируются инокультурные анклавы, а ассимиляционный ресурс в Поволжье и Сибири не компенсирует общего вектора на сжатие.

Миграционный вызов: от репатриации к угрозе народозамещения

Внешний демографический резерв исчерпан: русская диаспора в ближнем зарубежье сократилась с 25 до 7,5 млн человек. Эпоха возвращения соотечественников завершена, и миграционный поток уже приобрёл характер иноэтничного замещения.

Из первой десятки крупнейших народов России выбыли исторически близкие русским этносы (белорусы, немцы, мордва), а их место заняли выходцы из Средней Азии и Закавказья.

Этот процесс несёт колоссальные социально-экономические издержки. Дешёвый труд мигрантов демпингует заработные платы русских трудящихся и работников других коренных национальностей (доля оплаты труда в ВВП РФ – лишь 40–45% против 55–65% в развитых странах), консервирует технологическую отсталость и ложится тяжёлым бременем на социальную инфраструктуру.

Более того, по данным РАНХиГС, на территории страны сформировались 37 этнических анклавов, в которых 64% жителей замыкают общение на своих. Хотя при этом 37% мигрантов (обитателей анклавов) уже имеют российские паспорта.

Как следствие неконтролируемой миграции – нарастание опасений и раздражений у государствообразующего и других коренных народов России. *Более 76% россиян воспринимают мигрантов как угрозу.*

Под давлением КПРФ и общества партия власти вынуждена была согласиться на разработку и принятие 22 федеральных законов в сфере упорядочения миграционной политики. Общее число постоянно находящихся в России иностранцев за год сократилось на 700 тыс. (с 6,8 до 6,1 млн), хотя в целом маятниково за год через Российскую Федерацию «прокачивается» 12-13 млн мигрантов с разным периодом пребывания в стране.

Фракция КПРФ продолжает настаивать на переходе к жёсткому демографическому протекционизму: целевой оргнабор как единственный механизм («приехал – отработал – уехал»), запрет на въезд семей, расширенная ответственность за тяжкие преступления, выход из МОМ и денонсация Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

Долгосрочный прогноз ООН *(потеря 46,6 млн коренных жителей России до 70 лет к 2075 году при сценарии «нулевой миграции»)* превращает даже принятые меры в явно недостаточные. Проблема перешла из плоскости политического выбора в императив выживания.

Признаки отчуждения русских от власти и собственности

Экономическое положение государствообразующего народа остаётся заложником итогов приватизации 1990-х годов. Национальное богатство остаётся сконцентрированным в руках узкой прослойки бенефициаров.

Но кроме проблемы неравенства исследователи обращают внимание на актуальные этни-

ческие перекосы. Эта проблема исследована в публикациях «Лента.ру» (2014), материалы аналитических порталов EconBez.ru (2012) и независимых блогеров (2013), академических работах С. В. Мареевой и Е. Д. Слободенюк (2024). Например, если брать сводный реестр участников рейтинга Forbes, то к 2025 году доля русских в списке Forbes (слой только крупных собственников), оцененная по данным «Лента.ру», составляла лишь 50%, а доля совокупного капитала русских миллиардеров — 46,4%. Понятно, что этот уровень не соответствует демографическому весу в 80%.

Ясно, что **несоответствие этнического состава «олигархии» составу населения страны служит здесь лишь наглядной иллюстрацией антинационального характера криминальной приватизации 1990-х** и не более того. Ведь характер олигархического компрадорского капитала таков, что даже если бы его на 100% составляли выходцы из этически русских, корпоративные интересы всё равно полностью противопоставили бы их интересам большинства русского народа и других коренных народов России.

Ясно, что «олигархия», руководящий менеджмент формально государственных госкорпораций при любом персональном составе без реального госконтроля будут действовать по своим классовым интересам, объективно не совпадающим с ключевыми интересам русской и других коренных наций. В данном случае дело не в этнопроисхождении, а в логике интересов. Но сам факт, что в Российской Федерации в результате приватизации определенные этносы оказались оттеснены от рычагов управления крупной собственностью, говорит о том, что «*суверенизации» и преодоления зависимости от транснационального капитала и его представителей даже после начала СВО реально так и не произошло.*

Нельзя сказать, что органы госвласти не предпринимали отдельные попытки сократить социально-политические издержки иноэтнического доминирования во владении и распоряжении крупной собственностью. В этом ряду, например, ползучая, точечная национализация активов как ряда крупных зарубежных, так и российских офшорных собственников. Но в основном это носит пока показательный характер.

Также провозглашается необходимость увеличения возможности получения малым и средним бизнесом, который по своей природе соответствует доле русского большинства в обществе, заказов и контрактов от крупных корпораций. Но это лишь попытки лечения следствий структурных дисбалансов.

Реальное положение малого бизнеса, прежде всего русского, становится всё более плачевным. Весьма показательна нашумевшая история с подмосковной пекарней «Машенька» русского предпринимателя Дениса Максимова, которая столкнулась с фундаментальными последствиями фискальной реформы от «Единой России». Пекарня с патента вынуждена перейти на УСН с НДС, при росте ставок и падении порогов выручки. К марту 2026 года доход пекарни «Машенька» после налогов упал примерно до 160 тыс. рублей в месяц против почти 500 тыс. ранее. После январских намерений предпринимателя свернуть бизнес только публичная личная поддержка со стороны президента предотвратила такой шаг, и владелец Денис Максимов выбрал вариант адаптации, который пока не гарантирует ему трети прежних доходов.

Политическое представительство русских демонстрирует также определённые структурные диспропорции.

В Совете Федерации доля русских сенаторов, по экспертным подсчетам, составляет 70,5% при демографической доле около 80%. Для верхней палаты – это нормально. Причина объективна: русские регионы – более укрупненные. Совет Федерации для того и создан, чтобы голос малых регионов и населяющих их коренных народов был услышан на федеральном уровне. Кстати, палаты национальностей в СССР и позднем РСФСР также решали подобные задачи.

Другое дело Государственная Дума Федерального Собрания. Но здесь данных о национальном составе составителям доклада не удалось найти. Собственные исследования ЦИПКР предполагается провести к очередному докладу в 2027 году.

В докладе выявлена ещё одна реальная проблема. Острый дисбаланс этнического представительства зафиксирован в парламентах ряда национальных республик: из 12 национальных регионов, предоставивших данные по депутатскому запросу, в 9 зафиксирована недопредставленность русских. Зона особого дисбаланса – Бурятия (разрыв 21,5 п. п.), Татарстан (19,3 п. п.) и Адыгея (14,4 п. п.). Эти регионы «*русской недопредставленности*» охватывают более 10 млн человек.

При этом 14 из 27 запрошенных регионов, включая Еврейскую АО и Калмыкию, данные в Госдуму не предоставили вовсе. Такой управленческий выбор местных руководителей де-факто выводит этнический состав региональных элит из зоны публичного анализа и заставляет предполагать наличие проблем в данных регионах Российской Федерации.

Социально-экономический разрыв: двухконтурная модель выживания ядра

Анализ двенадцати ключевых индикаторов социально-экономического положения регионов русского ядра вскрывает фундаментальную диспропорцию.

Без Москвы и Санкт-Петербурга с областями остальное русское ядро (40 регионов) **уступает среднему по РФ уровню по номинальной зарплате на 27,9%.** Среднероссийский уровень искусственно завышен столицами, а также объективно – северными надбавками. В то же время провинциальное ядро – это территории устойчиво заниженной оплаты труда русского рабочего и трудящегося человека и стагнирующих реальных доходов.

Жилищная проблема превратилась в системный барьер для воспроизводства народа. Ипотека по рыночным ставкам недоступна во всех группах. В Москве её могут позволить себе лишь 12,3% семей, в Санкт-Петербурге – 9,2%.

Значительная доля прироста жилья – в столичном кластере русского ядра (2025 г.). А в остальных 40 регионах русского ядра ввод жилья на одного человека на 7,8% ниже среднего по стране. Большинство русских регионов строят 0,4–0,8 кв. м на человека. Архангельская (0,482), Брянская (0,413) области – в нижней трети. Лишь Калужская область (0,99) – в ТОП–10 продвинутых по строительству жилья российских регионов.

Столичные агломерации задыхаются от дороговизны жилья, провинциальное ядро – от низких доходов, и в обоих случаях молодая семья лишается экономической базы для самостоятельной жизни.

Околоядро при этом оказалось наиболее финансово уязвимой подгруппой: здесь умеренные доходы сочетаются с высокой закредитованностью (на 6,1% выше среднего по РФ), а в Тюменской области долговая нагрузка достигает 76,8%, формируя ловушку кредитного давления.

Русское ядро существует в двухконтурной модели.

Первый контур – московско-петербургский – отличается высокими доходами, но недоступным жильём. Второй – провинциальный – держится на низких доходах и социально устойчивых практиках выживания коренного русского рабочего, крестьянина, в целом трудящегося: личное подсобное хозяйство, семейная взаимопомощь, традиционно более осторожное отношение к долгу.

Именно эти практики объясняют парадокс, при котором по уровню бедности и финансовой дисциплины русское ядро выглядит лучше многих прочих регионов. Но этот социальный буфер – последний рубеж устойчивости, и он не отменяет экономического отставания, а лишь маскирует его. Ни один из контуров не обеспечивает условий для расширенного демографического воспроизводства.

Инфраструктурный коллапс и продовольственная деградация

Территории исторического расселения русского народа **несут непропорционально тяжёлое бремя неверных федеральных управленческих решений и социально-экономической деградации.**

Так называемая оптимизация здравоохранения имела отчётливо асимметричный профиль. Например, сеть фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов является базовым звеном сельского здравоохранения России и ключевым показателем доступности медицинской помощи в малых населённых пунктах. За 2004–2024 гг. в её развитии чётко прослеживаются три фазы:

– **2004–2013 гг. – фаза интенсивной оптимизации**: сеть сократилась на 14,8% (с 42 523 до 36 225 ед.). Сокращение шло в среднем на 700 ФАПов в год.

– **2014–2018 гг. – фаза замедления**: годовое сокращение упало до 130–200 ФАПов. Локально (Крым, Севастополь) сеть расширялась за счёт интеграции новых субъектов.

– **2019–2024 гг. – фаза стабилизации в рамках национального проекта «Здравоохранение»:** ежегодные колебания в пределах ±0,5%. Резкое сокращение прекращено, но и заметного восстановления не произошло – сеть так и не вернулась к уровню 2013 года.

Как видим, если в целом на пике оптимизации зафиксировано сокращение на 14,8%, то, например, в регионах русского ядра сеть фельдшерско-акушерских пунктов сократилась в целом на 21,7% (каждый пятый пункт закрыт), а в Нечерноземье масштаб разрушений достиг катастрофических величин – от –35…–38% в Ленинградской, Новгородской, Рязанской и Тверской областях до –51,2% в Псковской области. Численность бюджетных медицинских работников в ядре упала на 27,8%, в околоядре – на 25,8% (против 20,8% в прочих регионах).

При этом снижение смертности трудоспособных из-за улучшения лечения различных заболеваний здесь оказалось хуже общероссийского тренда: в ядре –9,1% (РФ: –10,7%), в околоядре – лишь –3,1%.

Сформировался список регионов «двойного поражения» (Архангельская, Курганская, Ивановская, Костромская области, Алтайский и Забайкальский края – рост смертности на фоне максимальных сокращений медицины). Такого рода **«оптимизация» здравоохранения приве-**

ла именно в русском ядре и околоядре к избыточным демографическим потерям, которые оцениваются в десятки тысяч предотвратимых смертей.

Не менее **тревожна ситуация в культурно-образовательной сфере**. Малые исторические регионы – Псковская, Новгородская, Ярославская, Костромская, Кировская области – являются признанными лидерами по музейной посещаемости и библиотечным фондам, выступая хранителями общенационального культурного наследия. Но при этом они получают на культуру в 10–15 раз меньше Москвы (в пересчёте на количество жителей), а их библиотечная сеть – последняя точка культурной инфраструктуры в малых поселениях – находится под постоянной угрозой «оптимизации».

Сложилась ситуация, которую можно назвать **парадоксом «бедного хранителя»: регионы, обеспечивающие культурный суверенитет страны, финансируются по остаточному принципу, привязанному к их слабой налоговой базе, а не к объёму хранимого наследия**. Без введения федерального коэффициента «культурного наследия» эта инфраструктура будет деградировать именно там, где её сохранность критически важна для национальной идентичности.

Параллельно **разворачивается продовольственная деградация, скрытая за видимостью продуктового изобилия**. Да, цифры подушевого потребления основных продуктов питания растут, превышают в ряде случаев позднесоветские. Это порождает пропагандистский тезис о том, что *«никогда в своей истории русский народ так хорошо не питался, как при нынешней власти»*. Но у этого тезиса есть другая сторона. Качество продуктов замещается суррогатами (самый расхожий пример – доля мяса в «Докторской» колбасе упала с 90% до 45–60%).

Российские семьи сейчас вынуждены тратить на еду до 39–42% доходов, что по закону Энгеля отбрасывает страну к показателям государств с низким уровнем жизни. Это больше показателей позднесоветского периода на 10% (в СССР в 1990 г. – 28,9%).

Особо тревожно перепотребление сахара (на 62% выше нормы, а в Воронежской области – на 288%). При одновременном дефиците молочных продуктов (минус 22% к норме) это **формирует вынужденную углеводную модель питания.**

Парадоксально, но **именно историческое русское ядро – Черноземье (Тамбовская, Курская, Липецкая, Воронежская области) – демонстрирует наихудший индекс сбалансированности рациона в стране**. Эпидемия избыточного веса, охватившая 62% граждан, разрушает здоровье нации не менее эффективно, чем прямые экономические лишения в те или иные периоды исторических катаклизмов.

Сложился самоподдерживающийся цикл упадка: закрытие социальной инфраструктуры провоцирует отток молодёжи, что ведёт к падению рождаемости, старению, сжатию налоговой базы и, как следствие, новым сокращениям.

Ценностный профиль: синтез традиций и справедливости

Социологические данные опровергают навязываемые стереотипы о нетерпимости русского большинства к иноэтническому соседству. Например, сводный индекс национальной терпимости ВЦИОМ, интерпретируемый как обвинение регионам русского ядра в некой отсталости в отношении модных трендов толерантности, на 75% состоит из показателей, отражающих не установки людей, а объективную этническую гетерогенность среды. Низкие баллы терпимости в ЦФО, СЗФО и ДФО – математически неизбежное следствие моноэтнической структуры, а не свидетельство какой-либо ксенофобии.

Реальный замер того же ВЦИОМ показывает: даже при отсутствии иноэтничных контактов 60% русских сохраняют доброжелательную установку, а по вопросу о межнациональном браке родственника сумма позитивных и нейтральных позиций достигает 64% при лишь 13% категорического неприятия.

На этом фоне любые возможные рекомендации повышать толерантность через миграционное перемешивание являются политически опасной и научно несостоятельной логикой, подменяющей задачу изменения установок задачей размывания демографического большинства.

В духовной сфере наблюдается поляризация: при сокращении доли номинально православных (с 78% до 65% за 15 лет) и росте секулярного сегмента (до 22%), внутри церковного ядра происходит тектонический сдвиг. Среди регулярно посещающих богослужения доля ежемесячно причащающихся выросла в 4,5 раза – с 14% до 64%, так что посещение храма и участие в таинствах практически слились в единую литургическую норму.

Однако эта углублённая церковность формируется и концентрируется не в столицах и мегаполисах, а в Центральном Черноземье, на Юге и Урале. Крупнейшие же агломерации превращаются в зоны духовного кризиса.

С этим и связано падение доли «культурных православных» – борьба за выживание в мегаполисе не способствует росту восприятия русских духовных и культурных ценностей. Столкнувшись с жёсткой развилкой между «честно зарабатывать»

и «богато жить», многие жители мегаполисов пренебрегают традиционными моральными ценностями.

В этой ситуации живущие в мегаполисах мусульмане, особенно мигранты, отвечают жёстким религиозным протестом и начинают создавать замкнутую среду общения по религиозному признаку, раскалывая общество и вызывая межнациональное напряжение. Показательная демонстрация своей религиозной принадлежности – с одной стороны, неверная реакция на духовный кризис и безыдейность государственного официоза, а с другой стороны – это прямая угроза межнациональному миру.

Соответствующая вызовам реакция русского большинства на деградацию традиционных моральных ценностей, особенно заметную в мегаполисах и крупных городах, учёными и экспертами пока не анализируется. Если не считать публицистических заметок про социально-культурную деятельность общественной организации «Русская община» и научного отклика на изменение литургического поведения церковного православного ядра.

Политические симпатии значительной части патриотически и традиционно настроенного русского большинства кристаллизуются вокруг левопатриотического фланга. Например, «красный пояс» 1990-х и начала 2000-х – это зоны русского ядра. Исследования 2000-х показывают совпадение «православного» и «красного» поясов.

В 2010–2020 гг. электоральный «красный пояс» на карте проявлялся лишь региональными островами от ушедшей под воду «красной русской Атлантиды». Но политические последствия пенсионной реформы, ощущавшиеся в выборных циклах 2018–2021 гг., вновь его проявили на электоральном ландшафте Российской Федерации на выборах в Государственную Думу в 2021 г.

Нынешний электорат КПРФ представляет собой уникальный ценностный сплав: православный по самоописанию (50%), но с рекордной среди парламентских партий долей никогда не посещающих храм (34,7%), умеренно секулярный по практике и одновременно советский по символической мобилизации (72% категорически против десоветизации Красной площади и полностью поддерживают решения съезда партии КПРФ по защите исторического наследия Сталина).

География этого феномена очерчивает пояса русского исторического расширения – Центральную Россию без столиц, Юг, Приволжье, Урал и часть Сибири.

Императив перемен: программа спасения

Анализ выводов представляемого доклада по положению русского народа подводит к однозначному выводу: *без радикальной смены социально-экономического курса демографическая, социально-экономическая и культурная эрозия русского ядра приобретёт необратимый характер*. Сохранение государствообразующего народа требует немедленного перехода от деклараций к системной государственной работе по нескольким направлениям одновременно.

Безотлагательно требуется:

• **Завершение правовой институционализации** – внедрение понятия «государствообразующий народ» в федеральные законы о языках, о традиционных ценностях и в миграционное законодательство, устранение правового вакуума, при котором статус существует лишь в преамбулах.

• **Жёсткий миграционный протекционизм** – переход к целевому оргнабору по принципу «приехал – отработал – уехал», запрет на привоз семей мигрантов, коллективная ответственность за тяжкие преступления, выход из МОМ и денонсация Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, ликвидация этнических анклавов как угрозы национальной безопасности. Иначе миграционное давление перейдет в стадию *народозамещения.*

• **Инфраструктурное возрождение и преодоление двухконтурной модели** – запуск целевой федеральной программы восстановления первичного звена здравоохранения и социальной инфраструктуры в русском ядре (в Нечерноземье, на Русском Севере, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке) с гарантированным нормативом кадровой обеспеченности. Срочная необходимость опережающего финансирования культуры и образования в малых исторических регионах с введением коэффициента на объём сохраняемого здесь культурного наследия при распределении федеральных средств.

• **Справедливое представительство** – обеспечение адекватного присутствия русского народа в органах власти. Преодоление системной недопредставленности в ряде регионов русского доминирования.

• **Возвращение государствообразующему народу рычагов управления крупной собственностью через** национализацию ключевых отраслей экономики, включая топливо-энергетический комплекс. А как первый шаг – возврат на федеральном бюджетном уровне к социально справедливому распределению национального богатства («бюджет развития» от КПРФ) и демонтажу олигархического капитализма.

• **Продовольственный суверенитет** – государственный контроль качества и возврат к подлинным ГОСТам, опережающий рост реальных доходов граждан, восстановление здоровой структуры питания как базового условия демографического возрождения.

• **Защита ценностного суверенитета** – отказ от инструментальных интерпретаций социологических индексов, навязывающих «русским» регионам ложное клеймо нетерпимости; дифференцированная культурная и информационная политика, учитывающая реальную конфессиональную и ценностную мозаику русского ядра.

• **Формулирование образа будущего России,** соответствующего основам русской цивилизации, который может стать основой государственной идеологии.

***

Конституционная норма 2020 года о государствообразующем русском народе – это не финал, а лишь отправная точка. Наполнение статуса государствообразующего народа реальными экономическими, социальными и правовыми гарантиями, преодоление выявленных колоссальных диспропорцией и несправедливостей в государственной политике в отношении регионов русского ядра являются главным императивом текущего исторического момента. От того, удастся ли разорвать самоподдерживающийся цикл депопуляции, инфраструктурной депривации и миграционного замещения на исторических русских территориях, напрямую зависит выживание России как единого государства и самодостаточной цивилизации.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Раздел I. Демографические характеристики и расселение 11
Раздел II. Русские на постсоветском пространстве, характер их миграции, проблемы иноэтнической миграции и межнационального баланса в Российской Федерации 38
Раздел III. Проблемы доступа представителей государствообразующего народа к рычагам реальной власти и управления крупной собственностью 63
Раздел IV. Продовольственный вопрос: доступность продуктов питания, динамика подушевого потребления и индексы баланса рациона по нормам Минздрава 75
Раздел V. Некоторые острые социально-экономические проблемы выживания русского народа в современной Российской Федерации 92
Раздел VI. Ценностный ландшафт русского большинства: межнациональные установки, культурное православие и воцерковлённость, идеологический профиль электоратов 119
Заключение 149